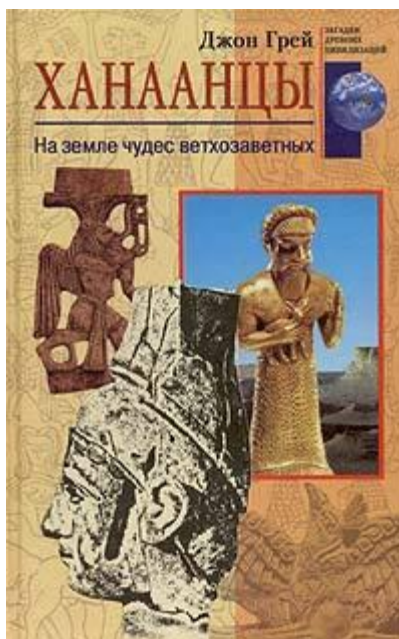

Джон Грей

Ханаанцы. На земле чудес ветхозаветных

Джон Грей

Ханаанцы. На земле чудес ветхозаветных

Предисловие

Благодаря своему географическому положению Палестина и Сирия стали зоной взаимодействия крупнейших цивилизаций Месопотамии и Египта. Культура ханаанцев¹, населявших данную территорию во втором тысячелетии до н. э., в полной мере отражает это взаимодействие, хотя так и не достигла уровня развития своих великолепных соседей. Вместе с тем нельзя забывать, что ханаанцы навсегда вошли в человеческую культуру благодаря изобретению алфавита. Ограничение рамок настоящей работы вторым тысячелетием до н. э. определяется тем, что этот период был временем становления и расцвета ханаанской цивилизации.

Первые сведения о ханаанцах были обнаружены в ходе археологических раскопок в Палестине и затем существенно расширены благодаря изучению табличек из Эль-Амарны, содержащих политическую переписку ее вождей. Все эти материалы стали предметом фундаментальной работы старейшины палестинских археологов Р. Х. Винсента «Ханаанеяне в свете последних исследований», напечатанной на французском языке в 1907 году, в которой была раскрыта одна из ярких страниц истории человечества.

После появления данной работы наши знания о ханаанцах увеличились во много раз благодаря археологическим раскопкам в Сирии и Палестине, исследованию различных памятников культуры. Грандиозные открытия, сделанные в королевских гробницах в Библосе, в храмах и дворцах в Мегиддо и Бет-Шане и особенно в храме Ваала, дворцах и домах города Рас-Шамры дали огромный научный материал, о котором будет рассказано ниже.

Менее впечатляющими, но не менее значительными являются предметы из других

---

¹ В отечественной науке принято название «ханаанеи», которое мы будем употреблять параллельно с более современным словом «ханаанцы».

поселений, они дают необходимый материал для сравнительных исследований, дополняя открытия, полученные в ходе изучения большого количества литературных источников и административных документов из Рас-Шамры. Возможно, что новые материалы, сейчас еще не известные исследователям, приведут к пересмотру современных представлений о происхождении ханаанцев.

Ханаанитские литературные памятники и документы из Рас-Шамры содержат более обширную информацию, чем те обобщенные выводы, которые можно найти во многих книгах по ветхозаветной истории. Настоящее исследование вызвано необходимостью собрать и проанализировать всю информацию, которая накопилась за последнее время.

Мы верим, что, несмотря на ограниченный объем, данная работа дает достаточно полное представление о масштабе и значении приводимых нами революционных по своему значению материалов, и надеемся, что читатель благосклонно примет выводы и обобщения, к которым мы пришли в подготовленных нами «Законах Ханаана».

В данной работе мы придерживаемся упрощенного написания, без ударений и диакритических знаков, обычно используемых при транслитерации семитских слов.

Воспользуемся теперь возможностью, чтобы отдать дань уважения новаторской работе Чарльза Виролло, главного редактора во всех значениях этого слова, и его преемнику Рене Дюссо. Если мы и не приняли всех их замечаний, то в полной мере воспользовались их чутьем и живым опытом.

Отметим также самоотверженную работу профессора С. Х. Гордона, который перевел основной корпус текстов и снабдил нас превосходным грамматическим справочником. Мы также воспользовались недавними переводами и специальными комментариями в трудах профессора Г. Р. Драйвера («Ханаанитские мифы и легенды», 1956) и профессора Дж. Айтстейтнера («Мифологические и культовые тексты из Рас-Шамры», 1959, и «Словарь угаритского языка», 1963).

Приносим свою благодарность профессору О. Эйсфельду (Галле, Германия), который возглавил исследования после смерти профессора Дж. Айтстейтнера в 1960 году, великодушно приславшего нам в подарок книгу. Выражаем свою признательность профессору О. Эйсфельду и за его превосходные и конструктивные исследования недавно обнаруженных административных текстов из дворца в Рас-Шамре и за серию исследований, посвященных религии Ханаана.

В ходе подготовки настоящей работы меня поддерживали и воодушевляли многие знакомые, например знаменитый археолог, раскопавший Рас-Шамру, профессор С. Ф. А. Шеффер, которому мы бесконечно благодарны не только за его методические и успешные полевые работы, но также за его обильные и постоянные советы и предоставленную нам «Сравнительную стратиграфию и хронологию Восточной Азии», а также за любезное предоставление материалов из Рас-Шамры для иллюстративного ряда книги.

Мне хотелось бы также поблагодарить и тех, с кем мне довелось встречаться во время раскопок в Палестине, Сирии и Ливане: Р. П. Роланда Де Во, главу французской археологической школы, и доктора Юсуфа Саада, директора Палестинского археологического музея в Иерусалиме, эмира Мориса Хебаба, директора Национального музея в Бейруте, и его помощника мистера Роджера Саида, а также Фейсала Сейрафи, директора Музея древностей в Алеппо, щедро предоставивших мне материал для иллюстраций и помогавших в моих исследованиях, а также сделавших мое пребывание на Ближнем Востоке не только полезным, но и приятным.

При подготовке рукописи существенную помощь мне оказал мой подающий надежду молодой коллега Уильям Джонсон, преподаватель факультета еврейских и семитских языков Абердинского университета. Проницательно и внимательно он прочитал рукопись и составил указатель. Вернувшись из Рас-Шамры, мистер Джонсон произвел сверку текста вместе с моей женой, за что я безмерно благодарен.

Безмерно признателен помощи Х. А. Шелли, подготовившего карты, а также М. Л. Роу

из Кембриджа и мистеру М. Спинку из издательства «Теймс и Хадсон» за подготовку рисунков с учетом всех моих замечаний. Что же касается остальных рисунков и планов, то я должен отдать должное профессиональным навыкам моего друга мистера Джеймса Л. Сомервиля из Абердена. Его заинтересованность, а также терпеливое и тщательное обсуждение деталей работы оказались воистину бесценными.

И наконец, приношу свою благодарность доктору Глинну Даниэлу и всей редакции «Теймс и Хадсон» за проявленное ими терпение при тех задержках, которые были вызваны подбором иллюстраций, и за их умелое руководство в тех деталях, которые сопровождали подготовку рукописи.

Дж. Грей

Глава 1

Введение

Чаще всего о ханаанцах узнают из Ветхого Завета. Там говорится, что они составляли большую часть населения Палестины, поглощенной Израилем, стремившимся занять «страну с молочными реками и кисельными берегами». Ветхозаветные пророки, проповедники и переписчики Ветхого Завета с негодованием говорят об «отвратительных ханаанейцах». Их ярость вызвана тем, что многие евреи поклонялись ханаанским божествам плодородия Ваалу и Аштарот, с культом которых было неразрывно связано представление о неукоснительном следовании естественным проявлениям природы, то есть о сексуальной свободе.

В настоящей работе мы будем опираться на материалы и документальные свидетельства, полученные в результате многочисленных археологических раскопок. Они дают подробную и наиболее объективную картину культуры и быта жителей Древнего Ханаана.

Название «Ханаан» происходит от семитского слова «кинахна», которым жители Месопотамии во втором тысячелетии до нашей эры обозначали часть сирийского побережья Средиземного моря от залива Александретта (современный Искендерун) до мыса Кармель. Отсюда они получали высоко ценившуюся ими пурпурную краску (кинахху), которую там производили из раковин, добытых в прибрежных водах.

Более узкое и, соответственно, более специфическое употребление названия Ханаан встречается в Ветхом Завете. Иисус Навин называет землей Ханаанской окрестности Сидона (Нав., 13: 4), пророк Исаия – окрестности Тира (Ис., 23: 11). В Книге Судей говорится о царях Ханаанских, которые сражались около вод Мегиддонских на западе великой центральной равнины Палестины (Суд., 5: 19).

В последнем случае говорится о жителях крупных поселений этой равнины и верхней Галилеи (то есть Хазора), которые имели торговые связи с жителями городов сирийского побережья (если быть более точным, финикийцами или ханаанцами) и восприняли их культуру и религию, что подтверждается многочисленными археологическими раскопками.

Еще одно значение можно обнаружить в Книге Чисел, где говорится о ханаанеях, которые живут «при море и на побережье Иордана» (Числ., 13: 29). Их главным культурным и торговым центром был Хазор, расположенный близ удобной переправы к югу от озера Хулах, через которую проходил путь в Дамаск и еще одна дорога вела на север через водораздел Иордана и Литании, затем к финикийскому побережью. Правитель Хазора в Книге Судей назван «правителем Ханаана» (Суд., 4: 2, 23–24).

Однако сведения, которые приводятся в библейских книгах, основываются на устных преданиях. Поскольку к моменту их составления прошло 400–500 лет, эти предания прошли через память двенадцать – пятнадцать поколений. К тому же они, несомненно, подверглись тенденциозной обработке в соответствии с идеологическими взглядами, соответствующими

времени записи. Поэтому перед историками встает естественный вопрос о достоверности этих сведений. Одно из средств их проверки – сопоставление с документальными источниками, обнаруженными в результате археологических раскопок.

О Ханаане неоднократно упоминается в переписке египетского правительства с вождями и египетскими чиновниками из Сирии и Палестины, сохранившейся в табличках из Телль-эль-Амарны. Иудейские авторы называли ханаанцами своих палестинских предшественников, хотя перечисление ханаанцев в одном ряду с аморейцами, хеттами, хивитами, периситами, гиргашитами и ебушитами указывает на их осведомленность в исключительной этнической пестроте, характерной для данного района.

Вместе с тем сегодня совершенно ясно, что, несмотря на упоминание в амарнских табличках, в Ветхом Завете «Ханаан» и «ханааняне» употребляются как собирательные обозначения всей Палестины до появления там иудеев, а не как названия определенной культурной или этнической группы. Поэтому этническое значение термина представляется второстепенным и скорее относится к семитам, составлявшим основную часть населения и оказавшим определяющее влияние на их культуру и язык.

Фактически этнический термин «аморейцы», употребляемый для обозначения семитского населения Сирии и Палестины во втором тысячелетии, является более удобным, чем «ханааняне». Культурное единство Сирии и Палестины, к которому применяется распространенный термин «Ханаан», подтверждается соответствием многочисленных упоминаний о ханаанской культуре в Ветхом Завете и археологическими находками из различных поселений на данной территории и документальными свидетельствами из Рас-Шамры.

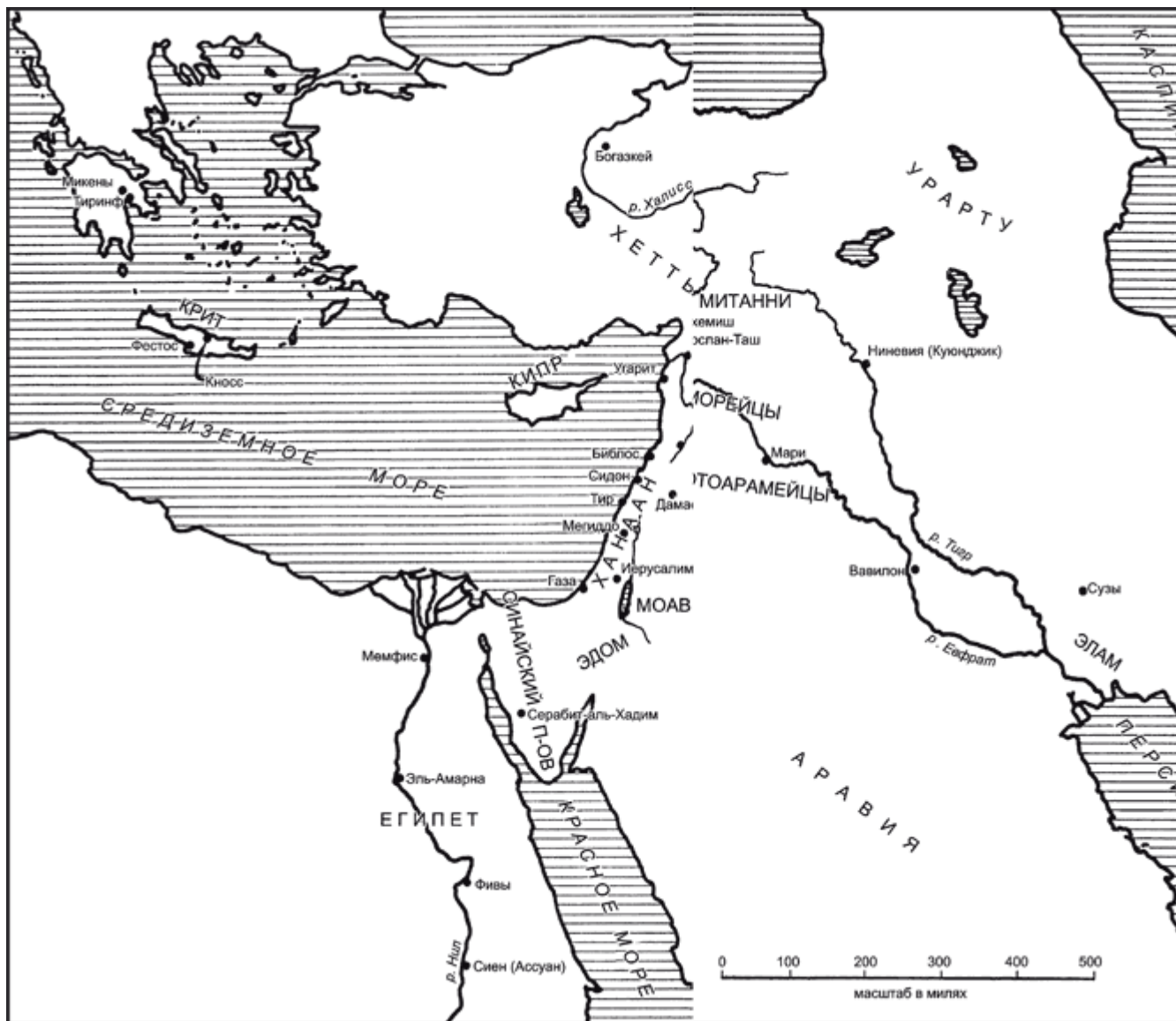

Рис. 1. Карта Ближнего Востока во втором тысячелетии до н. э.

И в Палестине, и в Сирии постоянно искали замену природным ресурсам больших рек, подобных Евфрату, Тигру или Нилу, благодаря которым были возможны орошение, навигация и техника, стимулировавшие развитие культуры в Месопотамии и Египте.

Искусственные водосборные сооружения на западе Сирии и Палестины в период зимних дождей наполнялись водой из облаков, которые рождались дувшим с моря ветром и обильной росой с весны до позднего лета. Восточная часть Палестины находилась в стороне от зоны интенсивных дождей. Постоянный недостаток воды привел к сосредоточению отдельных независимых поселений вокруг местных источников и пригодных для обработки земель, часто изолированных друг от друга из-за различных природных условий.

Жизнь на грани выживания в условиях постоянных угроз засухи, налетов саранчи из пустыни или вторжений кочевников привела к тому, что сообщества выработали устойчивость к внешним воздействиям, но их политическое устройство практически не совершенствовалось. В данном районе не могло сложиться сильное государство, охватывающее всю территорию и отличающееся сильной монолитной культурой. Напротив, в данном регионе складывались предпосылки для ассимиляции культур Египта и Месопотамии, Крита и Микен.

По существу, в войне и мире, дипломатии, торговле, средствах сообщения и культуре ханаанеяне всегда выбирали золотую середину между Месопотамией и Египтом. Данную особенность подтверждают многочисленные археологические находки, особенно результаты

раскопок в Рас-Шамре, Древнем Угарите, расположенном на севере сирийского побережья. Политическое влияние Египта и торговые связи с Месопотамией достигают наибольшей силы в конце бронзового века (примерно в 1600–1200 годах до н. э.). Именно уникальное географическое положение на своеобразном культурном перекрестке позволило ханаанеянам внести в развитие человечества столь уникальный вклад, как изобретение алфавита.

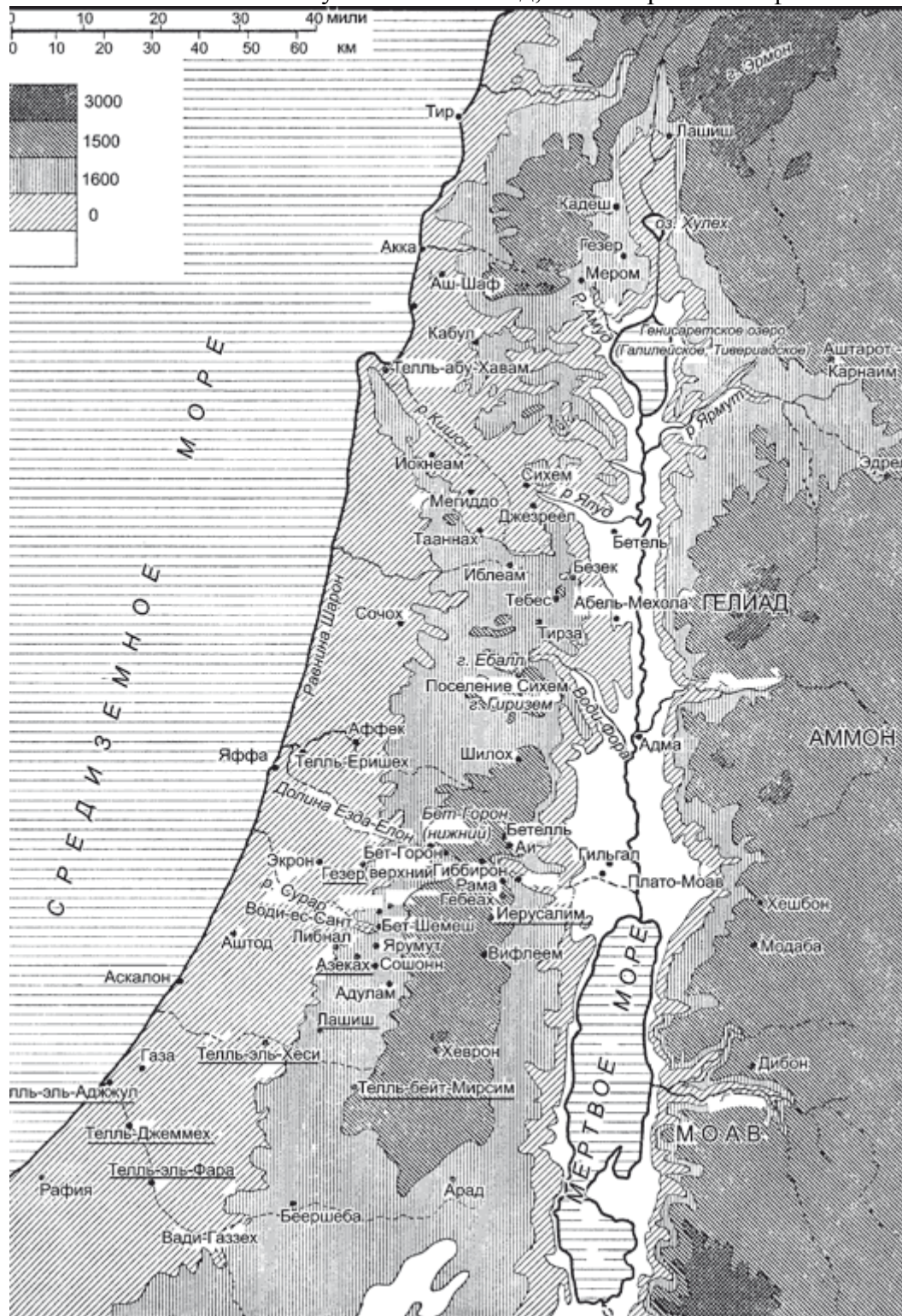

Рис. 2. Карта Палестины во время бронзового века

Превосходный анализ археологических находок, проведенный великим археологом-доминиканцем Л. Винцентом в книге «Ханаан по раскопкам последнего времени» (1900), показал необходимость дальнейших раскопок и привлек к палестинским

поселениям внимание археологов. Некоторые поселения, например Телль-эль-Закария, Телль-Джуддейда, Телль-эс-Сандаханна или Телль-эс-Сафи, расположенные на западном склоне гор Иуды, не представляют особого интереса для нашего предмета исследования. Только поселение Телль-эль-Хеси (возможно, Эглон), расположенное на краю прибрежной равнины в 15 милях от Газы, интересно своими курганами, стратификационные датировки которых выделяются сэром Флиндерсом Петри и Ф. О. Блиссом (1891–1893).

Раскопки в Иерусалиме, проведенные с 1894-го по 1897 год, не дали существенных результатов. Гораздо более плодотворными были работы в Телль-Таанеке, Гизе и Мегиддо. Именно на добытых там данных по датировке поселений основывался в своей реконструкции Ханаана Л. Винсент.

После Первой мировой войны, когда была создана научная методика стратиграфической датировки, появилась возможность не только датировать каждый слой, что блестяще делали Ф. Петри и Л. Винсент, но и определять его продолжительность, восстанавливая последовательность развития культуры.

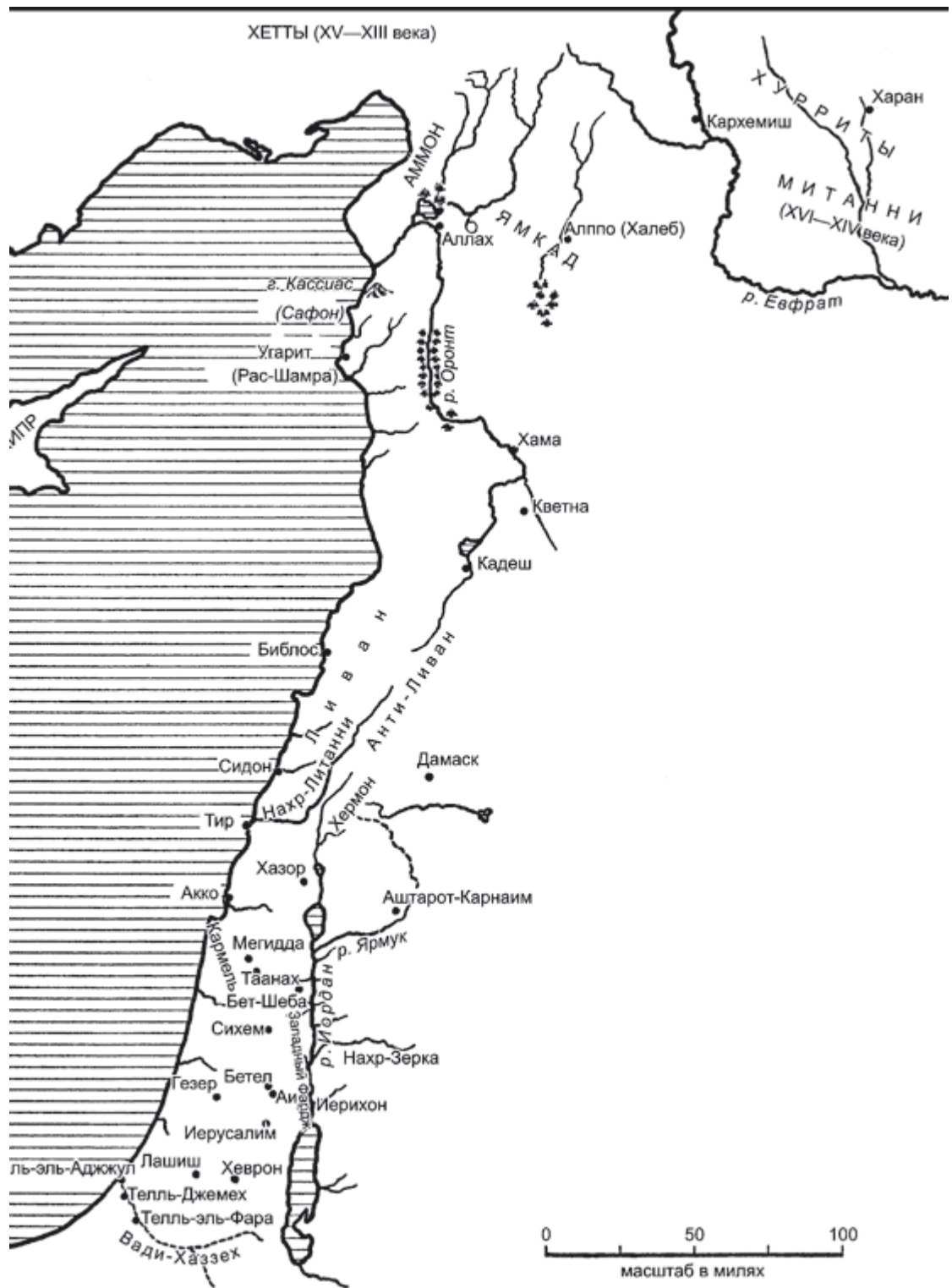

Рис. 3. Карта Ханаана во втором тысячелетии до н. э., основные археологические стоянки

Это привело к значительному расширению поля зрения ученых по сравнению с книгой Л. Винсента. В настоящей работе мы опираемся на весь комплекс имеющихся находок, во многом пересматривая результаты первых раскопок в Палестине. Результаты экспедиций последних лет в Мегиддо, Телль-эль-Аджкуле, Телль-Джеммехе и Телль-эль-Фарра в Вади-Газзехе, Телль-бейт-Мирсима (возможно, древний Кирьят-Сефер, также называвшийся Дебиром), Телль-эд-Дувейра (возможно, Древний Лашиш) у юго-западного подножия гор Иуды, Бетеле, Бет-Шане, Иерихоне, Сихеме, Наблус, Яффа, Хайфа и во многих других пунктах Палестины, а также в Библосе и Рас-Шамре на сирийском побережье и в Кветне,

Хаме и Атшане (Древний Алалах) в долине Оронта существенно обогатили наши знания о Древнем Ханаане. Начиная с раннего периода, развитие общества на Ближнем Востоке можно легко проиллюстрировать результатами названных раскопок.

Рамки нашей работы ограничены изучением истории и культуры Ханаана во втором тысячелетии до н. э., когда началось проникновение туда израильтян и формировалась финикийская культура последнего дохристианского тысячелетия. Открытия последнего времени привели к пересмотру традиционной точки зрения, принятой после работы Л. Винсента. Занимавшая центральное положение Палестина оказалась провинцией по сравнению с великими городами, расположенными на сирийском побережье.

Если не принимать в расчет египетские документы из Эль-Амарны, которые в основном связаны с политическими событиями, Л. Винсент опирался на материальные свидетельства, которые в данном случае были далеко не полными. Он рассматривал типы крепостных сооружений, жилищ, общественных зданий, например храмов. Посредством анализа различных типов керамики он пытался выявить основные фазы развития культуры на данной территории и установить источники иностранного влияния. Подобная реконструкция была достаточно субъективной, особенно в том, что касалось особенностей внутренней жизни и образа мысли людей.

К счастью, сегодня археологам больше не приходится опираться на догадки. Многие предположения отца Винсента подтверждаются не только данными археологических раскопок, но и более полным представлением о всей истории Ближнего Востока, а также потоком документальных свидетельств, относящихся ко второму тысячелетию.

Линейные алфавитные надписи из Синая и Лахиша, надписи из Шафаат, Баала и Ахирама из Библоса, календарь X века из Хазора, несмотря на краткость записей, имеют высокую ценность как источники. Однако они меркнут в сравнении с огромным количеством глиняных табличек из Рас-Шамры, написанных аккадским слоговым письмом и ханаанитской алфавитной клинописью, которые отражают политическую, социальную, религиозную и литературную жизнь Ханаана в конце бронзового века, особенно на протяжении XIV и XIII веков до н. э.

Вместе с аккадскими табличками из Атшаны они существенно расширяют наше представление о политической ситуации в Северной Сирии, полученное на основе табличек из Эль-Амарны, а также проясняют отдельные аспекты светской и религиозной жизни, сведения о которых в связи с назначением амарнских табличек были достаточно скудными.

Кроме ханаанских источников, пролить свет на политические и культурные контакты этой территории с Месопотамией во времена вавилонского царя Хаммурапи (приблизительно около 1700 года) помогают клинописные тексты из канцелярии города Аморита и египетские надписи. Некоторые из них были известны уже во времена отца Винсента, но с тех пор их дополнили в ходе новых открытий. Прежде всего это заклинательные тексты XIX столетия, которые рассказывают о поселении аморитских племен в стратегически важных центрах Южной Сирии и Палестины, о которых нам известно, что во втором тысячелетии до н. э. они принадлежала ханаанитам.

Все эти письменные свидетельства позволяют реконструировать историю развития ханаанской цивилизации от ее зарождения в конце третьего тысячелетия до н. э. до периода расцвета в XIV–XIII веках. Тексты из Рас-Шамры позволяют воссоздать заключительную стадию ее развития. Их полнота превосходит самые оптимистические ожидания ученых предшествующего поколения. И все же они неполны, поэтому не следует пренебрегать всем комплексом данных, в том числе археологическими находками, сделанными в Сирии и Палестине. Для получения объективной картины истории Ханаана в середине и конце бронзового века (приблизительно с 2000-го по 1200 год до н. э.) нужно учитывать события, происходящие на прилегающих к нему территориях, рассматривая Ближний Восток как единое культурное сообщество с изменениями, вызванными местными экологическими условиями.

Глава 2 История и район обитания

Ханаан относится к тем районам, в которых издревле пересекалось множество дорог в Египет, Месопотамию и Анатолию; кроме того, через него проходил очень важный торговый путь из Европы в Азию. Прибрежные районы Ближнего Востока были последней населенной землей перед безбрежными пустынями Северной Аравии, откуда ежегодно приходили кочевники-амориты, искавшие свободные пастбища или стремившиеся ограбить удаленные друг от друга поселения, жители которых только что собрали очередной урожай. Скорее всего, амориты расселились здесь в конце третьего или начале второго тысячелетия, образовав в начале железного века, то есть приблизительно в 1200 году, великую конфедерацию арамейских племен. Общее происхождение и постоянные контакты с семитскими племенами, жившими в глубине аравийской пустыни, постепенно привели к выработке общего уклада жизни и нивелированию этнических и культурных различий между отдельными племенами.

В четвертом тысячелетии влияние Месопотамии прослеживается в отпечатках на семитской керамике из Мегиддо, а также в характерной росписи одного и того же периода из долины нижнего Оронта (керамические изделия из Телль-Халафа и Убайды) и из Рас-Шамры (уровни IV и III).

Сложнее установить степень проникновения на запад (в Амурру или Аморитские земли) войск аккадского царя Саргона, которого в Книгах Пророков необоснованно называют покорителем «той земли, где садится солнце и горы сплошь заросли кедром». Скорее всего, в первый имперский период месопотамской истории Саргон пересек узкий перешеек между Евфратом и морем, чтобы добраться до экономических ресурсов Сирии, в связи с чем он и упоминает о кедре, возможно добывавшемся в Аманусских горах, и установил полный контроль над всей территорией.

Косвенно данные события отразились и в эпической поэме о Гильгамеше, где рассказывается о том, как герои убивают Хуваву, дикого стража кедровых лесов. Клинописные таблички XVIII и XVII веков до н. э. из Мари (средний Евфрат) содержат переписку, которую вели правители городов-государств Ямхада (Алеппо), Угарита, Кветны и Библоса с аморитским правителем в Мари. Как важнейший торговый центр в этой переписке упоминается находящийся в Палестине Гезер (Хазор).

О возрастающем влиянии Месопотамии в конце бронзового века свидетельствуют цилиндрические печати с месопотамскими мотивами и сюжетами аккадских легенд, найденные в Рас-Шамре, Кветне, Атшане, Телль-Таннеке, Сихеме и других местах Сирии и Палестины.

Амарнские таблички времени царствования фараонов Аменхотепа III и Аменхотепа IV, содержащие переписку с египетскими чиновниками и местными вассалами из Ханаана (около 1412–1378 годов до н. э.), доказывают, что аккадский язык был дипломатическим языком на всем Ближнем Востоке, включая и Ханаан.

Сихемские таблички указывают и на то, что ханаанские правители, возможно, располагали своими собственными писцами, а также учителями грамоты. Об интенсивных связях с Аккадом свидетельствует обнаруженная в Телль-эль-Амарне запись шумерской легенды об Адапе, человеке, обретшем бессмертие, и обнаруженная близ Мегиддо в 1959 году табличка с написанным аккадской клинописью фрагментом эпоса о Гильгамеше. Таким образом, начиная с конца третьего тысячелетия в Ханаане отмечается четкое влияние месопотамской культуры, которая естественно смешивалась с семитским и аморитским субстратами, носителем которого было доминировавшее в обеих областях население.

О египетском влиянии в Ханаане можно судить по материальным остаткам внутри слоев, относящихся к третьему тысячелетию до н. э., в таких поселениях, как Библос, Рас-Шамра, Мегиддо и Аль, а также из египетских погребальных надписей. На протяжении всего второго тысячелетия количество подобных свидетельств неуклонно возрастает.

Интересы Египта были связаны не только с получением бирюзы и определенного количества меди с Синая, но также и кедровым лесом из Ливана. В папирусе Голенищева, где описываются злоключения посланников Египта во время ослабления его влияния (около 1100 года до н. э.), Библос изображен как главный лесной порт. Интенсивность торговли лесом в начале третьего тысячелетия подтверждается медной головкой для топора, принадлежавшей египетскому лесорубу, одному из членов команды корабля. В надписи упоминается Хеопс, строитель великой пирамиды в Гизе. Этот топор нашли в 1911 году близ устья Нахр-Ибрахима (Адонисе классического периода), то есть в районе современного Бейрута.

Предметы из Египта и печать с архаическими иероглифами, найденные под мостовой более позднего святилища в Библосе, указывают на египетское влияние в местном культе богини плодородия начиная примерно с 3000 года до н. э.

Как показывают находки египетских алебастровых ваз периода древних царств во дворце или храме в Аи, контакты с Египтом не ограничивались континентом, простираясь и на острова. Ослабевшее после вторжений из Азии в последние три века третьего тысячелетия, египетское господство в Ханаане вновь установилось в начале второго тысячелетия.

О существовании уже в XII веке дружественных отношений между Угаритом и Египтом свидетельствуют культовые предметы с картушами (орнаментированными надписями, содержащими почетные титулы и посвящения) фараона Сесотриса I (1980–1935) из XII династии, обнаруженные около храма Дагона в Рас-Шамре. К этому же времени относятся два королевских сфинкса с картушем Аменемхета III (1849–1801) и статуи других египетских богов, найденные поблизости от храма Ваала. Скорее всего, это приношения в знак уважения к местным богам, выражающие добрую волю фараона. Вместе с тем монументальные статуи египетских богов должны были вызвать у местных жителей страх перед его силой и великолепием.

Особый интерес представляет сидячая фигура царицы Кхумет-нофр-Нех (Кхумет – «красивейшая», «венценосная»), жены Сесотриса II (1906–1887). Но самым совершенным считается сфинкс другой жены фараона, принцессы Ита, обнаруженный в Кветне примерно в 11 милях к северо-востоку от Хомса.

Профессор Шеффер считает, что обе царицы были местными ханаанскими принцессами, на которых фараон женился из политических соображений и в соответствии с местной традицией, которой следовали и фараоны поздней XVIII династии, что подтверждается свидетельствами на амарнских табличках. О влиянии Египта в Ханаане свидетельствует и множество жертвенных предметов и подарков из золота, обнаруженных в храмах и царских захоронениях в Библосе, относящихся к XIX–XVIII векам до н. э. Примечательно, что и орнаментика короны царей Библоса содержит такие типично египетские мотивы, как скипетр и столб, увенчанные изображением королевской кобры. Они символизируют процветание, жизнь, благополучие и незыблемость власти фараона.

Однако не всегда отношения между отдельными правителями Ханаана носили дружественный характер. Они были воинственными вождями, и их приход в Ханаан в конце третьего тысячелетия отмечен разрушенными поселениями, которые обнаруживаются в раскопках по всей территории – в Рас-Шамре, Библосе, Хаме, Бет-Шане, Аи, Иерихоне, Гезере, Ашкелоне, а также в Таанахе и Мегиддо. Отмечены два периода сравнительного затишья – с 2400-го по 2300 год и с 2100-го по 2000 год.

Первым значительным документальным свидетельством, подчеркивающим стремление Египта получить контроль над Ханааном в середине бронзового века (с 2000-го по 1600 год до н. э.), являются две группы надписей, содержащих тексты проклятий. Первую группу составляют надписи иератическим письмом и стилизованными иероглифами на сосудах, которые были разбиты во время совершения обряда проклинания врагов. К сожалению, мы не можем установить место их обнаружения и, соответственно, археологический контекст. Их купили в Луксоре сотрудники Берлинского музея древностей. Палеографическую

датировку провел известный египтолог Дж. Позенер примерно в 1850 году.

В этих текстах содержится перечисление врагов Египта, среди которых упоминается ряд вождей и местных правителей из Северной Сирии и Палестины, что свидетельствует не только о заинтересованности египтян в этих землях. Перечисление имен документально отражает этнический состав жителей Ханаана и позволяет установить характер его заселения в самом начале рассматриваемого нами периода.

Кроме того, имена вождей отражают и их верования, поскольку все они теофорны, то есть включают имена богов. По форме они идентичны с аморитскими или протоарамейскими именами кочевников, которые вторглись в Месопотамию из северных арабских степей в конце третьего тысячелетия и сохраняли власть в Вавилоне с 1800 года до н. э. на протяжении правления I аморитской династии.

В основном в них употребляются те же самые наименования и атрибуты богов, что и в аморитских именах Месопотамии того же периода. Они также соответствуют по форме еврейским собственным именам, особенно именам патриархов, обычно принимавшим имена богов или их развернутые определения, соединяя существительное или прилагательное с глагольным предикатом.

Благодаря их именам мы получаем информацию и о группах мужественных аморитов, которые прорвались из североарабских степей на плодородные земли Месопотамии и Сирии, и о тех богах, которым они поклонялись.

По текстам проклятий можно составить представление о политической и социальной организации аморитского населения Ханаана, а также об их переходе в XIX веке до н. э. от родоплеменной структуры к оседлым сообществам – поселениям. В более ранних текстах из Луксора, например, упоминаются несколько вождей, проживавших в одном и том же районе. Так, в Иерусалиме было два вождя, а в Аскалоне – три.

Существование выявленных нами автономных племенных объединений, возникавших в результате постепенного увеличения числа кочевников, четко подтверждается открытием доктора Катлин Кенъон в Иерихоне. Она установила, что захватчики, уничтожившие последние поселения раннего бронзового века, одновременно применяли не менее пяти различных форм погребения.

Племенная организация, о которой упоминается в луксорских текстах, и личные имена, в которых имена богов соединяются с терминами родства, обозначающими кровных родственников – амму (дядя со стороны отца), хали (дядя со стороны матери) или абу (отец), подтверждает, что ее носители – выходцы из степей Северной Аравии. Отраженные в них социальные взаимосвязи и характер подчиненности и сплоченности внутри родственных групп являются важным фактором для выживания племени в условиях пустыни. Племенные объединения, которые сложились и существовали на территории Ханаана на протяжении всего второго тысячелетия, образовались из представителей разных независимых групп. Множественные различия между ними, так и оставшиеся непреодоленными, а также ограниченное количество плодородной земли следали обитателей Ханаана легкой добычей для таких безжалостных и сплоченных агрессоров, как Израиль и многочисленные арамейские племенные объединения начала железного века (около 1200–1000 годов до н. э.).

Скудная природа аморейских поселений в Ханаане привела к эволюции небольших городов-государств в Сирии и Палестине. После заимствования лошадей и военных колесниц от арийцев в конце XIX века до н. э. их правители превратились в наследственных феодалов, управлявших ханаанцами от имени египтян в составе Нового царства с XVI века до конца нашего периода.

Вторая группа текстов с проклятиями находится на статуэтках, также приобретенных в Каире и неизвестно где найденных. На основании палеографических данных и соотнесенности с находками при раскопках аморейских поселений в Сахаре Позенер относит их к 1800 году до н. э. В упоминаемых там теофорных именах редко встречаются ханаанские наименования божеств, за исключением имени Хадад с предикатом, что указывает на ограниченность культа почитанием местных святых, связанных с земледелием. Из

мифологических текстов Рас-Шамры известно, что Хадад был богом ветра и плодородных дождей осени и зимы, эквивалентным ханаанскому Ваалу, то есть был главным божеством для крестьянина-земледельца.

Очевидно, что, придя в Ханаан, кочевники превращались в крестьян (феллахов). Залогом успешной обработки земли были согласованные усилия многих людей. Поскольку у каждой общины был свой предводитель, возникала необходимость выработать систему для согласования и разделения их власти. Однако нет свидетельств, что возникали объединения, выходящие за узко территориальные рамки. Похоже, они имели только местный характер.

Действительно, в перенаселенных поселениях, возникших вокруг укрепленных холмов или городах с несколькими поясами глинобитных фортификационных сооружений, заметны следы местных столкновений, которые характерны для всех территориальных образований на земле на всем протяжении их истории. Внутренняя разобщенность и внешняя изолированность из-за постоянной необходимости обороняться от возможного вторжения сдерживали развитие культуры в ханаанских поселениях.

Не всегда удается определить точное географическое место поселений, упомянутых в текстах проклятий, поскольку названия населенных пунктов неоднократно менялись. Почти наверняка там упоминаются Ашкелон и Яффа, расположенные в южной части прибрежной равнины Палестины; Афек, который, вероятно, располагался в Рас-эль-Айн у истока реки Яркон (Нахр-Аюджа), Акко и расположенный вблизи от него Аш-Шаф; Библос и, возможно, Арка близ Триполи, Фихл (Пелла) на восточном берегу реки Иордан напротив Бет-Шана и Иерусалима, Сихема на возвышенностях внутри Палестины и, возможно, Иион (современный Мердж-Айюн) в Ливане как раз рядом с израильской границей, в котором ведутся крупнейшие археологические раскопки в Палестине. Назовем также Каркар в нижнем течении Оронта в Сирии, а также, возможно, Ярмут, который, может быть, назывался Шефелах. Сейчас археологи определили местонахождение немногим более пятидесяти пунктов.

Названия большей части указанных мест, а также менее значительные поселения, в основном расположенные на равнинах и вдоль западных границ Палестины, известны также по упоминаниям в Ветхом Завете и спискам племен, содержащимся в Книге Иисуса Навина.

На первый взгляд кажется, что поселения были немногочисленны, но ведь некоторые из них, даже такие крупные, как Газа, Мегиддо, Бет-Шан, Иерихон и другие города, расположенные на равнинной части Палестины, не упомянуты в текстах проклятий, хотя по раскопкам известно, что они уже существовали в этих местах. Поэтому никак нельзя согласиться с мнением некоторых специалистов по библейской археологии, утверждающих, в соответствии с Ветхим Заветом, что в эпоху патриархов, то есть в XIX веке до нашей эры, территория Ханаана была мало населена.

Для Сирии и Палестины конец третьего – начало второго тысячелетия был периодом медленного возрождения после опустошительных аморейских набегов и образования поселений, с которыми связано окончание развития культуры раннего бронзового века.

Яркая картина жизни аморейского поселения, возможно находившегося в Южной Сирии, содержится в египетской повести о приключениях Синухета, вельможи, входившего в свиту фараона Сесотриса I (1980–1935). Попав в опалу после смерти фараона, он был вынужден покинуть Египет. Пройдя через «царские ворота» – цепочку египетских фортов, расположенных на Суэцком перешейке, Синухет стал двигаться на север, перемещаясь от одного племени к другому. Племя, гарантировавшее его безопасность на своей территории, передавало его своему соседу, с которым оно находилось в хороших отношениях. Пройдя долгий и трудный путь, Синухет наконец оказался в поселении своих соплеменников, располагавшемся где-то в степной, восточной оконечности Палестины или Сирии (он называет ее Кедем). Но его описание этой земли, богатой вином и оливками, указывает на то, что она находилась западнее, поскольку в Сирии и Палестине оливки цветут только в зоне средиземноморского климата.

То, что этот район с прекрасными условиями для ведения сельского хозяйства был

заселен соплеменниками Синухета, подтверждается текстами проклятий из Луксора. Вот как Синухет описывает эту плодородную землю:

«Это была прекрасная земля, и называлась она Иаа. Смоквы имелись в ней и виноград. Обильнее была она вином, нежели водой. Много имелось в ней меда, масла в изобилии, фруктов разных на деревьях. Имелись там также ячмень и пшеница, не было предела скоту всякому. Сделал он меня вождем племени среди избранных страны своей. Делали для меня кушанья в качестве ежедневного довольствия, вино в качестве ежедневной доли, вареное мясо, жареную птицу, не считая дичи, ибо ловили ее для меня и клали передо мной, кроме того, что приносили мои охотничьи собаки. Приготовлялось мне множество блюд и молоко, сваренное разными способами»².

Плодородные земли и щедрая природа, а также обилие лесов в Ливане делали Ханаан желанной целью для многочисленных захватчиков из Азии. После вторжения кочевников в Первый промежуточный период в конце третьего тысячелетия в интересах собственной безопасности правители Египта держали данный район под своим постоянным контролем. И все же с 1730-го по 1580 год до н.э. Египет пережил вторжение и захват власти кочевниками-гиксосами. Отметим, что этим словом (*hyk khwsht*) в Египте обозначали всех чужеземных правителей независимо от их этнической принадлежности. Анализ керамики и королевских скарабеев этого периода, а также фортификационные сооружения, особенно стены укрепленных городов-крепостей, показывает, что гиксосы, пришедшие в Нижний Египет, относились к тому же этносу, что народы, населявшие Сирию и Палестину.

Было бы естественно объяснить такое политическое движение внешними причинами, но в данном случае материальные свидетельства, которые могут дать разгадку применительно к данному периоду, большей частью оказываются неубедительными. Острые килевидные узоры на керамике нового типа, возможно, указывают на существование металлических прототипов данных изделий, что, в свою очередь, ведет к рудоносным районам Анатолии и Кавказа.

Найденные в королевских гробницах Библоса (XIX век) металлические сосуды явно критского происхождения. Бронзовый пояс с приспособлениями для кинжала из Телль-эль-Фара близ Наблуса и другие находки из Рас-Шамры явно соотносятся с аналогами, обнаруженными на Кавказе.

Самой значительной новацией данного периода, несомненно, стало появление лошади и двухколесной военной колесницы. Полагают, что лошадь, известная в Южной Месопотамии как «осел с Востока», была ввезена на запад индоиранцами. Об этом свидетельствует ареал распространения скелетов лошадей и остатков колесниц, как установил в своих изысканиях А. Потратц.

Первое появление лошади отмечено в палестинском поселении, относящемся к хальколитическому периоду (четвертому тысячелетию до н.э.), в Хорват-Бетере (Бер-Шеба), но нельзя с уверенностью сказать, что это животное было одомашнено. Потом лошадь появилась в погребениях Телль-эль-Адджула и Иерихона, относящихся к периоду гиксосов. Аналогичные погребения, относящиеся к третьему тысячелетию до н.э., обнаружены в Южной России и на Кавказе, а воинские погребения первого тысячелетия с лошадьми и колесницами, распространенные в Южной России и Восточной Европе, ассоциируются с миграцией арийцев.

В египетских документах лошадь впервые упоминается в надписи об изгнании гиксосов в гробнице одного из представителей знати, который был участником освобождения. Впервые разведение лошадей в Египте началось с XVIII века в большой Средней королевской крепости Бухена в Судане как раз перед вторжением гиксосов.

Э. Анати убедительно доказывает, что использование лошади и легкой двухколесной

---

² Повесть о Синухете // Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. акад. В. В. Струве. – М., 1963. – С. 46.

колесницы началось в безлесных степных районах, таких, как степи Южной России или иранское плато, откуда, как он считает, происходят гиксосы, чьи характерные оборонительные сооружения, насыпные валы с брустверами и рвы четко соотносятся с земляными сооружениями с севера Сирии и Анатолии.

Огромные земляные валы вокруг поселений периода гиксосов в Телль-эль-Яхудийе в дельте Нила имеют общие черты с укрепленными стоянками, встречающимися в степях Туркестана.

Обнаружение гласисных укреплений с останками лошадей в Бухене, относящихся к периоду до прихода гиксосов, корректируют выводы Эмери о начале коневодства в Египте. Хотя возможно, что появление лошадей связано с наемниками с севера, нанятыми соперничающей знатью в Египте в конце периода Среднего царства.

Кроме того, следует учесть и тот факт, что имеющиеся в египетских текстах названия колесницы (writ) и ее оборудования явно арийского происхождения. В тексте, посвященном выезде лошадей из столицы хеттов Богазкея, перечислены повороты (wartana), которые следует сделать при прохождении дистанции. Указывающие их порядок числительные имеют соответствия в санскрите: aika (санскр. eku – первый), tera (санскр. traya – три), pansa (санскр. pañca – пять), satta (санскр. sapta – семь), nawa (санскр. nava – девять).

Сказанное позволяет предположить, что в конце XIX века население Сирии и Палестины было разбросано и не имело постоянных поселений из-за вторжений индоиранцев с запада. Как известно, как раз в это время они основали царство Митанни, расположенное между верхним Тигром и Евфратом, и проникли в Северную Сирию.

Другая часть населения, жившая в северной части Месопотамии и у подножия Анатолийских гор, была завоевана арийцами или вытеснена ими, после чего стала основной составляющей населения Сирии. Подтверждение находим в текстах из Рас-Шамры, относящихся к XIV–XIII векам до н. э., где содержится словарь хурритских слов, а также в табличках из Эль-Амарны, где перечислены хурритские имена военачальников и обслуживающего персонала дворца.

Весьма вероятно, что появление этих заимствований в сирийском языке связано с проникновением в дельту Нила. Тактическое преимущество, вызванное появлением высокоподвижных колесниц, позволило им начать захват этого района, где египетское влияние начало ослабевать.

Однако аморейцы из Ханаана представляли собой вполне боеспособную силу и, движимые инстинктом самосохранения, вовсе не были склонны пропустить через свою территорию иноземцев для набегов на дельту. В конечном счете, как показывают имена на скарабеех правителей гиксосов (например, Йягобхар и Анатохар), аморейцы узурпировали власть, возможно в результате династических браков внутри арийской и хурритской военных каст.

Главными результатами этой фазы истории в жизни ханаанцев стало установление феодального строя с армией, состоящей из кавалерии и отрядов боевых колесниц. С ее помощью правители городов-государств Сирии и Палестины создавали класс феодальных баронов разной степени влияния, которым они раздавали наследуемые феодальные поместья и привилегии.

Существование подчиненной царю военной иерархии четко подтверждается юридическими текстами из канцелярий Атшаны и Рас-Шамры (Северная Сирия). В X веке она была принята и развита правителями Иудейской монархии. Однако из-за существовавших в семитских племенах традиций военной демократии ее введение вызывало определенные сложности. Прежде всего они проявлялись в процессе вхождения укрепленных городов Ханаанской равнины в систему феодального общества.

В 1580 году основатель XVIII египетской династии фараон Ахмес разбил армию гиксосов в дельте Нила, а затем захватил их столицу Аварис и выгнал из нее чужеземцев, которые ушли на север и на три года осели в Шарукане (возможно, Телль-эль-Фара в Вади-Газзах).

В течение следующего столетия египетская армия совершала постоянные вылазки в Палестину и Сирию и даже доходила до Евфрата. Здесь они столкнулись с армией королевства Митанни. Это высокоорганизованное государство, где арийская аристократия управляла хурритскими подданными, долго стремилось к установлению контроля над Северной Сирией вместе с Египтом, пока само не пало жертвой вторжения хеттов в 1360 году.

Одновременно с этим правители Ханаана не упустили возможность захватить власть в свои руки в связи с ослаблением влияния Египта. В 1479 году до н. э. правители 330 поселений объединились под командованием правителя Кедеша, собрали войско в Мегиддо и выступили против фараона Тутмоса III. Однако фараон разгадал их намерения, египетские войска прорвались к Мегиддо через прибрежную равнину, разбили ханаанцев и осадили город. Многие вожди убежали или пали в сражении. Благодаря мощи гиксосских укреплений осада Мегиддо продолжалась несколько месяцев.

Об этой победе мы знаем по летописи Тутмоса III из карнакского храма в Фивах. На кожаных свитках находится список захваченных египтянами палестинских поселений, большая часть которых упоминается в Ветхом Завете. В результате похода были захвачены большие трофеи. Только в храм Аммона фараон передал 1598 рабов из Сирии. Количество захваченного имущества свидетельствует о том, что под властью гиксосов в Ханаане существовала высокоразвитая культура. В списке трофеев указаны драгоценные сосуды из серебра и золота, стулья, изготовленные из ценных пород дерева, резные изделия из черного дерева и слоновой кости, оправленные в серебро и золото, и изысканная статуя одного из ханаанских вождей.

Несмотря на плодородные почвы в Сирии и Палестине и частые опустошения городов войсками фараона, в Рас-Шамре обнаружены позолоченные сосуды, оправленные в золото и резную кость. Фигурки из серебра и бронзы данного периода в Рас-Шамре подтверждают высокий уровень развития культуры в Мегиддо.

Одним из последствий данной кампании было то, что фараон взял ряд вождей и их родственников в Египет в качестве заложников. Однако за оставшиеся 32 года своей жизни он совершил еще шестнадцать вылазок в Палестину. Постоянные упоминания о перемещении в Египет огромного числа местной знати в египетских надписях, рассказывающих о походах, подтверждают, что заложничество было частью постоянной политики наследников Тутмоса III – Тутмоса IV и Аменхотепа II. В то же время оно свидетельствует о сильном стремлении Ханаана к освобождению от египетской власти, побуждающей к постоянным вторжениям в Митанни и Верхнюю Месопотамию.

Вместе с тем с заложниками обращались в соответствии с их достоинством, и их опыт оказал благотворное влияние на развитие египетской цивилизации. Некоторые представители палестинской знати добились высокого положения и пользовались в Египте уважением, подобно библейскому Иосифу.

О степени влияния египтян на жизнь ханаанцев можно судить по тому факту, что после похода в Северную Палестину и Южную Сирию Аменхотеп II (1448–1420 до н. э.) отмечает высылку в Египет 217 старейшин из Ретену (современной Палестины), 184 братьев вождей, 30 625 царских людей (то есть ремесленников, получавших земельные наделы под условием службы по своей профессии – кожевники, ткачи, кузнецы, плотники, шорники, ювелиры), 3600 апирв (хапиру, свободных земледельцев или торговцев) 15 200 шасу (кочевников), 36 300 кхурру (хурритов, то есть сирийцев несемитского происхождения) и 10 600 жителей Н'г'с (район Лаиша на побережье Оронга к северу от Хаматты).

Однако, несмотря на постоянные набеги египтян, их влияние в Ханаане неуклонно падало. Вскоре фараонам некого было выводить на битвы, и в египетской армии служили наемники из Нубии и «морские люди», то есть жители островов Эгейского или Средиземного моря, родственные палестинцам.

В период правления Аменхотепа IV (Ахнатена) постоянные преобразования этого непрактичного идеалиста привели к росту напряжения в самом Египте, а провинции ввергли

в анархию. Данный факт легко подтверждается дипломатической перепиской того времени между египетскими наместниками из Сирии и Палестины с канцелярией в Телль-эль-Амарне, новой столице Египта, где в 1880 году были найдены знаменитые амарнские таблички. Около 300 документов, написанных аккадской силлабической клинописью, охватывают царствования Аменхотепа III (1411–1375) и Аменхотепа IV (1375–1358). За исключением переписки с царями крупных государств, таких, как Вавилон и Митанни, которых Аменхотеп III заверяет в своем «сердечном расположении», документы содержат важную политическую информацию о положении в Ханаане. Названия большинства ханаанских городов уже знакомы по более ранним текстам проклятий.

Мы уже отмечали политическую автономию Ханаана, ставшую результатом территориальной и национальной раздробленности отдельных поселений, сложившейся в результате постепенного заселения в благоприятных местах независимыми аморейскими племенами и племенными конфедерациями. Эта разобщенность в полной мере находит отражение в амарнских табличках. Например, правитель Библоса Рабадди, самый преданный из египетских вассалов, обвиняет владыку Амарру (внутренняя Сирия) в нелояльности и двуличности, он также жалуется, что наместник Акко заслуживает особой милости фараона за свою преданность Египту. Правитель Тира, который в то время был островной крепостью, жалуется, что наместник Сидона лишил его город воды. Владыка Мегиддо обвиняет наместника Сихема во враждебности и в том, что он нелоялен по отношению к Египту. Правитель Иерусалима пишет о враждебности одного из своих ближайших соседей, наместника Милкилу, возможно современного Айджалона, по территории которого проходил главный путь от Иерусалима к побережью. Видимо, отсутствие политического единства среди ханаанитов облегчило расселение евреев в конце XIII века.

С помощью данных текстов великолепно можно показать реакцию местных жителей на власть фараона. В самой изысканной форме они выражают свой протест. Так, правитель Бейрута, обращаясь к вышеназванным адресатам, пишет:

«Правителю, господину, моему солнцу, моему богу, дыханию моей жизни... твой раб, недостойный грязи под твоими ногами. Я семь раз кланяюсь моему господину, семь раз прочитал я слова моего господина, моего царя, моего солнца, дыхания моей жизни, и всем сердцем я, недостойный раб твой, лижу пыль от твоих ног, солнце мое, жизнь моя, переполняемый радостью оттого, что милостивый взор твой и дыхание твое снизошло до преданного раба твоего, лежащего в пыли у ног твоих.

Царю, моему господину, скажи – так говорит Абдимильки, человек из города Шахшими, твой раб. Семижды и семижды я падаю ниц к стопам царя, моего господина»³.

Однако фараона нелегко было ввести в заблуждение. Он не поддавался на лесть и открыто угрожал правителю Амарру, который, похоже, вынашивал сепаратистские планы. И действительно, за угрозами последовало соответствующее наказание, один правитель Амарру был заточен в Египте.

Хотя формально ханаанейские правители признавали власть Египта, ситуация постепенно осложнялась. Излишняя жесткость и непомерные ежегодные подати приводили к постепенному росту недовольства. Этим не замедлил воспользоваться хитрый и изворотливый хеттский правитель Суппилиумас. Он смог убедить аморейских вождей из Азиры и Абди-Аширты принять его покровительство. В обмен он требовал вдвое меньшую дань, чем Египет. В амарнских текстах говорится о том, что ему платил дань король Угарита, а в отдельных набегах он добирался даже до Библоса.

Его основную силу составляли подвижные и потому неуловимые отряды воинов, состоявшие из хапиру – безземельных наемников. В египетских документах они обозначаются аккадской идеограммой SA.GAZ. Сведения из амарнских табличек, согласующиеся с документами, найденными в столице хеттов Хаттусасе (современный

---

³ Хрестоматия по истории Древнего Востока. – М., 1963. – С. 281.

Богхазкей) и недавними свидетельствами, полученными из табличек Рас-Шамры, а также документов XV века из Атшаны (Древнего Алалаха), позволяют отождествить их с движением хапиру.

Иногда отряды хапиру действовали по своей собственной инициативе, но в Сирии они, как правило, становились наемниками аморейских вождей, боровшихся за независимость. Из осторожности многие из аморейцев прикидывались преданными вассалами Египта, как, например, Намиаваза, царь Убу (Дамаска), который не упускал возможности использовать хапиру в своих интересах.

В Палестине сложилась наиболее критическая ситуация. Племена не стремились к сплочению для совместной борьбы против Египта. Самые могущественные правители, вроде Абди Тишри, царя Хацора, или Лабайи, царя Сихема, открыто стремились к независимости. По мнению Гинсберга и Майслера, союзы заключались по национальному признаку. Так, Лабайя, чье имя выдает хурритское происхождение, стремился к союзу с Милкилу, правителем Аджалона, явно аморейского происхождения. В египетских документах неоднократно говорится о том, что они объединились и тайно поддерживали хапиру.

На самом деле Лабайю упрекали в том, что он «уступил хапиру часть своих поселений», то есть разрешил им поселиться на части своей территории, где-то близ Сихема, не мешая грабить соседние племена. Сходная ситуация описана в библейском рассказе об Иакове (Быт., 33: 18–20, 34) который также поселился в Сихеме. Вместе со своим союзником Милилу Лабайя направился на юг и вторгся на территорию Газру (возможно, Гезер), Ашкелона, Лашиша, добравшись до степей Южной Палестины, то есть почти до пустыни Негев. Но эти племена действовали поодиночке, так и не создав общего войска.

Поскольку набеги совершались исключительно с целью грабежа, правители предпочитали действовать поодиночке, чтобы ни с кем не делиться добычей. Правителя Акко Зутатну обвиняли в том, что в Хинатуни он ограбил вавилонский караван, пришедший по древнему «пути к морю» из через Нижней Галилеи в долину Акко. Япахи из Гезера жалуется на то, что его брат поднял восстание и пригласил себе на помощь хапиру. Лабайя осадил крепость Мегиддо, но был захвачен ее королем Бирудой, который передал его Зурате, царю Акко, чтобы тот переправил пленного в Египет. Однако Зурата освободил Лабайю за выкуп, чтобы пополнить свой оскудевший бюджет.

Действия правителей могут показаться низкими и даже отвратительными, но сообщения о них содержат множество важных сведений. Это и перечни палестинских поселений, и имена их правителей и старейшин, по которым мы можем судить о сложном этническом составе населения Ханаана после вторжения гиксосов.

Особенно примечательно то, что хапиру, которые на протяжении второго тысячелетия до н. э. во всех частях Ближнего Востока были либо наемными солдатами, либо ремесленниками, в Палестине действовали как самостоятельная сила. О серьезности исходящей от них угрозы говорится в переписке Абди-Хиппы, вероятно тогда являвшегося верноподданным правителем Иерусалима.

Сведения, содержащиеся в амарнских табличках, позволили некоторым ученым отождествить хапиру с иудейскими племенами, совершавшими свои набеги на Палестину. По нашему мнению, для подобного сближения нет оснований. Несмотря на то что мы признаем, что хапиру подчинили себе обширные территории и обложили их население поборами, они представляли собой не народ, а социальную группу семитского происхождения, пришедшую из восточных степей исключительно с целью наживы. Они могли бы легко объединиться с другими семитскими племенами, уже жившими в Палестине, такими, как Якуб-эль и Иосеф-эль, о которых в документах времени Тутмоса III говорится как о жителях Сихема.

Возможно, какая-то часть хапиру, о которых упоминается в амарнских текстах, действительно осела в Палестине и впоследствии влилась в еврейский народ. Но отсюда вовсе не следует, что они составляли большинство еврейских переселенцев, о которых говорится в Библии в связи с историей Иосифа.

Анализ археологических свидетельств из поселений, расположенных в Палестине, раскопки, проведенные в Трансиордании, и большинство упоминаний в Библии позволяют предположить, что основное переселение произошло не менее чем через столетие после времени, описываемого в документах из Эль-Амарны.

Амарнские таблички и другие документы того же периода из Танааха и Сихема, расположенных в Палестине, а также современные им административные тексты из Рас-Шамры показывают широкую этнографическую пестроту руководителей племен. На амарнских табличках встречаются имена аморейские (Муббалу, Милкилу, Шаммуадда), индоиранские (Шувардатта, Ясрдатта, Рукманья), хурритские (Видия, Таддуа, Абди-Хиппа (в этом имени вторая часть является именем хурритской богини).

Впервые об арийцах на Ближнем Востоке упоминается в клинописных текстах, найденных в хеттской столице, расположенной в Богазкее. Условия договора между Суппилиумасом и Маттуваттасом из Митанни скреплены именами митаннийских богов Митры, Индры, Варуны и близнецов Насатья. Все эти имена известны по ведическим текстам.

Столицей государства Митанни, расположенного в Верхней Месопотамии, был город Вашшукканне, находившийся где-то в верховьях реки Хабур. Хурритское население этого государства было подчинено арийской военной аристократии. По-видимому, митаннийцам удалось возглавить воинственное объединение Хурри и подчинить всю Верхнюю Месопотамию. Следует отметить, что хурриты представляли собой объединение разноэтнических племен.

Скорее всего (но это лишь обоснованное предположение), начало объединения связано с хурритским племенем маиттанн, обитавших где-то к востоку от краевых хребтов Иранского нагорья в холмистой низменности близ озера Урмия. Соприкоснувшись с индоиранскими племенами, они переняли от них использование легких боевых колесниц, дававших им военное преимущество.

Колесничие, марианне, действительно составляли ядро митаннийского войска, но сами оставались такими же зависимыми царскими людьми, как и любые другие служащие в государствах Ближней Азии второго тысячелетия до н. э., то есть позднего бронзового века. Само слово «марианне» связывают с индийскими «*magia*» (молодой человек, герой), в ведах *magias* были возникшими, находившимися в распоряжении бога Индры. Имена вождей марианн хорошо известны в табличках, найденных в Атшане и Рас-Шамре.

В египетских документах XVIII династии марианне упоминаются как военнопленные, захваченные в ходе сирийской кампании, и как наемные солдаты, в основном возчики колесниц. Среди имен, обозначенных на амарнских табличках, найденных в Палестине, девятнадцать очевидно семитского происхождения и только три или четыре, возможно, хурритские.

Имеющиеся источники не позволяют установить удельный вес несемитских элементов в общей массе населения Ханаана. Возможно, они были верными Египту вассалами, владевшими ключевыми поселениями. В том случае, если египетские власти сомневались в преданности какого-либо из местных правителей, его родственники вывозились в метрополию в качестве заложников.

Об этнической пестроте населения Палестины позднего бронзового века свидетельствуют и тексты Ветхого Завета. Наряду с семитскими «ханаанейцами и аморитами» там перечисляются хетты, хивиты (в Септуагинте, греческом переводе Ветхого Завета, они названы хурритами), периситы, гиргашиты и, возможно, йебушиты.

В клинописных текстах из Месопотамии хурритские имена почти всегда связаны с государством Митанни. В хеттских текстах из Богазкея говорится, что хетты пришли в Сирию откуда-то из окрестностей озера Ван, находящегося в Армении. Хурритские имена выделяются и в текстах из Киркука и Нузы, расположенных в 150 милях севернее Багдада, и в современных им амарнских табличках, и в документах из Таанаха и Сихема, расположенных в Палестине.

Хурритские тексты и словарь, обнаруженные среди табличек из Рас-Шамры, а также деловая переписка показывают их возросшее влияние на систему власти в Ханаане. Необходимо отметить, что хурритские элементы обнаруживаются по всей территории данного региона от Сирии и долины Оронта вплоть до границ с Палестиной, но особенно многочисленны они на севере.

На связь с теми хурритами, которые, согласно Ветхому Завету, населяли Палестину и Эдом до прихода туда евреев, указывает египетское наименование Палестины Кхару, открывающее интересные возможности для новых предположений.

Несмотря на упоминания о хеттах в библейских описаниях доиудейской Палестины, нет никаких исторических свидетельств о том, что исторические хетты, которые в конце третьего тысячелетия перешли в Анатолию, видимо через Босфор, и правили в Малой Азии с 1900-го по 1200 год до н. э., когда-либо достигали Палестины.

Даже около 1370 года, когда Хеттское государство достигло пика своего развития при правителе Суппилуллиумасе, его пределы не распространялись дальше южной части Сирии, о чем свидетельствуют амарнские таблички и египетские записи времен XIX династии. Ветхозаветных хеттов следует рассматривать не как географическое понятие, а как этноним, обозначающий народность несемитского происхождения, жившую где-то к северу от Ханаана. Вполне возможно, что ею могли быть и хурриты.

Существует множество документальных свидетельств, особенно полученных из Египта, что в амарнский период и в последующее столетие под видом египетских, хеттских или ливийских купцов по всему Леванту постоянно передвигались наемники (Srdnw, Lwkw, Akhws), ищущие работодателей.

Постоянную активность хеттов можно объяснить тем, что как раз в это время их начали вытеснять из Анатолии. Время от времени они появлялись в Сирии и Палестине как наемники, охранявшие местных купцов, что частично подтверждается кремационными погребениями в Атшане, Хаме, Иерихоне и Телль-бейт-Мирсиме. Во всех этих местах халколитический погребальный обряд был редкостью.

Но в конце XIII века филимляне и родственные им племена захватили почти все сирийское побережье, прежде чем в начале XII века были остановлены в Южной Палестине Рамзесом III, где из них комплектовались местные гарнизоны. По мере продвижения филимляне уничтожили такие центры ханаанской культуры, как Рас-Шамра и Библос.

Вряд ли ханаанцы становились чиновниками в египетской администрации. В амарнских табличках перечислены только вожди наиболее крупных племен. Вероятно, египтяне не доверяли ханаанским правителям и постоянно подозревали их в нелояльности, поскольку не колеблясь депортировали их вместе с семьями. Все вышеизложенное показывает, что упоминаемые в амарнских табличках представители несемитских народностей составляли феодальную верхушку и, возможно, находились в меньшинстве. Данный вывод подтверждают результаты исследования административных текстов из Рас-Шамры, по времени совпадающих с амарнскими табличками, проведенные профессором М. Ноттом.

Распределив документы по провинциям и названиям поселений, Норт попытался выявить социальное положение, окружение и круг обязанностей носителей упоминаемых в них имен. М. Нотт показал, что несемитские имена, в основном хурритские, доминируют в военной, дипломатической и официальной переписке правителя, а в дворцовых хозяйственных документах преобладают имена семитского происхождения.

Совершенно аналогичное распределение наблюдается и в юридических табличках из Таанаха и Сихема, составленных примерно через столетие после амарнских табличек, где примерно на сто семитских имен приходится лишь несколько несемитских.

Разыскания М. Нотта подтверждают, что основную часть населения Ханаана составляли семиты. Несемитское меньшинство состояло из арийских и хурритских наемников, которые пришли на данную территорию в период владычества гиксосов. Они переняли от кочевников приемы ведения войны, использование боевых колесниц и

кавалерии. Введение всех названных новшеств и позволило им добиться своего привилегированного положения.

Возможно, наплыв хеттских наемников и представителей правящего класса привел к возрастанию митаннийского влияния в Ханаане в конце амарнского периода. Важно отметить, что огромное число цилиндрических печатей из Палестины, относящихся к этому времени, имеет рисунок митаннийского происхождения. Однако данные печати принадлежали крупным чиновникам и государственным служащим, которые составляли меньшинство.

Сведения, содержащиеся в амарнских табличках, показывают слабость власти Египта на захваченных им территориях. Гарнизоны, оставленные в стратегически важных пунктах, были немногочисленными. Местные правители то и дело обращались с просьбами о присылке дополнительных солдат. Обычно их присылали небольшими группами, численность которых колебалась от десяти до пятидесяти человек. Очевидно, что они предназначались лишь для обеспечения бесперебойного сообщения с метрополией, чтобы вовремя получить известие о готовящейся крупной вылазке. Показательно, что на многократные обращения Рибадди, египетского наместника в Библосе, следовали ответы: «Защищайтесь своими силами!»

Только во время XIX династии, в период правления фараонов Сети I (1313) и Рамзеса II (1292–1225), предпринимавших постоянные набеги на Ханаан, военное присутствие Египта в данном районе усилилось, о чем весьма подробно говорится в переписке с правителями.

Писец Хори, который был прикомандирован к кавалерии Рамзеса II, подробно, с чисто чиновничьей дотошностью описывает маршрут, по которому египетская армия двигалась через Палестину, называет пункты снабжения провизией в приграничном с пустыней районе. Он также описывает многочисленные опорные пункты, построенные вдоль главных дорог, приводит их названия – Газа, Яффа, Сихем, Мегиддо, Бет-Шан, Табора, Гезер, контролировавшие основные переправы через верхний Иордан, называет основные города в прибрежной долине Галилеи – Ашхапах и Акко, а также несколько других поселений, точное географическое положение которых еще не установлено.

Особенно детально он описывает трудности, которые преодолевала египетская армия во время похода в Палестину, узкие проходы, где приходилось разбирать колесницы и перевозить их на вьючных животных, скалы, которые разрывали на части сандалии, колючки, которые рвали одежды, и скудную растительность, которая не укрывала воинов от нападений.

Кочевники постоянно нападали на египетскую армию, воровали животных, по ночам совершали набеги на лагерь. Писец не упускает и любовные приключения солдат, которые разбивали лагерь около городов. Нарушая дисциплину, солдаты посещали публичные дома, рискуя собственной жизнью. Приведенное описание показывает, что население Ханаана постоянно стремилось к независимости, что не могло не ослаблять власть и без того непопулярных египетских наместников.

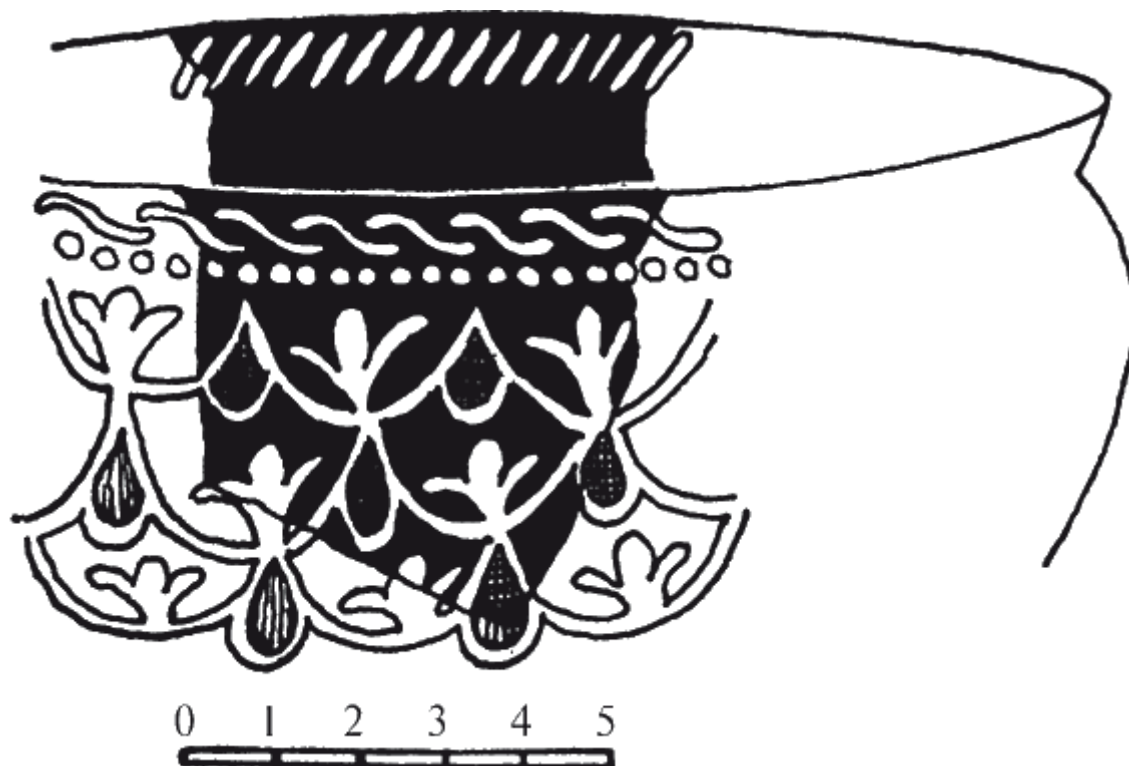

Рис. 4. Критский глиняный черепок, начало XVIII века до н. э. из Рас-Шамры (по Шефферу)

В начале второго тысячелетия в Ханаане появляются критские изделия. Обнаруживший их в Рас-Шамре немецкий археолог К. Шеффер считает, что возможно, были и более ранние контакты с жителями средиземноморских островов. В текстах из Рас-Шамры Крит (kptr) ассоциируется с Египтом как родиной искусств. На самом деле именно сирийское побережье было зоной живых контактов между этими ранними центрами искусства (рис. 4).

В XVI веке до н. э. в Ханаане начала распространяться керамика, форма и техника изготовления, орнамент и роспись которой копировали микенские изделия, что указывает на наличие стабильных торговых связей. Действительно, к этому времени относятся микенские торговые поселения в Минет-эль-Бейда, гавани Рас-Шамры и Телль-абу-Наваме, расположенные в устье реки Кишон около современного города Хайфы, который упоминается в источниках начиная с XV века до н. э.

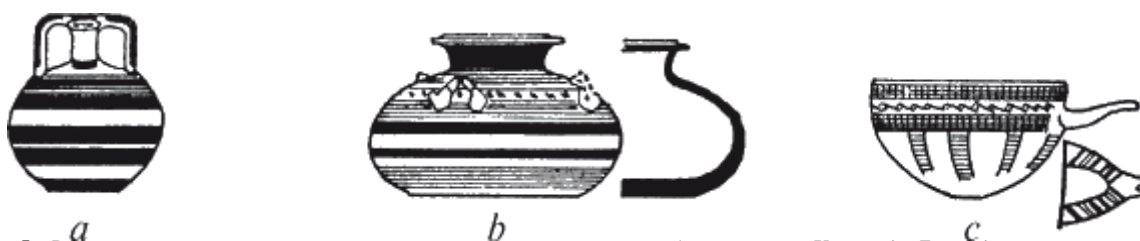

Рис. 5. Разновидности эгейской керамики, микенская и кипрская, поздний бронзовый век, Ханаан (по Барруа)

Поселение с искусно возведенными купольными гробницами со стрельчатыми сводами явно микенских очертаний свидетельствует об усиливавшемся эгейском влиянии в этом районе. Кроме производства вина, оливкового масла и пурпурного красителя оно оказалось удобным перевалочным пунктом для вывозимых из Анатолии металлов. Его часто посещали также и купцы из Месопотамии, заинтересованные в перечисленных продуктах, а также в меди из Кипра и Тавра, равно как и в других товарах из Египта и Эгейского региона (рис. 5, 6, 7).

Сам Кипр, хорошо видимый с сирийского побережья в ясный день, был зоной притяжения для ханаанцев. Начиная с 1550 года изделия кипрских мастеров часто встречались как во внутренних районах, так и в прибрежной части Ханаана, благодаря чему

можно говорить о постоянном взаимодействии двух культур.

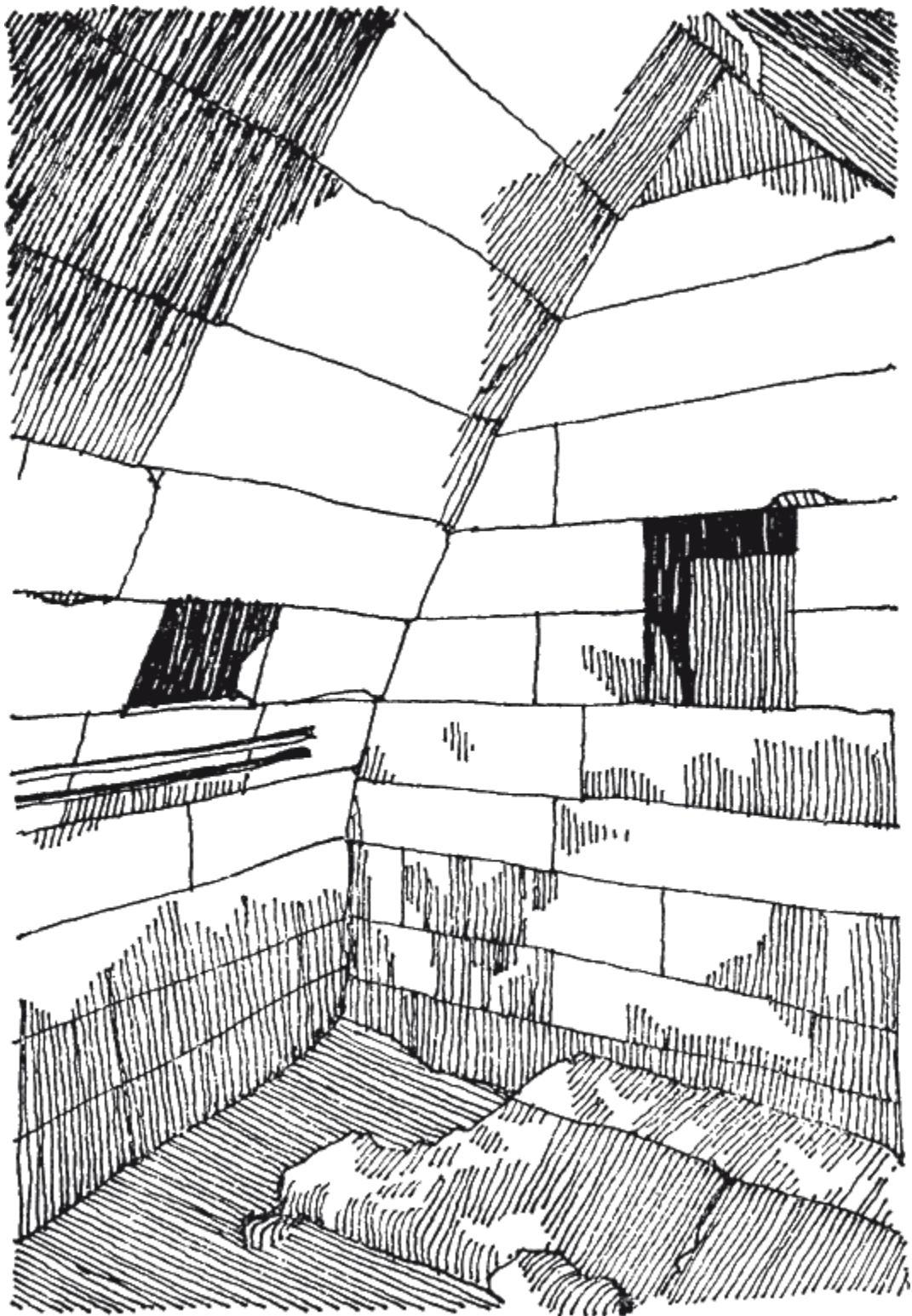

Рис. 6. Ступенчатая сводчатая семейная гробница в Минет-эль-Бейде в Рас-Шамре. Поздний бронзовый век (по Шефферу)

Походы Сети I и Рамзеса II были прежде всего направлены против хеттов, которые в 1460 году прошли через горы Тавра и захватили Алеппо. Возраставшая к концу XIV века слабость Египта привела к тому, что затем хетты перешли от дипломатических действий к вооруженной агрессии против Палестины.

Чтобы установить более тесный контроль над Ханааном, главный административный центр Египта переместился из Фив в дельту Нила, где на месте старой гиксосской столицы

Авариса был построен Пи-Рамесс (Танис, библейский Рамзес или Зоан). Как и раньше, Ханаан стал ареной интриг и междоусобиц, соперничающих друг с другом группировок.

Рис. 7. Вход в ступенчатую семейную гробницу в Минег-эль-Бейде в Рас-Шамре. Поздний бронзовый век (по Шефферу)

Проводя постоянные походы, Сети и Рамзес старались избавляться от местных правителей, подозреваемых в нелояльности к Египту. Вместе с тем они старались привлечь на свою сторону ханаанейских купцов. Данные, содержащиеся в египетских папирусах и надписях, показывают, что в это время возникли и развились ханаанейские поселения в Нижнем Египте. Назовем такие места, как Баал-Сафон и Мигдол в восточной части дельты Нила.

Раскопки, проведенные в поселении Пи-Рамесс (Сат-эль-Хагар), показывают достаточно высокую плотность ханаанейского населения в Нижнем Египте и даже некоторое проникновение ханаанейской культуры в культуру и религию египтян. Так, например, Рамзес II именуется себя «другом Анат и Быком Сета».

Анат была ханаанейской богиней любви и войны, Сет представлял собой египетскую версию ханаанитского бога Ваала. Скульптуры ханаанейских божеств Ваала, Решефа, Ашера, Аната, Астарты и Хорона встречаются при раскопках по всему Нижнему Египту.

Несмотря на враждебность ханаанитов и постоянную активность неутомимых хапиру, главным врагом фараона Сети оставались хетты. Об этом свидетельствует надпись на каменной стеле 1313 года из Бет-Шана. Впервые войска фараона встретились с хеттами, подойдя к Кадешу. Несмотря на заключенный с Египтом договор о взаимном нейтралитете, хеттская армия не прекратила нападений. В 1288 году в Кадеше на берегу Оронта (Телль-неби-Менд) состоялось крупнейшее сражение египетской армии с войском хеттов и их союзников – нескольких ханаанейских правителей из Северной Сирии, включая правителя Угарита (в египетской транскрипции Экерет). После почти столетнего перемирия египтяне и хетты сошлись в жестокой схватке.

После битвы, которая так и не привела к чьей-либо победе, был заключен договор, по которому разграничивались сферы египетского и хеттского влияния в Ханаане и Кадеше. Договор на время стабилизировал отношения между двумя державами. Он продолжал действовать несколько десятилетий. Поражение хеттов от «людей моря», пришедших с эгейского побережья, и последовавшее вскоре после этого вторжение арамейцев из степей Аравии привели к тому, что около 1200 года хеттское государство исчезло с лица земли.

Приход иудейских племен означал, что в истории Сирии и Палестины наступил новый этап. Его началом стало образование и усиление союза арамейских племен, постепенно превратившегося в несколько национальных государств.

Об этих событиях рассказывает надпись фараона Мернептаха (1225–1215) – первое в истории упоминание Израиля в письменном источнике. Главной целью его похода был ханаанейский укрепленный город Газру (Гезер), но, кроме него, были захвачены и опустошены и другие области Палестины. После сообщения о поражении, нанесенном ему «людьми моря» на западе от Дельты, следует описание опустошений:

Ливия повержена и лежит в руинах,
Хетты упокоились с миром,
Ханаан разорен всяческой бедой,
Аскалон и Гезер захвачены,
Иеноам⁴ сровняли с землей,
Израиль уничтожен, и семени его больше нет,
Хурри⁵ стала вдовой из-за Египта,
Все страны опустошены и захвачены.

Так заканчивается рассматриваемый нами период. Начиная с конца третьего тысячелетия ханаанейские города-государства достигли определенной независимости внутри могущественной египетской, хеттской или гиксосской империи. В каждом из них образовалось собственное правительство с системой административных учреждений. Испытав египетское культурное влияние в Палестине и на побережье Сирии, а также, хотя и в меньшей степени, в Месопотамии, хурритское и арийское культурное влияние в Северной Сирии, они создали собственную культуру, научились разводить и использовать лошадей и колесницы, постепенно перейдя к феодальной системе отношений. Начиная примерно с XVI века в ханаанейской культуре все более заметно эгейское влияние.

Территория Ханаана была поглощена могущественным арамейским государством. Только на побережье Сирии, продолжавшем оставаться под властью филистимлян, сохранились очаги ханаанской культуры. Здесь они были защищены горными хребтами Ливанских и Алауитских гор. Таким образом, завоеватели освоили преимущественно малозаселенное нагорье. Долины оставались в руках ханаанейцев. Правители их городов-государств время от времени переходили в контрнаступление, так что израильские племена, теснимые кочевниками, приходившими из-за Иордана, оказались в довольно трудном положении. Но постоянная угроза имела и положительный результат – она привела к их сплочению и образованию племенного союза.

Благодаря численному превосходству и умению выживать в трудных условиях семитские племена добились преобладающего положения в регионе и по-степенно поглотили другие этнические элементы и нивелировали их культуру. Это особенно заметно по постепенному уменьшению числа точно атрибутируемых ханаанитских изделий среди общей массы археологических находок по мере приближения к концу нашего периода и в преобладании исконного семиитского диалекта и местных религиозных верований.

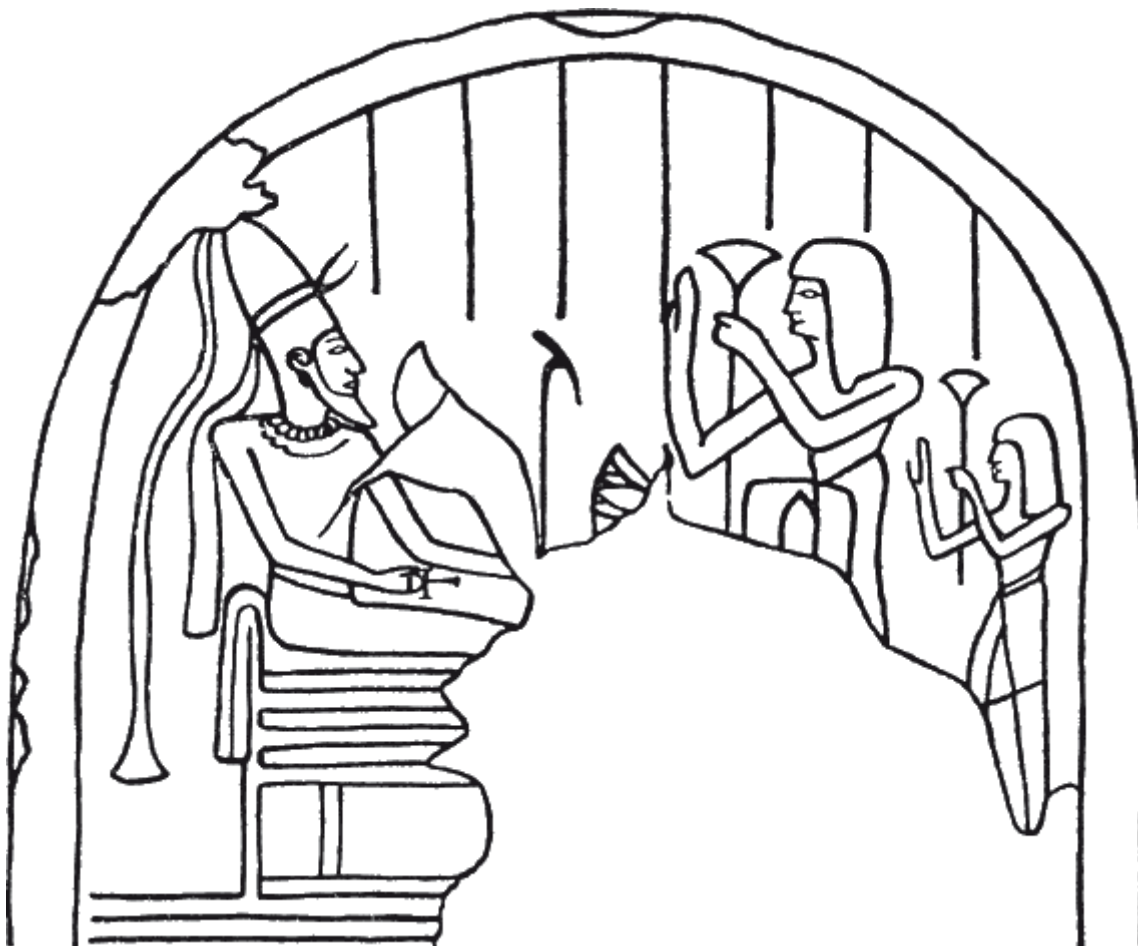
Несмотря на сохранение традиционного внешнего вида и иероглифические надписи, в изображениях египетских богов появляются ханаанейские особенности. Египетский Сет становится похож на ханаанского бога плодородия Ваала, названного по месту своего главного святилища на горе Сапфон, расположенной примерно в двадцати милях к северу от Рас-Шамры. Его сестра Анат, представлявшая еще одну ипостась богини плодородия

---

⁴ **Иеном** – город на берегу Тивериадского озера.

⁵ **Хурри** – египетское обозначение Палестины и Сирии.

Астарты, и бог нижнего мира Решеф, уничтожавший огромные массы людей в ходе военных действий или эпидемий чумы, так же несли ханаанейские черты.

Рис. 8. Стела, посвященная богу Мекалу, построенная зодчим Амен-эмэм-Опетом, показывает его с сыном поклоняющимися богу-разрушителю Решефу, который умерщвлял людей во время войн или эпидемий. Его власть над жизнью и смертью показана сочетанием анкха (символа жизни) и васа – скипетра (символа благополучия). На Решефа указывают рога газели на головном уборе бога (реконструкция Роу)

Культура Ханаана не исчезла. Она оказала заметное влияние на культуру пришельцев, в том числе и иудеев. Конечно, одни элементы ханаанской культуры были приняты и усвоены, другие встретили резкое неприятие, особенно со стороны пророков, проповедовавших иудаизм, но в целом от ханаанеев было принято гораздо больше, нежели отвергнуто.

Помочь читателю составить верное представление о культуре Ханаана и ее истинном и долговременном влиянии на иудеев призвано предлагаемое исследование.

Глава 3

Повседневная жизнь

Большинство известных в настоящее время ханаанитских поселений образовывалось в начале бронзового века (приблизительно в 3000 году до н. э.) в тех местах, где была хорошая естественная защита, – на скалистых и возвышенных местах, в излучинах рек, всегда у надежных источников воды. По мере увеличения числа жителей поселения окружались глинобитными или каменными стенами. Обычно они представляли собой монолиты, сложенные из грубо обтесанных камней. Такие сооружения, защищавшие от кочевников, приходивших с востока, обнаружены в Иерихоне и городе Аи. Укрепления защищали не

только сам город, но и проход на плато, расположенное к северу от Иерусалима. Крепость в Телль-эль-Фаре была построена в начале тропы, ведущей на восток к Вади-Фара, укрепления в Бет-Шане были опорным пунктом на западном конце большой центральной долины Палестины (рис. 9).

Период интенсивного заселения Ханаана связан с миграцией аморейских племен, начавшейся в конце третьего тысячелетия. Они обживали покинутые поселения и основывали новые. Границы поселения они дополнительно укрепляли стенами из почти неотделанных камней, скрепленных глиняным раствором. Обычно стены возводились на краю возвышенности, дававшей дополнительную защиту. На равнинных местах, как, например, в Гезере, стены с башнями строились на высоких земляных валах, имевших ломаную конфигурацию, дававшую возможность для перекрестного обстрела наступавшего противника. Земляные стены перемежались бастионами с башнями, на которых располагались лучники, закрытые зубцами от стрел противника.

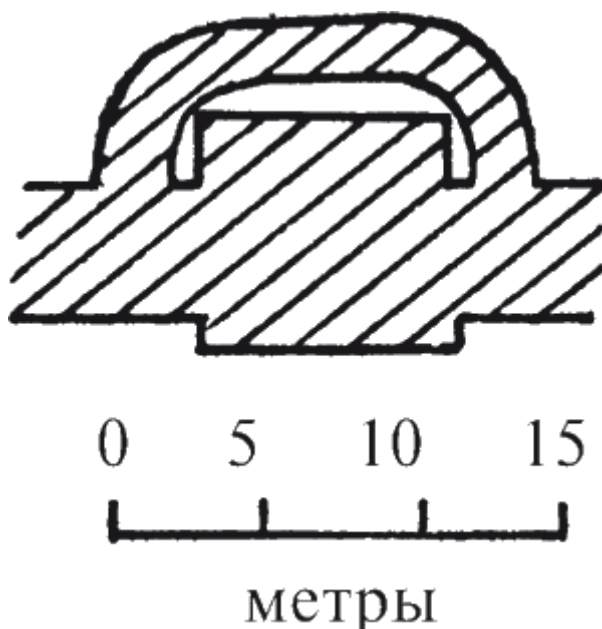

Рис. 9. План стены в Гезере с усиливающей башней, около 2000 года (по Барруа)

Особенностью ханаанских укреплений второго тысячелетия является система независимых редутов (мигдолим), располагавшихся по всему периметру крепостей на расстоянии в несколько десятков метров от главных стен. Эти укрепления, изображенные на египетских скульптурах (около 1600–1100 годов), затрудняли штурм и не позволяли большим массам конных войск (всадникам и колесницам, составлявшим основу войск кочевников) действовать вблизи крепостных стен. Благодаря использованию металлических инструментов, ханаанские мастера добивались хорошей пригонки камней и прочности кладки. Кирпич использовался для возведения надстроек и внутренних перегородок.

Множество укреплений, располагавшихся на основных путях сообщения, проходивших по территории Палестины и Сирии, обеспечивали бесперебойную связь, являющуюся насущной необходимостью для существования империи гиксосов. Ее правители не жалели усилий для укрепления границ. Впоследствии этими укреплениями пользовались и сменившие кочевников фараоны XVIII династии.

Хотя хорошо укрепленные города являлись средством роста могущества империи, в них всегда таилась опасность сепаратизма. Во все времена местные правители тем сильнее стремились к самостоятельности, чем более мощными казались их крепости.

Главной особенностью укреплений, построенных гиксосами, можно считать гласис, то есть тщательно выровненный и утрамбованный под углом примерно в тридцать градусов передний скат холма. Обычно перед ним располагался контрэскарп с отвесными стенами

(как, например, в Лашише) или ров, наполненный водой, как в Кадеше на берегу Оронта.

Еще одно достижение ханаанских строителей – сильно укрепленные городские ворота с прямым проходом и двумя или тремя рядами створок. Они были построены в Гезере, Айн-Шеме (Бет-Шемеш) и Сихеме. В более сложных воротах проход был угловым, с поворотом в правую сторону и тремя барьерами, как в Телль-эль-Фара, в Наблусе (возможно, Тирзах). Там построенные в железном веке ворота воспроизводят конструкции второй половины бронзового века.

Для того чтобы добраться до этих ворот, нападавшие должны были пройти по мощной дороге вдоль гласиса, подвергаясь обстрелу с расположенной справа стены. Такое положение воинов было наиболее уязвимым, поскольку воины обычно несли щиты в левой руке (рис. 10, 11).

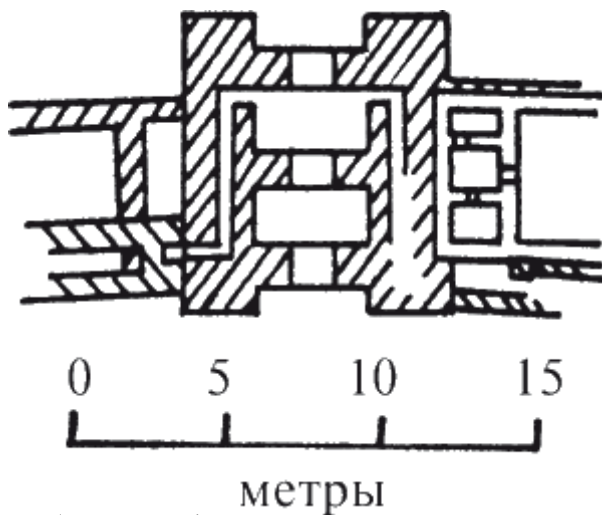

Рис. 10. Ворота в Сихеме (середина бронзового века)

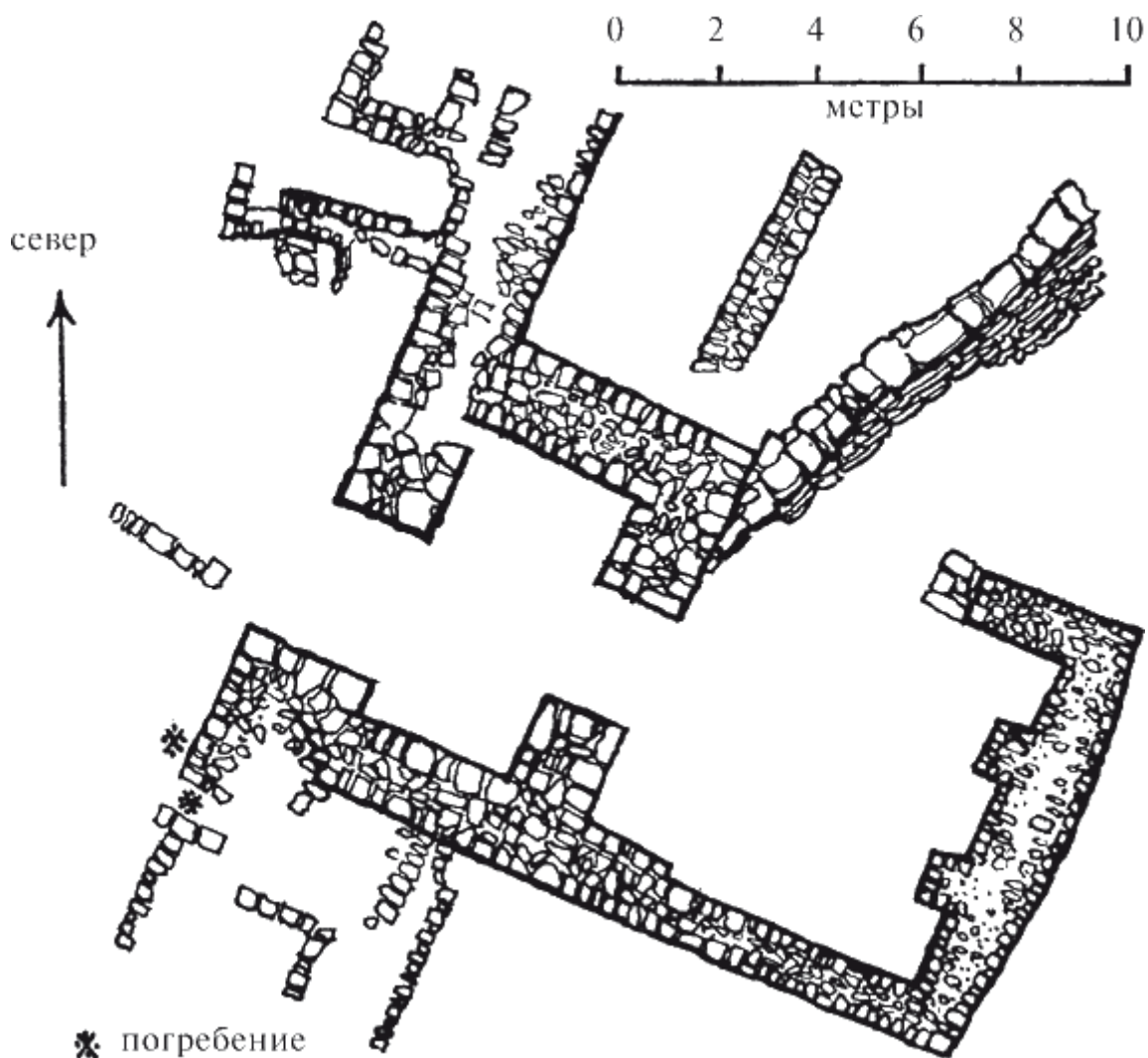

Рис. 11. План ворот в Тель-эль-Фара (Наблус) (середина бронзового века) (по Де Во)

Преодолев первый барьер, тяжелую деревянную дверь, обшитую бронзовыми листами, и опускающую решетку, нападавшие оказывались в узком каменном проходе, осыпаемом сверху стрелами. Повернув под углом в девяносто градусов, они должны были преодолеть еще двое не менее прочных ворот, между которыми находилось помещение для стражи.

Надвратная башня была двухэтажной, и ее верхний ярус, как и крепостные стены, прикрывался зубцами. Хотя ни одна из подобных башен, как у крепостей, так и в редутах не сохранилась до наших дней, мы можем точно представить их устройство благодаря многочисленным изображениям и соответствующим деталям египетских сооружений. Еще одной новацией, облегчавшей защиту стен во время штурма, был выступ верхнего яруса по отношению к нижнему, благодаря которому защитники крепости могли обстреливать наступающих прямо перед стенами. Похожую функцию позже станут выполнять машикули, то есть навесные бойницы.

Для снабжения поселений питьевой водой использовали непересыхающие в летнее время источники, прежде всего реки, как, например, Иордан в Иерихоне, Иерусалиме или Тель-эль-Фара в Наблусе. Вода таких источников использовалась как для орошения, так и для питья. Стараясь обеспечить бесперебойный доступ к воде во время осады, городские стены строили так, чтобы источник оказался внутри укрепления.

В некоторых местах приходилось строить специальные туннели, по которым к крепости подводили воду. В Вифлееме (Хирбет-Беламех) и Иерусалиме источник Гихон (Айн-Умм-эд-Дарадж) использовался как туннель, построенный ханаанцами еще до появления иудеев. Как показали недавние раскопки мисс Каталины Кеньон и Р. Де Во, к воде

спускались по вертикальному стволу с лестницей, а затем шли по наклонному коридору, выводившему за пределы крепости.

В Мегиддо широкий вертикальный ствол соединялся наклонной шахтой с туннелем, проложенным так глубоко, что вода поступала в него самотеком из источника, расположенного в 70 метрах от данного места. Там, где не было водоносных источников с достаточно большим дебетом, выкапывали колодцы до уровня грунтовых вод. Обычно так поступали внутри городов, таких, как Рас-Шамра, Телль-бейг-Мирсим, Телль-ас-Закарие (Асека), Телль-эс-Сафи и Бетшемеш. В некоторых источниках для доступа к воде приходилось пробивать проход в скале. При подведении воды внутрь крепостных стен в Лашише пришлось проложить под скалой туннель длиной 30 метров, а затем углубиться еще почти на 40 метров, чтобы добраться до грунтовых вод.

Хотя сложенная из песчаника скала не отличалась большой прочностью, столь сложные инженерные работы демонстрируют уровень мастерства ханаанских строителей, а также организаторские способности, позволившие четко скоординировать усилия большого числа людей. В результате город получил практически полную независимость от окружающей территории, что было весьма важно в условиях острой борьбы с соседними городами-государствами и постоянных набегов кочевников из пустыни.

Начиная со второго тысячелетия в большинстве подобных укрепленных поселений основным строительным материалом для прямоугольных жилых домов была глина или саманный кирпич, изготовлявшийся прямо на месте. После высушивания на солнце кирпичи укладывались на каменный фундамент и скреплялись между собой глиняным раствором.

Дома обычно строились небольшими, как правило, их размеры четко соответствовали длине опорных бревен, к которым крепился легкий деревянный каркас или тонкие ветки деревьев и кустов (в глинобитных постройках). Плоская крыша покрывалась слоем хорошо утрамбованной земли.

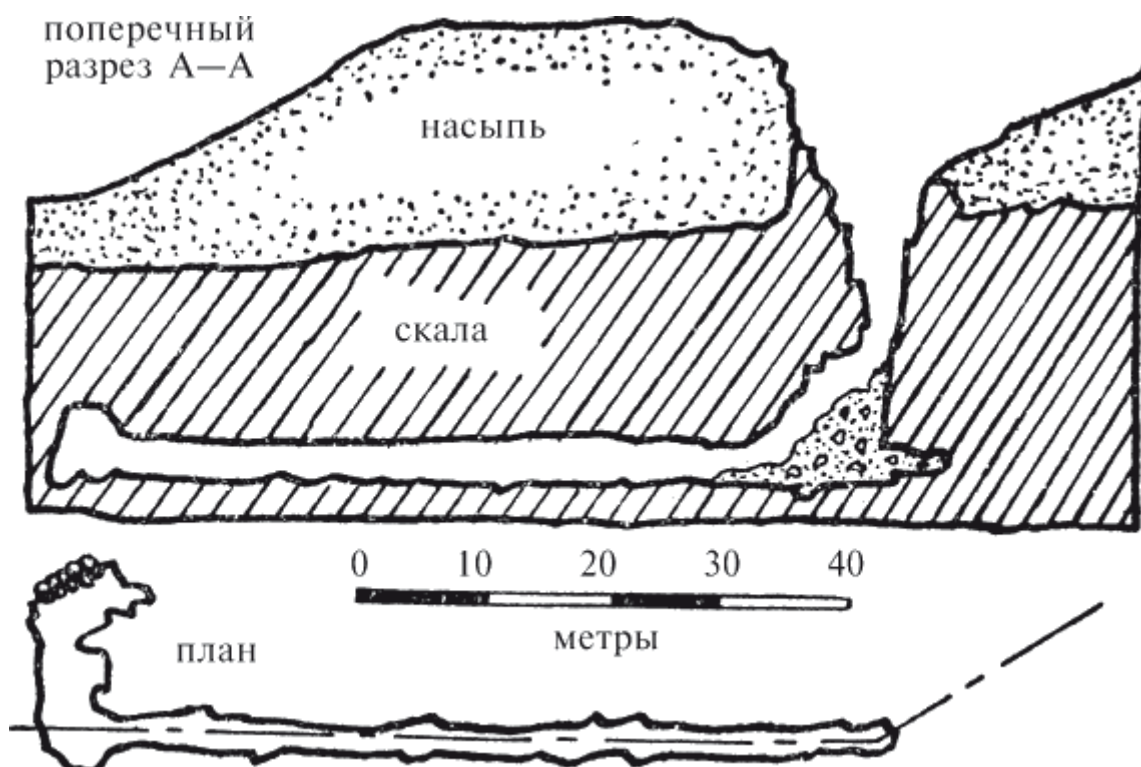

Рис. 12. Водяная шахта и туннель в Мегиддо (реконструкция Кеньона)

Для защиты от дождя стены покрывались снаружи штукатуркой. Чтобы уплотнить поверхность крыши, перед сезоном дождей ее выравнивали с помощью небольшого каменного катка. Такие катки часто находят во время раскопок, но и сегодня их можно увидеть в арабских селениях. И обязательно устраивали водосточные трубы. Недостаточное

внимание к крыше дома могло привести к весьма неприятным последствиям, о чем говорится в старинных еврейских сказаниях. В одной из легенд, найденных в Рас-Шамре, рассказывается о благочестивом сыне, который «штукатурит свою крышу в дождливый день». В «Книге притчей Соломоновых» сварливая жена сравнивается с водосточной трубой.

Несмотря на все предпринимаемые меры, кирпичные стены поглощали достаточно много влаги и иногда разрушались, потеряв прочность. Желая предохранить дом от обрушения, устраивали прочный каркас из деревянных бревен, на которые и ложилась основная нагрузка. Подобный способ возведения зданий применялся и при использовании каменных блоков. В частности, так сооружен храм Соломона в Рас-Шамре, построенный в конце бронзового века.

Конечно, в теплом климате можно было заниматься домашним хозяйством и на улице, как до настоящего времени и происходит в восточных деревнях, поэтому большую часть года в доме только проводили ночи. Тем не менее у каждого члена семьи был свой уголок и своя собственность.

Зимой огонь горел в открытом очаге в углу общей комнаты. В качестве топлива использовался кизяк, то есть высушенный навоз домашних животных, прежде всего верблюдов. В некоторых местах, чаще всего в степной зоне и долинах, для отопления использовали сучья кустов и связки колючек. Подобным же образом арабы поступают и сегодня.

Часть пола общей комнаты была приподнята. Это возвышение (мастаба) использовалось для сидения и как семейное ложе. На низшем уровне располагались простейшие кухонные приспособления: точильный камень, шлифованные жернова для помола зерна, сосуды для приготовления пищи, большие кувшины для хранения запасов зерна, вина или масла, сосуды меньшего размера, предназначенные для воды.

Поселения состояли из прямоугольных глинобитных или каменных домов с ямами для хранения зерна и припасов. Для изготовления керамической посуды ханаанейцы использовали гончарный круг. Во дворе выкапывали ямы для хранения зерна, которое выращивали в долинах, обрабатывая поля с помощью зазубренных каменных мотыг. Обычно рукоятка изготавливалась из дерева или кости. Бронзовые орудия встречались редко, потому что их почти полностью вывозили в соседние империи.

В период владычества гиксосов в городах появляются, хотя и в незначительном количестве, более зажиточные дома. Они состояли из нескольких построек, размещенных вокруг центрального двора, и отделялись от улицы высокой глинобитной стеной.

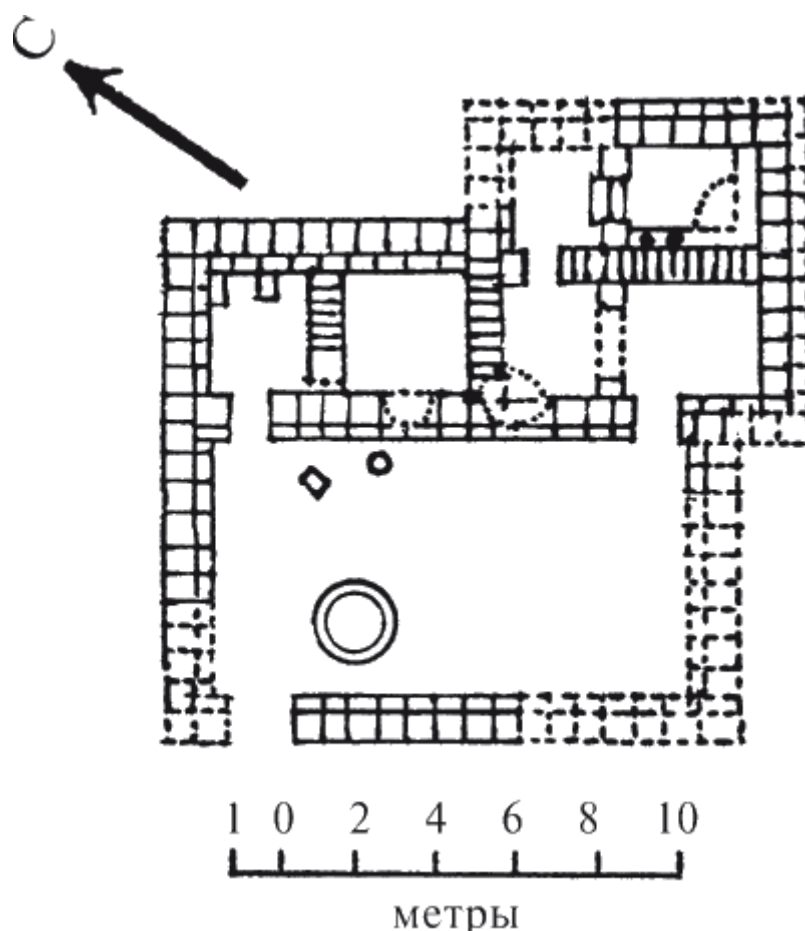

Рис. 13. Дом знатного горожанина среднего бронзового века в Телльбейт-Мирсим (по Олбрайт)

Обычно во дворе размещался подземный резервуар для сбора дождевой воды, стекавшей с крыши и поверхности двора, подобный тому, в который посадили Иеремию в доме Малхии (Иер., 38: 6). Здесь обычно также размещались оштукатуренные ямы для хранения зерна, нередко устраивалась открытая печь для выпечки хлеба, около которой размещалась ручная мельница и ступа с массивным пестиком. Традиционно они изготавливались из твердого черного базальта и использовались для измельчения оливок перед отжимом масла.

Большие многокомнатные дома всегда делились на несколько зон. Главный зал (селямлик) использовался для приемов гостей и был также резиденцией хозяина, а личные помещения (харамлик) были доступны лишь для членов семьи.

Прекрасным образцом подобной постройки может служить огромное здание, возможно дворец, в Аи, относящийся к третьему тысячелетию. Часто подобные здания были двухэтажными, как дворец царя моавитян Еглона, о котором упоминается в Ветхом Завете (Суд., 3: 20), причем плоские крыши нижних помещений служили для проведения приемов и размещения гостей.

О планировке ханаанских городов нам почти ничего не известно. Судя по раскопкам, в большинстве случаев здания располагались беспорядочно, группируясь лишь по окружности вокруг градообразующего холма (телля). Обычно они составляли несколько окружностей, постепенно спускавшихся к подножию до тех пор, пока поселение не заселялось полностью. Между домами оставались неширокие искривленные улицы, на которых можно было укрыться в тени от жаркого солнца. Их ширина определялась средней колеей колесного экипажа, поэтому во время песчаной бури их могло полностью засыпать песком.

В этих узких, извилистых улочках, пыльных летом и покрытых грязью во время дождей, редко встречалась настоящая дренажная система. Возможно, основные улицы и осушались, примером могут служить улочки Иерихона в период владычества гиксосов.

Исключением может считаться построенный в XIV и XIII веках микенский квартал, расположенный в Рас-Шамре, состоявший из домов знатных людей, построенных по микенским образцам. Поскольку в городе не было проблем с водой, в каждом доме была ванная комната с системой отвода воды в подземный коллектор, выстроенный из квадратных каменных плит.

В большинстве случаев бытовые отходы и мусор просто выбрасывали за дверь жилища, где они скапливались рядом со стенами, откуда их растаскивали собаки. Как и сегодня на Востоке, ночью они совершали свои ночные вылазки (см. Пс., 58: 17).

Возможно, перенаселенные ханаанитские города походили на старый город Иерусалима с его сетью узких, изогнутых улочек и скоплениями небольших лавочек внутри кварталов ремесленников. Аналогичное устройство наблюдается в средний бронзовый век в Бетшемеше, где квартал кузнецов располагался на северо-западе поселения.

Проезжие купцы, несомненно, селились в особых кварталах, которые обычно размещались вдоль главных дорог, как, например, в Дамаске во времена Омри (3 Цар., 20: 34).

В ходе раскопок ханаанитских городов оказалось, что открытые места встречаются только в виде внутренних дворов при дворцах, домах и храмах. Около ворот и внутри них располагались места для общественных собраний, как, например, у Дамасских ворот в старой части Иерусалима. Чаще всего собирались снаружи, где благодаря интенсивной езде и ходьбе образовывалась хорошо утоптанная площадка. Ее называли «горен» (от арабского «эль-джарун» – старый след от «джарна» – трепать, стирать). В легенде из Рас-Шамры описано, как местный правитель Дн'ил

Поднялся и вышел и сел близ ворот,
Там, где собрались все знатные люди.

Обычно близ городских ворот располагались кофейни, лавки менял и конторы нотариусов и писцов. Так было и около уже упоминавшихся нами Дамасских ворот в Иерусалиме и в раскопанном въезде в Телль-эль-Фара близ Наблуса, ханаанитский город, построенный в конце среднего бронзового века (XIX век до н. э.).

Чтобы придать воротам большую прочность и защитить город от злых сил, перед началом их возведения приносили жертвы богам-охранителям. Нередко ворота возводили на могилах умерших в младенчестве детей правителя. Сведения об этом сохранились в Ветхом Завете. В рассказе о постройке Иерихона Ахиилом Вефилянином говорится, что «на первенце своем Авираме он положил основание его и на младшем своем сыне Сегубе поставил ворота его, по слову Господа, которое Он изрек через Иисуса Навина» (3 Цар., 16: 34).

На площадке перед воротами Телль-эль-Фары археологи обнаружили скелеты двух новорожденных младенцев, захороненных в кувшины с небольшими сосудами внутри, относящимися к середине бронзового века. Поскольку вокруг них не было других погребений, можно предположить, что данное захоронение связано с жертвоприношением (рис. 11).

Аналогично входу в дом и двери городские ворота представляли собой локус, связанный с представлением о переходе. В сознании древнего человека подобные места, периоды времени и фазы человеческой жизни имели особое значение и рассматривались как зоны наиболее подходящие для контакта со сверхъестественными силами. Для придания воротам защитных функций около них совершались регулярные охранительные действия. В частности, у древних семитов зафиксирован обряд обмазывания ворот кровью пасхального агнца, а современные арабы закапывают в воротах нового дома жертвенное животное. Аналогичный обычай бытовал и среди славян: при строительстве дома в воротах закапывали черного петуха.

В данном случае встречаются обряды, связанные с дверными проходами,

распространенные среди примитивных семитов, то есть обряд обмазывания кровью пасхального агнца в Древнем Израиле и приношение животного, распространенное среди современных арабских крестьян, перед дверью нового дома.

На распространенность этого обычая среди ханаанитов указывают захоронения младенцев и антропоморфные фигурки из бронзы и серебра, обнаруженные при раскопках в Гезере. Разновидностью того же ритуала является закапывание под входом лампы или перевернутой чаши, отмеченное в железном веке и среди израильтян (рис. 14).

Рис. 14. Основание фигурки из Гезера (по Макалестеру)

Что нам известно о внутреннем устройстве дворцов ханаанских правителей, где нашли амарнские таблички? Поскольку в большинстве случаев пределы их власти, а соответственно и статус ограничивался родом и ближайшей округой, то есть расстоянием, не превышавшим один дневной переход (примерно 15–20 миль), они не отличались большим величием.

В Иерихоне, Бетеле, Телль-бейт-Мирсима, Телль-эль-Аджжале, Бет-Шане и Гезере, как и в других местах Палестины, в средний и поздний бронзовые века дома правителей превышали обычные жилища числом помещений. Обычно вокруг двора строили несколько двухэтажных домов, в каждом из которых могла располагаться резиденция правителя. Подобный комплекс раскопан в Мегиддо на VIII уровне (XV век). Он занимает площадь примерно в полтора гектара и окружен стеной с укрепленными воротами. На то, что это дворец правителя, указывают богатые находки изделий из слоновой кости, золота и лазурита, обнаруженные археологами под полом одной из комнат.

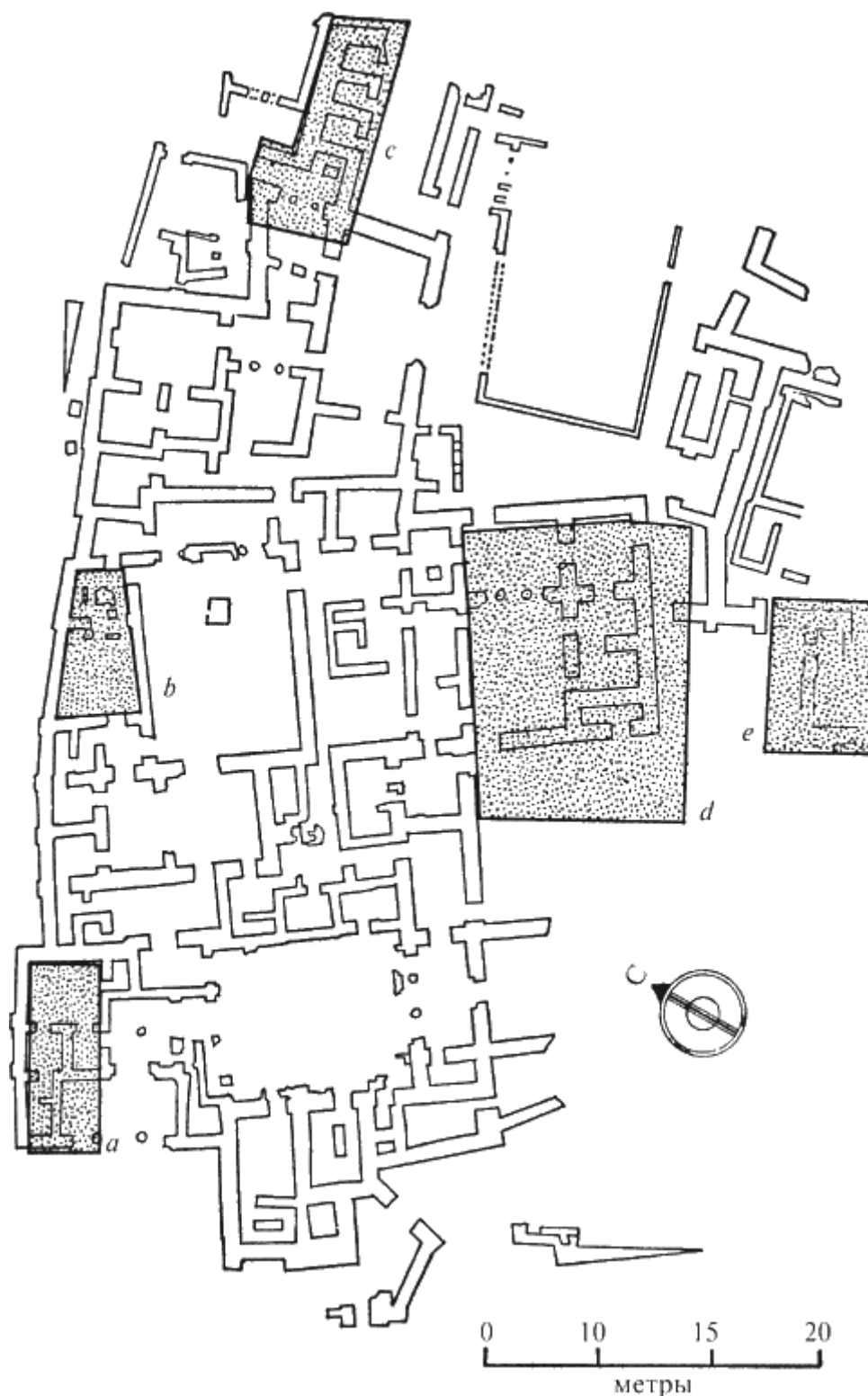
Рис. 15. Гравированная пластинка из слоновой кости из Мегиддо (1350–1150), где представлены две сцены, на которых изображен

король, возвращающийся из похода, и король на своем троне, принимающий дань (по Лауду)

На известной плакетке из слоновой кости изображен сидящий на троне правитель, принимающий военнопленных под аккомпанемент музыки и пляски танцоров. Скорее всего, сцена воспроизводит реальный эпизод из жизни правителей Ханаана (рис. 15).

Для Египта Мегиддо был одним из стратегически важных центров Палестины. Через этот город в империю направлялись собранные средства и доходы от торговли с эгейскими купцами в Телль-абу-Хаваме, колонии, расположенной в 10 милях на побережье.

Во дворце ханаанских правителей, как и в иерусалимском дворце Соломона, возможно, располагались одно или два святилища. В качестве примера можно привести комплекс в Кветне, где находилась небольшая усыпальница внутри дворца и большой храм богини Луны Нин-гал. Он соединялся переходами с дворцовыми помещениями, сгруппированными вокруг двух внутренних дворов, занимая площадь около семи гектаров.

Рис. 16. План дворца в Рас-Шамре конца позднего бронзового века (1200);
 Районы *a, c, d, e* – архивы; *b* – королевские погребальные склепы (по Шефферу)

Что могло собой представлять королевское поместье в Ханаане периода позднего бронзового века даже в небольших государствах-поселениях, видно на примере дворца в Рас-Шамре. Его шестьдесят семь комнат расположены вокруг пяти внутренних двориков, занимая площадь более чем в девять гектаров.

Конечно, это была не просто частная резиденция, а многоцелевой комплекс. В четырех отдельных помещениях хранились хозяйственные и государственные архивы, в которых обнаружено множество законодательных и административных документов, написанных на

местном алфавите и аркадской силлабической клинописи.

На западе располагался вход, на юге возвышалось укрепление (мигдол), состоявшее из двух деревянных столбов, стоявших на каменных основаниях диаметром один метр. Через них гость направлялся к каменному портику над входом в приемную. Небольшая дверь на ее левой стороне вела к административным и складским помещениям. В них обнаружено несколько хозяйственных документов и бронзовых стило писцов.

На правой стороне располагалась широкая дверь, с нишами для стражников справа и слева, в которых нашли оружие. Дверь вела к вымощенному камнем двору (I), где обнаружили множество следов колесниц. На дворе находился колодец, закрытый подобранным по размеру отверстия камнем и тщательно заложённый каменной кладкой, которая сохранилась неповрежденной. Скорее всего, колодец предназначался для использования в экстренных случаях, когда его вода должна была обеспечить нужды защитников дворца. Глубина более одиннадцати метров показывает, что для подъема воды должен был использоваться какой-то механизм.

В южной стороне двора возвышался огромный вестибюль с колоннами, под который вполне могла заехать колесница правителя, но внутрь можно было войти только пешком. Пройдя через ряд комнат, можно было попасть в другой внутренний двор, но тот факт, что восточная сторона дворцового комплекса простиралась на то же самое расстояние на нижнем уровне, указывает, что весь дворец, так как он использовался в конце позднего бронзового века, был выстроен не по единому плану, а расширялся постепенно, по мере необходимости.

К северу от большого двора обнаружили погребение правителя с тремя подземными комнатами для погребальных ниш. Могилы представляют собой помещения со стрельчатыми сводами, в которые спускались по каменным лестницам. Планировка дворца и обнаружение подобного сооружения указывает на то, что в поздний бронзовый век в Рас-Шамре было сильное влияние микенской культуры.

При раскопках археологи нашли еще три внутренних двора и три независимые анфилады, служившие для административных надобностей. Одна анфилада располагалась у северно-восточного входа во дворец. Согласно обнаруженным в ней текстам, она предназначалась для ведения хозяйственных, судебных и налоговых дел, связанных с городом и примыкавшим к нему пригородом. Документы показывают четкое различие с постройкой, находившейся у западного входа, в котором велись дела, связанные с другими поселениями.

Еще одно учреждение располагалось рядом с четвертым двором в середине дворца. В нем вели внутриворцовые дела. Обнаруженные там документы в основном содержат списки продуктов, поступивших во дворец, подношений, купленных и списанных предметов. На многих документах находятся отпечатки правительственной печати правящей династии.

В небольшом помещении, отделенном от последнего маленьким внутренним двором, обнаружены внешнеполитические документы, написанные на аккадском языке. Это переписка с правителями соседних стран, нередко официальная, о чем свидетельствуют печати хеттского правящего дома.

Хотя от дворца в Угарите сохранилась лишь небольшая часть, даже его план производит мощное впечатление. Постройку завершал верхний этаж или ряд ярусов, на их присутствие указывают одиннадцать лестниц, отделанных полированным деревом, металлическими накладками и панелями из слоновой кости. Дворец охранял целый гарнизон телохранителей, в разнообразных отделениях канцелярии трудились писцы. Иностранные дипломаты и все те, у кого были какие-либо дела, толпились в вестибюлях и внутренних дворах.

Нам ничего не известно о численности обслуживающего персонала и семьи правителя. Но размеры западных парадных ворот, предназначенных для проезда колесниц, и количество дворцовых помещений сами по себе производят сильное впечатление.

Ни в Сирии, ни в Палестине не были обнаружены дворцы похожей величины и равные ему по роскоши, но можно с уверенностью утверждать, что ничего подобного и не

существовало. Угарит – совершенно исключительное сооружение, которое по праву считается одним из чудес Ханаана, о чем пишет правитель Библоса в своем письме к Аменхотепу IV, хотя у него самого был не менее примечательный город.

Расположенный на перекрестке торговых путей, шедших из Месопотамии, Анатолии, Ханаана, Кипра, Крита, Эгейского побережья Угарит имел жизненно важное значение для Египта как перевалочный пункт и являлся постоянным предметом спора с хеттами.

Поскольку до него было одинаково легко добраться из Египта по морю и из Анатолии, где располагалось Хеттское государство, по земле, Угарит был предметом притязаний обеих империй. Однако и египтяне и хеттские правители слишком высоко ценили его добровольную помощь и экономическое значение, чтобы полностью завладеть им с помощью военной силы.

Правители Угарита далеко не сразу оценили выгоды своего положения. Более того, именно данный город, занимавший столь выгодное положение, стал первым прибежищем беглецов с Крита, Кипра и других островов во время первой стадии активности морских разбойников, уничтоживших Минойское государство и разрушивших Кносский дворец в 1400 году до н. э.

Военный опыт и технические знания эгейских строителей привели к росту могущества и благосостояния Угарита. Именно эгейцам мы обязаны появлением сводчатых гробниц правителей, знати и состоятельных граждан Угарита, возведенных на рубеже среднего и позднего бронзового века.

Многочисленные документы, обнаруженные в дворцовом архиве, показывают, что в то время правитель Угарита был не только главой феодального государства, но и руководителем купцов, получая большие доходы от заморской торговли.

Отличительной особенностью ханаанского города считались священные места. К сожалению, археологические свидетельства часто заменяются субъективной точкой зрения, с этой оговоркой мы и проводим свой анализ. Следует различать святилища для поклонения местным божествам-охранителям и центры межобщинного культа, чаще всего культа предков, существовавшего на протяжении многих поколений, в которых совершались пышные церемонии, знаменовавшие единство всего племени.

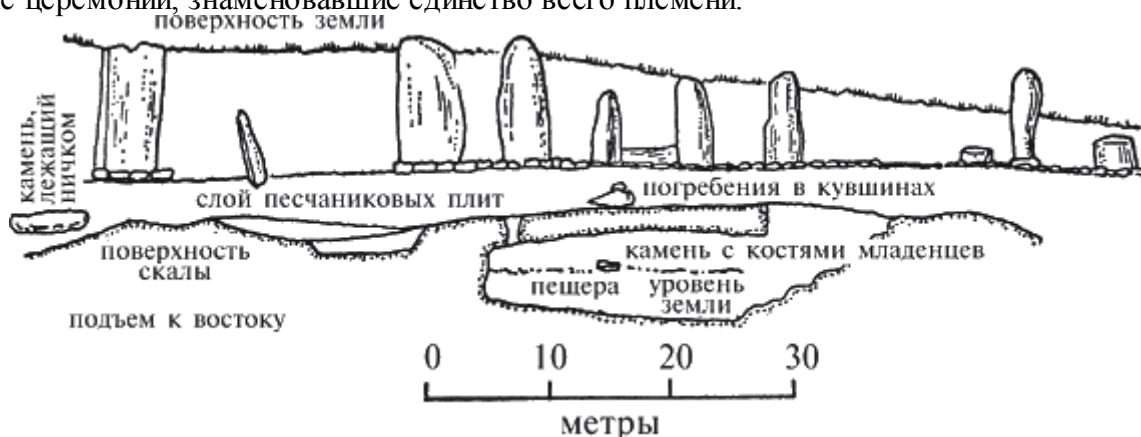

Рис. 17. Открытое святилище в Гезере (по Макалестеру)

Мы считаем, что такими центрами прежде всего стали древние святилища кочевников, связанные с культом предков – основателей племен. Возможно, это были древние святилища аморейских племен, поселившихся на этих землях около 2000 года до н. э. К ним относится известный культовый центр в Гезере. Там находились восемь или, возможно, одиннадцать монолитов из песчаника, расположенных полудугой, вытянутой в направлении с севера на юг длиной около десяти метров. Все монолиты, за исключением одного, установленного в каменном углублении, расположены на квадратной каменной платформе, приподнятой над уровнем земли.

Возможно, эта приподнятая платформа является тем самым «горним местом», так часто упоминаемым в церемониях, описанных в Ветхом Завете. Перед двумя монолитами

находятся большие квадратные блоки из песчаника, размером примерно три на три метра, с квадратным углублением около метра в середине.

Отсутствие следов штукатурки показывает, что углубление использовалось для совершения возлияний. Возможно, что в нем устанавливалось деревянное изображение Богини-матери Ашеры.

На камне из песчаника сохранился толстый слой высохшей жидкости, напоминающей кровь. Во время церемоний ею обрызгивали изображение божества и поклонявшихся ему, чтобы обозначить сошедшую на них благодать. О том, что данное место считалось священным на протяжении длительного времени, свидетельствуют обнаруженные близ него захоронения младенцев в кувшинах, которые датируются серединой второго тысячелетия до н. э.

Археолог Р. Макалистер, исследовавший похожие кувшины со скелетами младенцев, засыпанными просеянным песком, обнаруженные в Телль-эль-Хезе, предположил, что младенцы были закопаны живыми. Скорее всего, в данном случае младенцы, в возрасте всего нескольких дней принесенные в жертву, были первенцами. Видимо, церемония была связана с выполнением обета или отражала традиционное представление о том, что любой первенец человека или скота принадлежит Богу (Исх., 13: 1–2; 22: 28–29), которого следовало умиловить с помощью жертвоприношения (Исх., 13: 11–15; 34: 19–20).

В том же самом комплексе находятся две подземные пещеры, в которые ведут лестницы. В каменном веке они использовались как жилища, позже их соединили со святилищем и стали использовать как место пребывания оракула.

В Ветхом Завете вертикально стоящие камни (*masseboth*) постоянно соотносятся с «возвышенными местами» (*bamoth*), на которые снисходит божественная благодать (*beraka*). Поэтому в них и находились захоронения предков данного рода, которых считали его охранителями. Культ предков был известен и арабам-кочевникам, которые также считали умерших святыми покровителями живых. Видимо, такими святынями и были небольшие столбы, обнаруженные в храме конца бронзового века, расположенном в Гезере.

На каждом столбе вырезано рельефное изображение двух рук, вытянутых на диске внутри полумесяца, символизирующих неразрывную связь живых и умерших. В этой связи приведем фрагмент одного из расшамранских текстов, где говорится, что сын правителя – это тот,

Кому поставят стелу, посвященную родовому божеству,
В святилище, которое хранит память о его предках.

С одной стороны, такие камни могли воздвигать в память о явлениях божества, как, например, столб, который Иаков установил и миропомазал в Бетеле (Быт., 35: 14–15), или собрание таких столбов в «храме обелисков» в Библосе, относящемся к первой половине второго тысячелетия.

В Ветхом Завете его обозначали как «бамот», имея в виду такое святилище, как в Гезере. Там находилась погребальная насыпь, на которой размещалась приподнятая платформа с памятниками умершим предкам (Иез., 43: 7, Ис., 53: 9, Кумранские тексты и Иов., 27: 15). Платформа предназначалась для совершения жертвоприношений или использовалась как алтарь для молитв. Подобным сооружением является комплекс в Мегиддо, состоящий из трех храмов и каменной насыпи, построенный в середине бронзового века. Он имеет овальную форму размером 8 на 10 метров и высоту около двух метров. Наверх ведет лестница из семи ступеней. Боковая поверхность площадки укреплена каменной стеной. Такое же сооружение обнаружено в Нахарии близ Акко, неподалеку от святилища гиксосов. Первоначально оно имело меньший, чем комплекс в Мегиддо, размер, но постепенно было расширено (рис. 18).

Были и древние святилища, как, например, храм покровительницы Библоса. Дунанд считает, что от наиболее древних времен там сохранилась пещера, вокруг которой

постепенно были возведены строения. В начале третьего тысячелетия под влиянием Египта был построен храм. В нем обнаружены фигурки с изображением богини Изиды, относящиеся к следующему периоду, то есть к началу второго тысячелетия.

Отличительная особенность подобных святилищ – наличие огороженного пространства для жертвоприношений. Она сохраняется как в больших, так и в меньших по величине комплексах, например Муслим-Хараме-эш-Шариф в Иерусалиме. Возможно, первоначально местом поклонения был камень с пещерой, впоследствии на его месте был построен храм с куполом. Данное место считается культовым на протяжении почти трех тысячелетий.

Как указывает фундамент на священной площади, посвященной богине Бублос, перестроенный и укрепленный около 2000 года до н. э., на этом месте находилось помещение, которое могло быть «святая святых». Внутри его находятся три грубо обработанных камня, к которым можно было подняться по трем ступеням. Вероятно, в прошлом эти камни составляли алтарь. Эти сооружения располагались в изолированной от верующих части храма.

После того как ханаанейцы перешли к оседлой жизни, там появились храмы, которые символизировали присутствие богов. Они строились как жилища для бога (*battim*) и состояли из комнаты, в которой находилось изображение божества или его священный символ. Другие части храма предназначались для священников и верующих (рис. 18).

По форме храм представлял просторное помещение, вход в которое находился против возвышения для священного символа или алтаря. С подобной конструкцией мы встречаемся в трех храмах большого святилища в Мегиддо, относящихся к середине бронзового века.

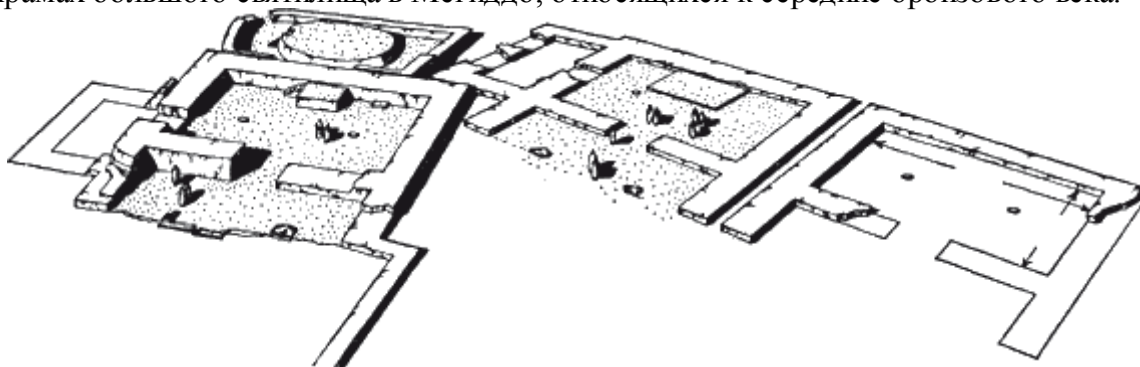

Рис. 18. Святилище («Высокое место») среднего бронзового века в Мегиддо (по Луду)

В святилищах в Телль-эд-Дувейре (с XV по XIII век), Бет-Шане VII (XIII век), Телль-эль-Фаре в Наблусе и Гезере алтарь и изображение бога находились на приподнятой платформе позади усыпальницы, доступные для широкого обозрения.

В храмах Ваала и Дагона в Рас-Шамре, которые использовались с 2000 года до конца XIII века, вход находился на одной из боковых сторон. Вначале верующие попадали в передний двор, а затем входили в храм, где находился большой алтарь и «святая святых».

Хотя каждый храм приспособлялся к местным условиям, их общее устройство практически не менялось, хотя далеко не всегда они были предназначены для почитания только одного бога. Так, в комплексе Мегиддо, построенном в середине бронзового века, в каждом из трех имевшихся храмов находился помост или пьедестал, предназначенный для подношений одному божеству.

Наряду с этим в Телль-эд-Дувейра находится небольшое святилище конца бронзового века, расположенное за стеной гиксосской крепости. Его явно перестроили после последнего разрушения города в 1230 году. В задней части находится длинный помост с тремя выступами на передней части – похоже, что это алтарь.

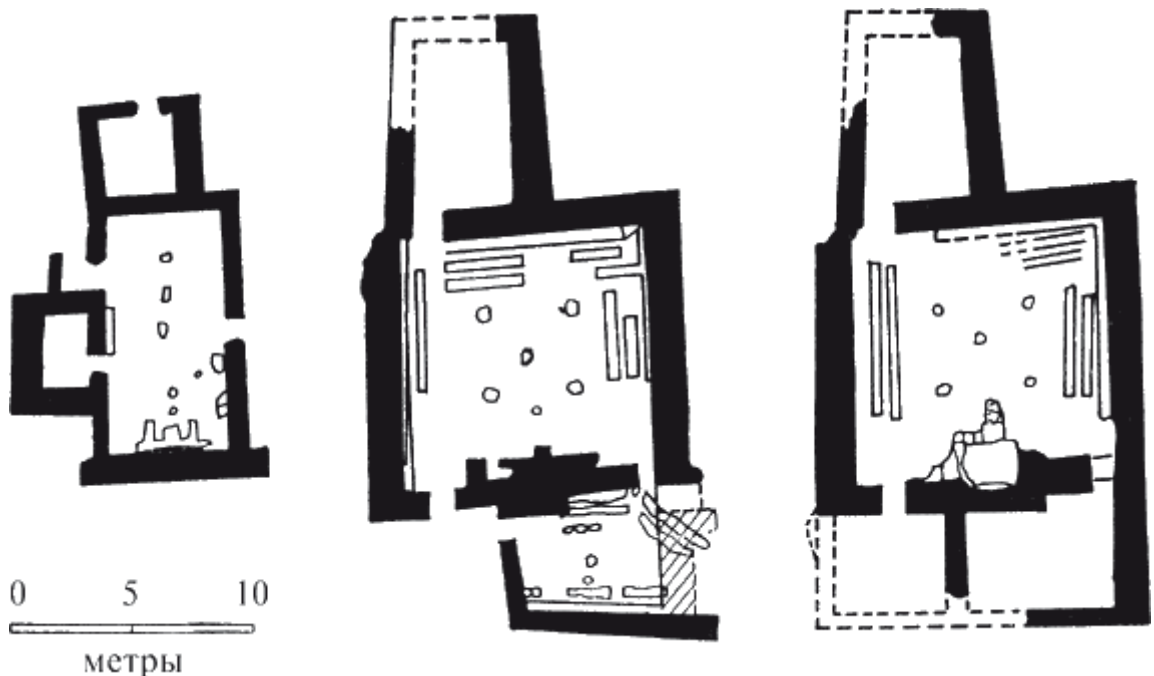

Рис. 19. Храм в Лашише, расположенный за городской стеной с двумя поздними реконструкциями, относящимися к позднему бронзовому веку (по Старки)

Возможно, данный храм был посвящен Триаде, возможно, богу Аль и богине Ашере, Создателю и Богине-матери и Ваалу-Хададу, молодому и энергичному богу – сначала дождя и бури, а затем покровителю растительного мира. Такое же святилище конца XV – начала XIV века, посвященное мужскому богу Мекалю и женскому божеству, находилось в Бет-Шане.

Подобные святилища были очень небольшими, упомянутое святилище в Мегиддо имело размер примерно 8 на 5 метров и считалось самым большим из святиль Лашииша. Результаты последних раскопок показывают, что и общий их план был примерно одинаковым. Однако встречались и такие святилища, в которых находились не только объекты поклонения, но и оракул. Подношения размещались на каменных или глиняных скамьях, расположенных вокруг стен. На это указывает множество кувшинов для хранения припасов, обнаруженных в святилище Телль-эд-Дувейра (Лашииш).

Прилегающая к сакральному месту территория оставалась свободной и использовалась для празднеств и собраний членов общины. Для этой цели предназначались и наружные дворы тройных храмов.

Храм Ваала в Рас-Шамре размером 40 на 20 метров намного превосходил по величине комплекс, посвященный Дагону, находившийся в том же самом поселении, но имел практически одинаковое устройство. Его планировка явно напоминает трехчастный храм Соломона, расположенный в Иерусалиме.

Ориентированный по оси север – юг, храм в Рас-Шамре состоит из открытого двора с алтарем размером 2,20 на 2 метра, более узкого и меньшего по размерам двора и находящейся в самой глубине узкой и широкой усыпальницы, в которой располагались символы божества.

Вход на территорию находился с восточной стороны, где портик соединял передний и внутренний двор. Вдоль западной стороны располагался коридор, выходящий в наружный двор напротив алтаря. Видимо, по нему доставляли жертвенных животных и продукты, необходимые для жертвоприношений (рис. 20).

Сохранившаяся мебель проста, но клинописные описи сокровищ в храме богини Луны Нин-гал в Кетне показывают, что так было не всегда. В этих документах перечисляется множество различных предметов из золота, предназначение которых еще не установлено. Начиная с середины второго тысячелетия в документах упоминаются статуя богини из

красного золота с чашей из желтого золота в руке весом десять шекелей, два огромных золотых орла, один золотой бык и шесть золотых тронов.

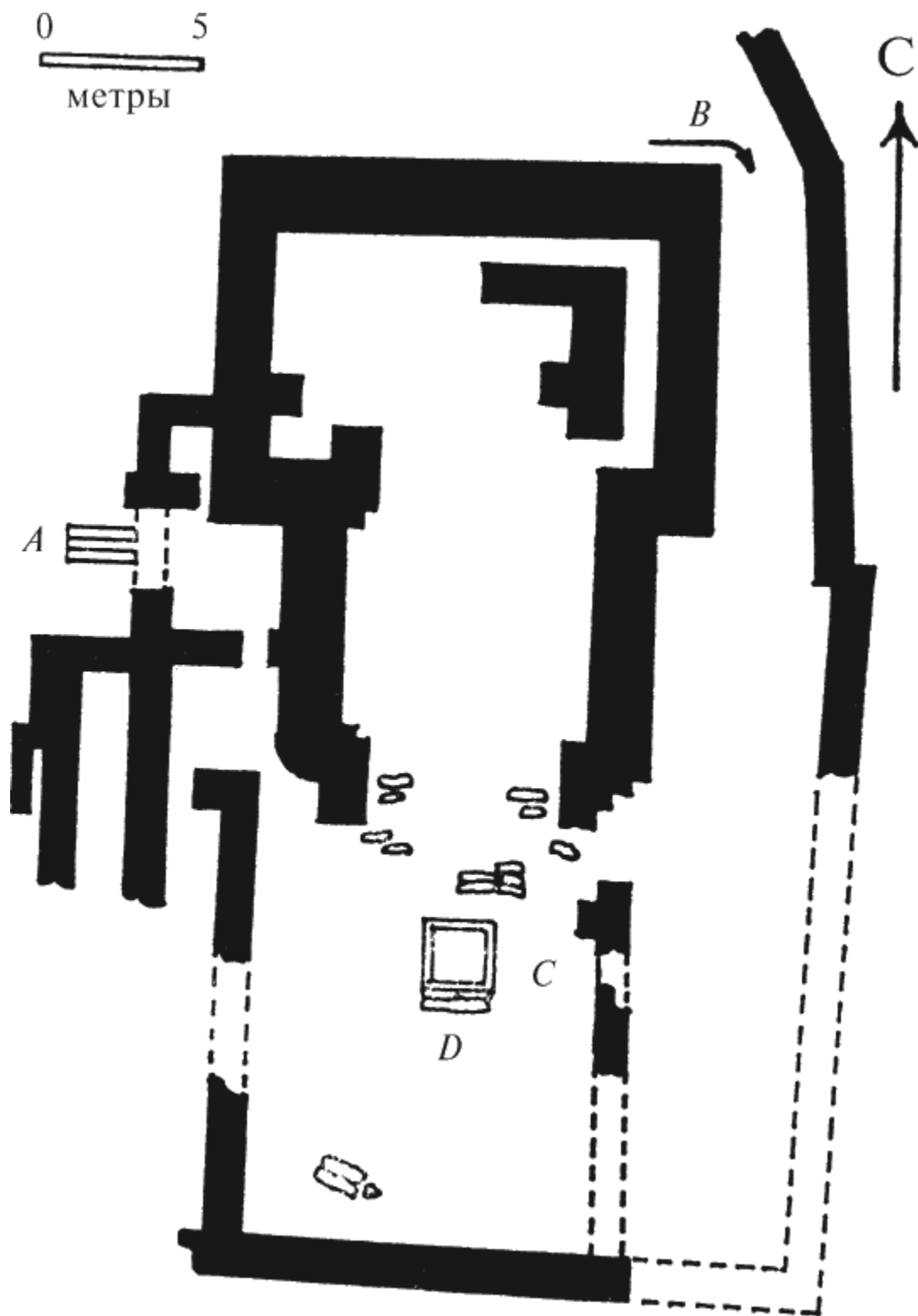

Рис. 20. Храм Ваала в Рас-Шамре от середины до позднего бронзового века.

A – вход для священнослужителей; *B* – вход для священных животных; *C* – алтарь; *D* – передний двор (реконструкция Дюссо)

В помещенном ниже очерке ханаанитского искусства указано, что пока не обнаружена ни каменная облицованная золотом голова льва, ни голова быка, отделанная лазуритом.

Наличие пьедестала указывает на существование статуи, но ни в Палестине, ни в Сирии пока не обнаружено ничего подобного, за исключением храма конца бронзового века в

Гезере, где нашли фигуру мужского божества высотой в 40 сантиметров, достаточно грубо вырезаную из местного черного базальта. Божество сидит на троне и держит в руках чашу или сосуд для подношений.

Рис. 21. Стела с рельефом бога и поклоняющимся ему правителем. Отдыхающий пожилой бог, возможно, Эл, главный бог ханаанитского пантеона, встречается в рас-шамранских текстах. Полагают, что его рога отражают один из его эпитетов («быкоподобный Эл»). Но они также являются символами различных богов, встречающихся на семитском Востоке (реконструкция Контено)

Рис. 22. Фигурка Ваала из Рас-Шамры, медь, покрытая золотом и серебром (по Шефферу)

Рис. 23. Фигурка Ваала из Рас-Шамры, медь, инкрустированная и покрытая золотом и серебром, поздний бронзовый век (по Шефферу)

Перевернутый полумесяц на груди фигуры указывает, по аналогии с шумерской идеограммой, что статуя изображает бога Луны Шина. На это же указывает и изображение поднятых в молитве рук, держащих диск и полумесяц.

Бурная история Ханаана, постоянные восстания сирийцев и ответные карательные рейды ассирийцев, периодические потрясения в Израиле и Иудее объясняют происхождение огромных золотых изображений. На самом деле голова статуи из Гезера была разбита.

В Бет-Шане и Рас-Шамре также удалось найти стелы с рельефами богов (рис. 8, 21).

Обычно высота подобных стел не превышала 50 сантиметров, только изображение Ваала с корпьем-молнией в руке, относящееся к первой половине второго тысячелетия, из Рас-Шамры достигает почти 1,5 метра. Косвенно на существование подобных изображений указывают фигурки богов, возможно вотивные приношения или изображения, сделанные священниками для продажи.

Традиционно такие статуи изготавливались из бронзы и в ряде случаев покрывались золотом и серебром. Большинство находок, обнаруженных в Рас-Шамре, Мегиддо и Телль-эд-Дувейре, относятся к концу бронзового века. На фигурках из Рас-Шамры и Минет-эль-Бейды воспроизводится такой же образ Ваала, как и на стеле, которую мы упомянули.

В образе бога-воина, похожего на Ваала, скорее всего, изображен Решеф, которого в иудейской традиции именуют Мекаль (от еврейского «mekalleh»), «Унижитель». Он представлен на стеле из Бет-Шана. На это указывают рога газелей, украшающие головной убор бога, а также и то, что Бет-Шан на берегу Нахр-Ялута постоянно страдал от малярии.

Образы богини плодородия также известны по рельефам на стелах из Бет-Шана и Рас-Шамры и по обнаженным фигуркам из терракоты и золотым подвескам, которые встречаются в практически каждом примечательном ханаанейском поселении, относящемся к позднему бронзовому веку.

Еврейское слово «masebah» может обозначать как каменную стелу, так и свободно стоящую статую. Она могла использоваться как памятник умершему или символ для обозначения места, где осознавалось присутствие бога. Однако независимо от культового назначения его прежде всего связывают с мужским божеством. Символом богини-матери был aserah (литературное «подпорка»). Сегодня известно из расшамранских текстов, что оно обозначало имя богини-матери, супруги Эля и матери божественной семьи. В Ветхом Завете это слово нередко переводят как «роща», что позволяет предположить, что она может быть вырвана с корнем (Мих. 5: 13; 4 Цар., 23: 14), срублена (Суд., 6: 26) и сожжена (Втор., 12: 3; 2 Цар., 23: 6; 15). Она изготавливалась из дерева (Суд., 6: 26) и, возможно, на самом деле была деревом, посаженным человеком.

Обычно, особенно у тех склепов в ханаанских городах, которые мы упоминали, дерево было представлено шестом или столбом, который, возможно, устанавливался в углублении каменного основания. По крайней мере, так определили по первому ханаанитскому храму, раскопанному Роу в Бет-Шане.

Возможно, подобной же цели служили каменные углубления, которые мы заметили в «горнем месте» в Гезере, и похожее каменное углубление в одном из храмов, относящихся к тому же периоду в Библосе. Возможно, дерево, питаемое дождем, который был в ведении мужского бога Ваал-Хадада, служило символом жизни. Изображение кипариса как дерева жизни широко распространено в ханаанском искусстве. Изображение богини, собиравшей растения, между двумя кипарисами, находится на коробке для мазей из слоновой кости. Подобное изделие позднего бронзового века из Рас-Шамры позволяет предположить связь между богиней плодородия и священным деревом.

Фимиами курились в керамических или бронзовых сосудах с отверстиями, установленных рядом с выемкой. Сосуды могли иметь цилиндрическую или кубическую форму, напоминая домик с несколькими этажами или спальню с окошками. На образце из Бет-Шана (XI век) кубический сосуд поддерживают ножки в виде львов или сфинксов. Нередко его украшали накладками с изображениями змей. Часто встречаются изображения птиц, вероятно, это были голуби, которые, как и змеи, ассоциировались с богиней-матерью. Богиню изображали обнаженной или выглядывающей из окон.

Каменные или керамические сосуды использовались для крови жертвы и воды для очищения, а также проведения очистительных и инициационных обрядов, например, чтобы вызвать дождь. Об этом свидетельствуют огромные бронзовые сосуды на колесиках (так называемые «морья») и блюда, обнаруженные в храме Соломона.

Миниатюрный образец, относящийся к позднему бронзовому веку, обнаруженный в

хранилище священных предметов в Рас-Шамре, представляет треножник с круглой верхушкой и подвесками в форме гранатов.

Вокруг главного помещения храма располагались помещения для хранения реликвий, необходимого инвентаря и пребывания обслуживающего персонала. В Ветхом Завете говорится, что в храмах были отдельные места для разных групп верующих. Там они собирались на «трапезу любви», то есть общий ритуальный пир. Приготовление пищи производилось в специальном помещении. Об этой важной особенности ханаанской религиозной практики говорится и в рас-шамранской легенде о сыне правителя Акхра, который рожден, чтобы

Съесть свою долю в храме Ваала,
Свою порцию в храме Эля.

На протяжении второго тысячелетия погребальные обычаи ханаанцев менялись от района к району соответственно с тем, кто захватывал регион, но в любом случае угощение для мертвых устраивалось так, чтобы оказать достаточное уважение и в то же время не нанести ущерба живым.

На протяжении раннего бронзового века небольшие сообщества и отдельные семьи хоронили умерших в общих пещерах из известняка, расположенных неподалеку от поселения. По мере надобности пещеры постепенно расширялись и отделялись.

С переходом к оседлой цивилизации среднего бронзового века (2000) погребальные обычаи изменились, как ярко подтверждают результаты раскопок в Иерихоне. Здесь, так же как и в других животноводческих сообществах в Телль-эль-Аджжуле, Телль-эд-Дувейре, были обнаружены гробницы, расположенные на склонах гор на некотором расстоянии от поселения. Их отличительными особенностями является появление индивидуальных погребений, хотя они встречаются далеко не всегда.

В это время в Иерихоне применялось пять различных типов погребения в гробницах, что подтверждает существование на данных землях независимых, возможно разноплеменных, групп.

В гробницы можно было подняться с подножия по вертикальному стволу. Один тип представляет собой небольшую комнату, отделанную тесом, в ней находится только одно тело, похороненное в согнутом положении: мужчина с бронзовым кинжалом или женщина обычно с бронзовой булавкой или ниткой бус.

Второй тип представляет собой погребальную комнату, размещенную у основания шахты, она гораздо больше по размерам, более тщательно отделана. Отличительной чертой считается расчленение останков, что, как смело предположил археолог доктор Кенион, может указывать на перевозку умерших на некоторое расстояние к месту родовых погребений. В этой связи можно вспомнить о перевозке еврейских патриархов в пещеру Махпеллах в Хевроне или костей Иосифа в Сихем. В погребениях не обнаружено никакого оружия, но имеется значительное количество керамики. Изделия крайне примитивные, непохожие на те, что обнаружены в поселениях, что позволяет предположить, что они были исключительно погребальными сосудами.

Однако, если данные погребения принадлежали кочевникам, мы не должны рассчитывать, что встретим в них керамику, которая использовалась в повседневной жизни в этом поселении.

Другой отличительной чертой погребений этого типа была керамическая лампа, помещенная в стенной нише. Потускневшие краски указывают на то, что она использовалась для освещения. Возможно, лампу зажигали в ходе погребального обряда для того, чтобы указать умершему путь во тьме, или она была ритуальной заменой символа жизни, горела до окончания погребального обряда, отмечая переход умершего в мир иной.

Три других типа погребений отличаются в основном размерами шахты и величиной погребальной камеры, сочетают особенности первых двух, показывая их постепенное

слияние. Появление подобных форм указывает на то, что в данном районе происходило постепенное слияние разноплеменных групп.

Похожие изменения форм погребальных обрядов с повторением тех же самых отличительных особенностей, хотя и с местными отличиями, отмечены и в других районах, прежде всего в аморейских поселениях в Телль-эль-Аджжале, Мегиддо и Гибоне (Эль-Джибе).

В начале среднего бронзового века (XIX век), когда появлялись более крупные поселения городского типа, погребальные обряды соответственно менялись.

Теперь захоронения совершались не на расстоянии от поселений, а в непосредственной близости от жилой зоны, как, например, в Иерихоне и Мегиддо. Видимо, подобное расположение связано со стремлением жителей, которые в основном были пришельцами, защитить свои погребения от возможного осквернения, на что неоднократно указывали результаты раскопок.

На основании найденных в этих могилах разновидностей керамики можно сделать вывод, что народности, которые раньше заселяли прибрежные города Сирии, теперь частично расселились в некоторых районах внутренней части, ранее занятой аморейцами. Видимо, постоянные вторжения пришельцев из перенаселенных территорий привели к политическому объединению аморейских племен, а также к перемещению центров торговли из прибрежной зоны, над которой во время XII династии утвердилась власть Египта.

В любом случае погребения аналогичны тем, что встречаются в больших городских центрах, расположенных на побережье, где недостаток места обусловил возникновение обычая, показавшего справедливость организации тщательно обустроенных богатых могил.

В большинстве погребений обнаруживаются образцы бронзового оружия и керамики. Могилы вырывались в земле, и их длинные стороны укреплялись каменной кладкой, сверху ее закрывали плоскими камнями и лишь после этого засыпали землей, как, например, в поселении Рас-эль-Айн в Палестине. Известна одна разрушенная могила такого типа в Иерихоне. Она была обложена саманным кирпичом и перекрыта сверху либо каменными плитами, либо выложенным из камней сводом. Правда, кладка свойственна более ранним пещерным погребениям.

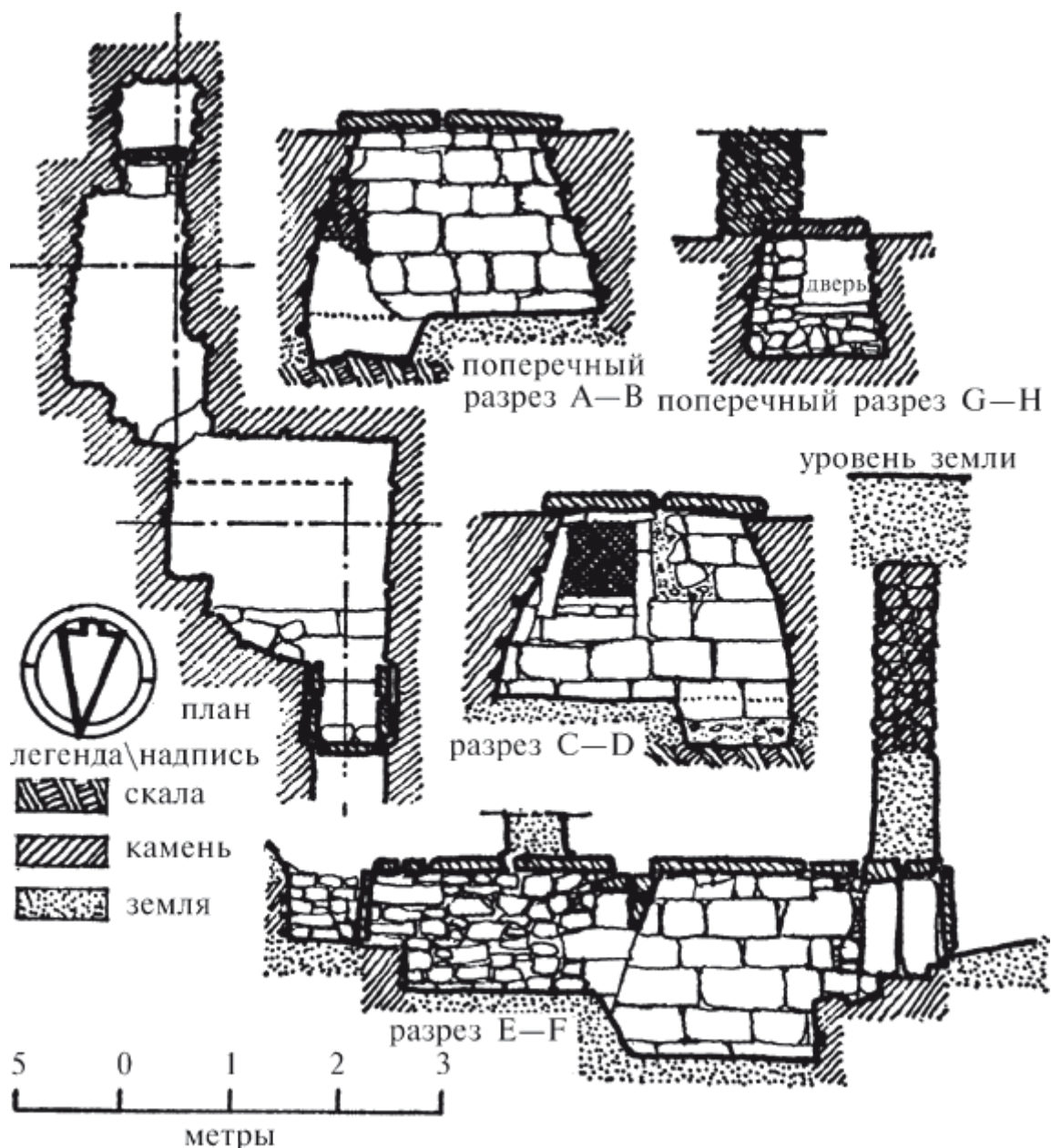

Рис. 24. План и поперечный разрез двух сводчатых гробниц в Рас-Шамре, от XVIII до XVII века (по Шефферу)

Гробницы данного типа, расположенные неподалеку или даже непосредственно под жилым домом, наиболее распространены в таких поселениях, как Мегиддо, Тель-эль-Аджжул, во второй половине среднего бронзового века, то есть в гиксосский период. Некоторые из них использовались только для одного погребения, в других размещено несколько умерших, поэтому кости более ранних погребений отодвинуты в сторону. Иногда в могилах обнаруживаются останки около двадцати скелетов, а в некоторых случаях их число вдвое больше, что указывает на их частое и долговременное использование. Огромные комнаты-могилы с вертикальными шахтами высекались в мягком белом известняке, которым были сложены русла вад. Обычно они располагались в непосредственной близости от поселений.

Кости более ранних погребений вместе с размещенными в могилах сосудами для еды, простейшими элементами домашней мебели и иногда оружием весьма бесцеремонно отодвигались в заднюю часть могилы, чтобы освободить пространство для более свежих погребений. Логично предположить, что это были семейные погребения. Возможно, о них говорится в Ветхом Завете как о «лежащих рядом» или «собранных рядом с отцами».

Подобные погребения превосходно представлены в Иерихоне, где после местной

эпидемии 1600 года подобные погребения были заполнены телами умерших, которые так и остались непо потревоженными.

Доктор Кенион установил, что по какой-то причине останки уже разложившихся тел оставались нетронутыми и после повторного вскрытия могил. В этом можно убедиться по хорошо сохранившемуся содержимому, расстановке предметов мебели и сосудов с погребальными подношениями.

Предметы мебели, возможно аналогичные тем, что использовались и в обычных жилищах, состоят из тростниковых матов, на которых размещались тела, низкого узкого трехногого деревянного стола с костями барана и сосудов для еды. Другие сосуды для еды различной величины и корзины размещались вдоль сторон гробницы.

Личные украшения, например бусы, туалетные принадлежности и деревянные расчески для женщин и украшения в виде скарабеев для мужчин и бронзовые продолговатые булавки для одежды обоих полов указывают, что мертвых и после смерти снабжали всем тем, что было необходимо живым.

Соответствие с миром живых было настолько буквальным, что глава семьи (по крайней мере, так было в зажиточных семьях) занимал ложе в стороне от остальных, размещавшихся на тростниковых матах, на приподнятых платформах или на возвышениях в углах гробниц. Подобный тип погребений с трогательной попыткой сохранить подобие живых характерен для ханаанской культуры конца бронзового века.

Ханаанские города были центрами международной торговли пурпурной краской с побережья, прекрасного оливкового масла и вина со срединных земель, металлов с Кипра и Анатолии, слоновой кости и ценных пород дерева с Нижнего Нила. Огромные кедровые бревна доставлялись на кораблях из Библоса.

В гаванях Леванта ханаанские купцы наполняли свои корабли сосудами из Египта, Крита и материковой части Греции. В конце позднего бронзового века по крайней мере четверть товаров ввозилась в Угарит именно через порты.

И все же основой экономики была не торговля, а сельское хозяйство, о чем сообщается в мифологических текстах из Рас-Шамры. Это видно по четкой соотнесенности магических обрядов с узловыми точками сельскохозяйственного года, с помощью которых земледельцы пытались повлиять на судьбу для обеспечения своего благосостояния.

Сельскохозяйственный год начинался поздней осенью с ожидания сильных дождей, «дождей Создателя», как говорится в Ветхом Завете, выпадавших в конце октября – первой половине ноября. Когда сильные дожди размягчали поверхность, высушенную летней жарой, крестьяне выходили на поля, распахивали землю и сразу же засевали ее.

Возделывались две основные зерновые культуры – ячмень и пшеница, в апреле начинали собирать ячмень, а в мае или в начале июля заканчивали цикл сбором пшеницы. Колосья срезали серпами и молотили с помощью распорки, в которую вставляли острые камни или металл. Иногда пользовались заостренными вращающимися цилиндрами. Затем обмолоченные зерна веяли, подбрасывая вверх при свежем ветерке деревянными лопатами, а в заключение очищали с помощью решета.

Зерно высыхало, лежа на току, защищенное с помощью колючек до тех пор, пока вместе с другими летними фруктами его не переносили в накопительную яму в жилище. Так же поступают и современные арабские крестьяне, сопровождающие свои действия определенными обрядами и даже молитвой.

В то же время после сильных дождей с помощью плуга или мотыги возделывались виноградники, а затем и сливовые деревья в период между январем и февралем. Пока фрукты созревали, семьи жили в легких шалашах в виноградниках или наверху сушилен, которые обычно строили из камней, образовавшихся после расчистки поля (Ис., 5: 2). В это время поверяли прочность террас и укрепляли их с помощью подобных камней, не допуская эрозии почвы.

Летом собирали фиги, вынимали из них косточки и сушили на солнце, собранный виноград раскладывали на токах для получения изюма или отжимали в специальных

каменных давильных, а сок собирали в больших глиняных сосудах, связанных парами для удобства переноски.

Конец земледельческого года отмечался последним сбором зимних фруктов и зерна с токов. Заложив собранные запасы на хранение, отмечали праздник урожая, за которым снова начинался период долгожданных дождей. Так проходили годы, сменяя друг друга.

Деление земледельческого года палестинского крестьянина на периоды мы приводим по надписи на песчаниковом диске из Гезера, относящейся примерно ко времени Соломона (X век):

Два месяца – сбор плодов (сентябрь, октябрь)
Два месяца сева (ноябрь, декабрь)
Два месяца вторичного сева (январь, февраль)
Месяц срезания льна (март)
Месяц сбора урожая ячменя (апрель)
Месяц сбора урожая и затем праздник (май)
Два месяца обрезания виноградника (июнь, июль)
Месяц (сбора) летних фруктов (август)^б

Из росписей египетских гробниц и скульптур нам известно, что верхнее сословие ханаанцев носило длинные одеяния, удерживаемые в середине поясом, бедные слои населения – короткое одеяние, напоминавшее юбку. Такая же одежда была и у воинов. Головы обычно прикрывали специальным покрывалом, которое удерживали на голове с помощью повязки. Покрывало напоминает куфию, которую носят и современные бедуины.

На основании росписей могил семитской группы в гробнице Бени-Хасан ясно, что наиболее распространенным типом обуви были открытые сандалии с переплетениями. На изображениях показано огромное разнообразие узоров тканей с оригинальными яркими расцветками.

Обнаруженные в разных местах каменные и глиняные пряслица указывают на развитое ткацкое производство. Можно предположить, что разнообразие образцов отражает и этническую пестроту Ханаана.

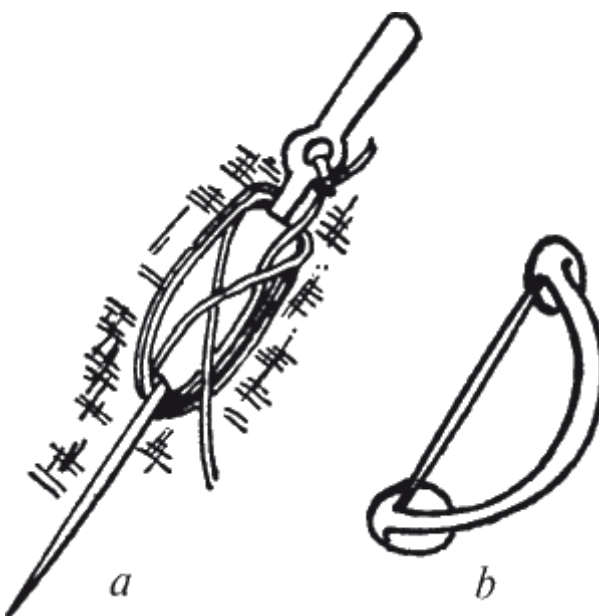

Рис. 25. *a* – продолговатая булавка, от середины до позднего бронзового века; *б* – «безопасная булавка», поздний бронзовый век (по Барруа)

^б Перевод И. Винникова. Хрестоматия по истории Древнего Востока. – М., 1963. – С. 302.

Платья представителей обоих полов, особенно женщин, не поддерживались поясами, обычно во втором тысячелетии они скреплялись длинными булавками, изготовленными из бронзы, с просверленными дырочками. Части одежды скреплялись булавками, продернутыми через специальные отверстия и закрепленными нитками. Примерно в середине второго тысячелетия в обиход вошла примитивная разновидность «безопасной булавки», хотя продолговатая булавка не исчезла (рис. 25 а, b).

Женщинам конечно же, как и во все времена, очень нравились украшения. В районе Бени-Хасана носили как ручные, так и ножные браслеты. По частоте находок в раскопках можно судить, что в древнем Ханаане использовали почти такие же браслеты, серьги, кольца для носа и подвески, как и на современном Ближнем Востоке.

Большинство из найденных предметов изготовлено из золота, что, несомненно, свидетельствовало об их принадлежности к приданому женщины. Как тогда, так и теперь муж, скорее всего, влиял на свободу перемещений женщины, заботясь о сохранности своего капитала.

Рис. 26. Коробка для благовоний из слоновой кости из Рас-Шамры (по Шефферу)

Обнаружено значительное число образцов древней косметики. Судя по всему, женщины подводили глаза краской на основе сурьмы, которую хранили в крошечных горшочках из декоративного камня, такого, как алебастр или змеевик. Они также красили лица, приготавливая краску на специальной ложечке, тоже выточенной из камня. Результат рассматривался в изящных зеркалах из хорошо отполированной бронзы.

Использовалось также ароматизированное масло. Его обычно хранили в изящно разрисованных фляжках из слоновой кости с точно подогнанными пробками в форме женской головки. В подобные сосуды вставлялись ложки, например, в коробке из слоновой кости из Рас-Шамры был маленький половник в форме плавающей утки.

Превосходные образцы подобных личных украшений из золота найдены в Тель-ад-Аджжале в устье Вади-Газех сэром Флиндерсом Петри. Не касаясь магического значения золота, обладание которым означало вечную молодость, мы можем отметить, что в этих предметах блестяще сочетаются практическая и декоративная функции.

К первой категории относятся неотделанные незамкнутые кольца из золота, концы которых обычно суживаются. Кольца встречаются простые или украшенные с помощью спирали либо чернения, с подвесками или без них, которые, в свою очередь, отличаются большей или меньшей степенью отделки. Кольца предназначались для уха или для носа.

Как полагает Петри, более массивные височные кольца использовались для украшения волос. Возможно, они входили в приданое женщины, как и продырявленные монетки в волосах современных арабских крестьянок. При этом они могли оставаться только украшением.

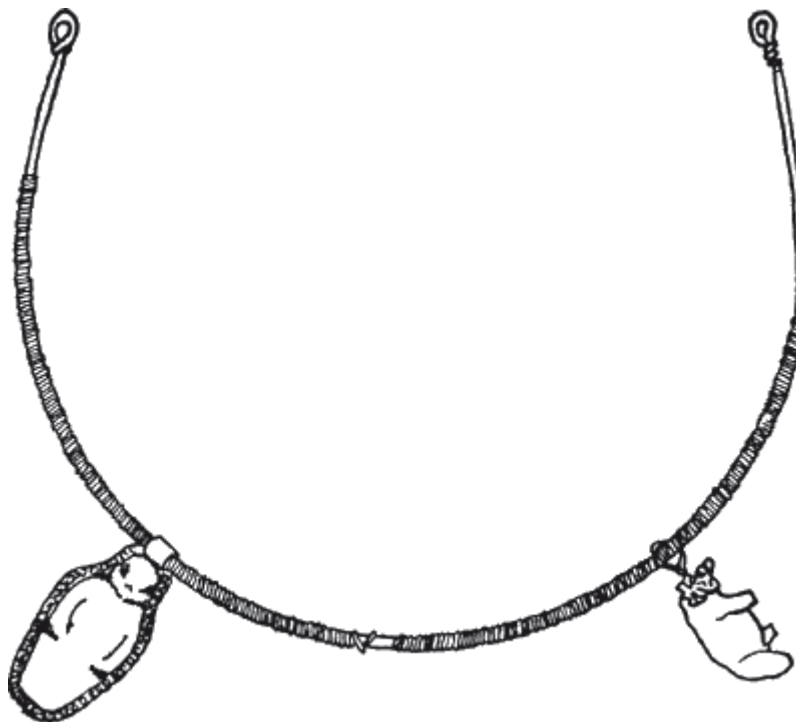
Большие незамкнутые золотые и серебряные браслеты для рук и ног по-прежнему привлекают крестьянок с Востока, как привлекали и в Древнем Иерусалиме, когда Исаия получал удовольствие от позвякивания браслетов городских женщин. Плоские нагрудные

украшения в виде тонких золотых или покрытых фольгой пластинок, возможно, были не только предметом украшения, но и знаком отличия, символизовавшим принадлежность к знати.

Автобиографические надписи на гробницах показывают, что фараон нередко жаловал подобные декоративные изделия заслуживающим поощрения чиновникам. К таким предметам относятся богато орнаментированные пекторали из гробниц Библоса. Широкая золотая лента, приколотая к одежде, возможно, была диадемой местного правителя. Именно такую ленту обнаружили в королевской гробнице Ипшхемуаби в Библосе (XVIII век).

Функциональное значение имели украшения в виде скарабея и цилиндрические печати, вставленные в тяжелые золотые перстни. Возможно, иногда их надевали и на пальцы, но они оказались такими неудобными, что, скорее всего, их носили на шнурке на шее. Возможно, это были печати чиновников различных рангов, как печать среднего бронзового века, найденная в Телль-эль-Аджжале, на которой читается надпись «Хранитель зерна», напоминающая библейского Иосифа из Египта.

Отчетливый декоративный рисунок нескольких перстней со скарабеями, надетыми на другую руку, позволяет предположить, что они, скорее всего, воспринимались как амулеты, хотя первоначально украшения в виде скарабея использовались и как печати. Этот предмет, представляющий изображение спины самки скарабея, отражает представления египтян об этом животном.

Рис. 27. Ожерелье из золотой проволоки, обвитое великолепной золотой нитью, из Телль-эль-Аджжале. Египетское происхождение подтверждается серой лазуритовой фигуркой Гора, установленной в зерненую оправу, и темным аметистовым гиппопотамом на ожерелье. В пользу того, что это ожерелье из Египта, а не из Персии, свидетельствуют и другие находки в том же погребении (по Петри)

Наблюдая за тем, как скарабей катит свежие шарики навоза в свое гнездо, чтобы высиживать яйца и защищать личинки, они усмотрели в этом символик движения солнца по небу и сделали скарабея символом вечного обновления.

Циклические печати с северомесопотамским рисунком, скорее всего, были фамильными печатями наместников, нанимаемых фараонами XVIII и XIX династий, чтобы управлять Палестиной. И наконец, они могли выполнять функцию обыкновенных амулетов, на что указывают сюжетные сценки, нередко вырезавшиеся на них.

Гораздо большее, чем сегодня, значение придавалось амулетам. В слоях, относящихся

ко второму тысячелетию, в Библосе встречаются глиняные фигурки гиппопотамов, кошек, обезьян, Беса и Хоруса. Подвеска из золотой проволоки из Телль-эль-Аджжула состоит из двух фигурок, одна из них – младенец Хорус, а другая – изображение гиппопотама, египетского бога Сета, который сравнивался с ханаанитским Ваалом (рис. 27).

Небольшие золотые мухи и насекомые, напоминающие вошь, возможно, имели особое защитное значение против болезней, так же как и золотая мышь. Подобные артефакты были принесены в Арк филистимлянами, хотя их обнаружение в Телль-эль-Аджжуле, последнем значительном поселении в Палестине по дороге в Египет, позволяет предположить, что они, возможно, были и египетскими наградами, «золотом бесстрашия», о чем сообщают египетские надписи.

К амулетам обязательно следует отнести золотые пластинки, обычно грубой треугольной формы, на которых изображена обнаженная ханаанейская богиня плодородия Ашера, мать богини Астарты или Анат, сестра и супруга Ваала.

Последняя из упомянутых богинь, возможно, изображена и на яйцевидной подвеске из Бет-Шана (поздний бронзовый век), она также обнажена, в профиль видно, что на ней надет египетский парик. В руках она держит египетский скипетр как символ ее власти и права дарить жизнь и процветание.

Правда, точно определить, какая это богиня, вряд ли возможно, но, скорее всего, это одна из трех великих ханаанитских богинь плодородия. Несмотря на явную стилизацию под египетские образцы, на статуэтке изображены не только лицо и часть прически, характерные для египетской Хатхор, но и намечены груди, пупок и половые органы.

Носившиеся женщинами Ханаана амулеты с изображением богини плодородия в форме небольших металлических подвесок или глиняные статуэтки, хранящиеся в домах, отражают многовековой трепет перед великой тайной жизни и рождения, от которой зависело существование самого общества. Множество данных изображений богини плодородия, реалистических или стилизованных, выполненных в камне или глине, обнаруживаются по всему Ближнему Востоку начиная с халколитического периода и указывают на то, что местные земледельцы постоянно заботились о плодородии поля, животных и своих жен.

За исключением топоров, форма бронзовых изделий такая же, как и форма оружия, и этими предметами тоже очень гордились, поскольку металл для их производства доставлялся издалека и стоил достаточно дорого. Медь и олово для производства привозили из Хорасана и закаляли с мышьяком.

В большинстве случаев производством этим занимались странствующие кузнецы, которые путешествовали по всему Древнему Востоку. Кузнецы, составлявшие отдельное племя, упомянуты в Ветхом Завете как каиниты. До наших дней в арабском мире известны племена наввар и шулейб, все представители которых являются лудильщиками. Интересно, что они всегда сохраняли нейтралитет и никогда не участвовали в междоусобных стычках. Так поступали и упоминавшиеся нами каиниты (кузнецы), которым всегда было присуще высокое самосознание (Быт., 4: 15).

На протяжении второго тысячелетия металлургическая техника еще не систематизировалась по отдельным разновидностям изделий. Поэтому боевые топоры конца бронзового века, найденные в Рас-Шамре и Бет-Шане, очень похожи на найденные в Луристане (рис. 28, табл. 42, 43).

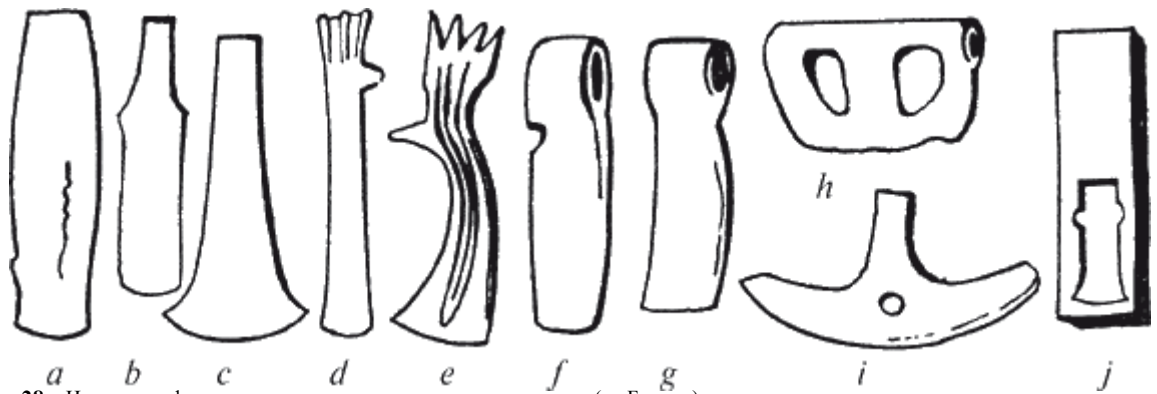

Рис. 28. Изменения формы топора во втором тысячелетии до н. э. (по Барруа)

Со временем производство обычных инструментов и оружия сосредоточилось в местных городах-государствах, где изделия отливали в глиняных и песчаниковых формах разного размера (рис. 28j, 30).

Великолепные кинжалы с прекрасно выкованными лезвиями, ручками, украшенными деревянными и костяными накладками, часто заканчивались бронзовыми или каменными головками в форме шара или полумесяца. Возможно, они усиливали удар.

Чтобы придать большую прочность, рукоятку отливали вместе с лезвием. Такой тип кинжала установился на протяжении позднего бронзового века.

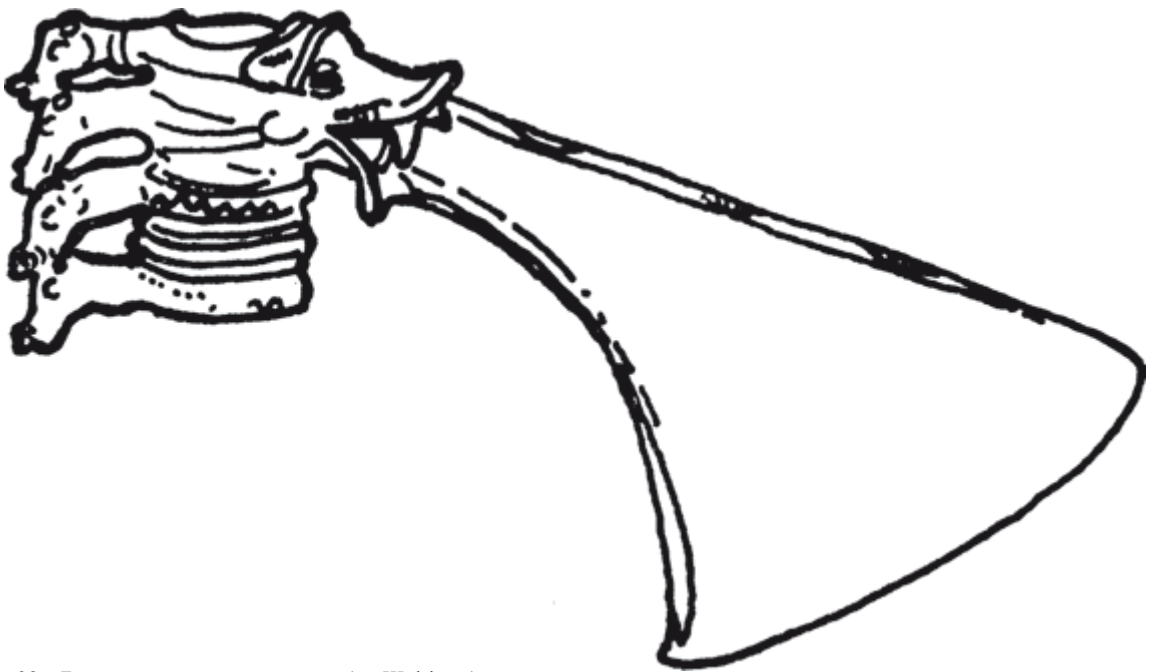

Рис. 29. Бронзовый топор из луристана (по Шефферу)

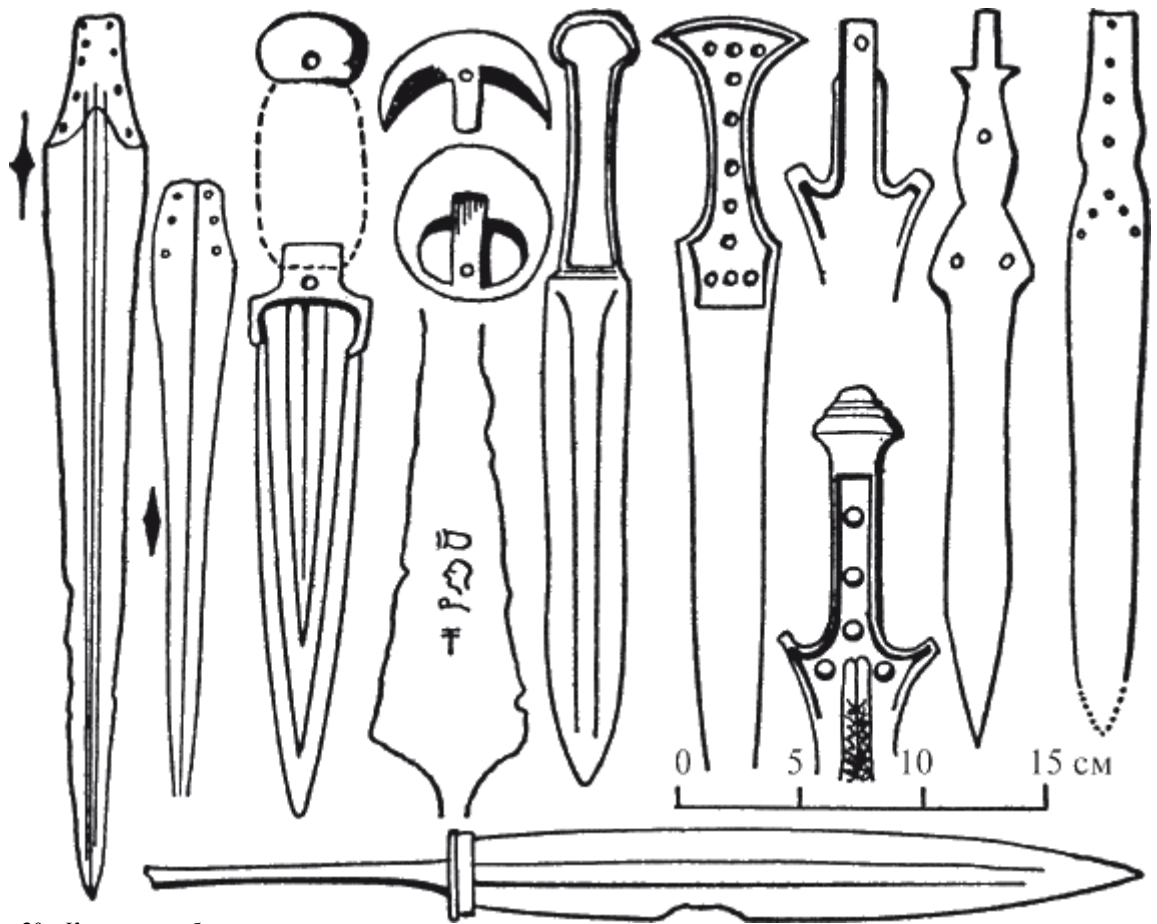

Рис. 30. Кинжалы и сабли второго тысячелетия до н. э.

Наконечники стрел имели чуть искривленную или листообразную форму с двумя краями, прекрасно заточенными, как лезвия кинжала, и отполированными, чтобы их можно было прикрепить к древку.

Для пробивания прочной нагрудной брони изготавливались более тяжелые трех- или четырехгранные стрелы. Об этом свидетельствуют находки из Рам-Шамры, относящиеся к позднему бронзовому веку. Возможно, странствующие кузнецы, о которых шла речь выше, способствовали их распространению на запад из Анатолии.

Стрела с очень широким наконечником из Телль-эль-Аджула, возможно, выполняла те же функции, что и современная пуля дум-дум. Как предположил Петри, она использовалась для борьбы с колесницами и верховыми лошадьми. Для этой же цели использовались метательные дротики.

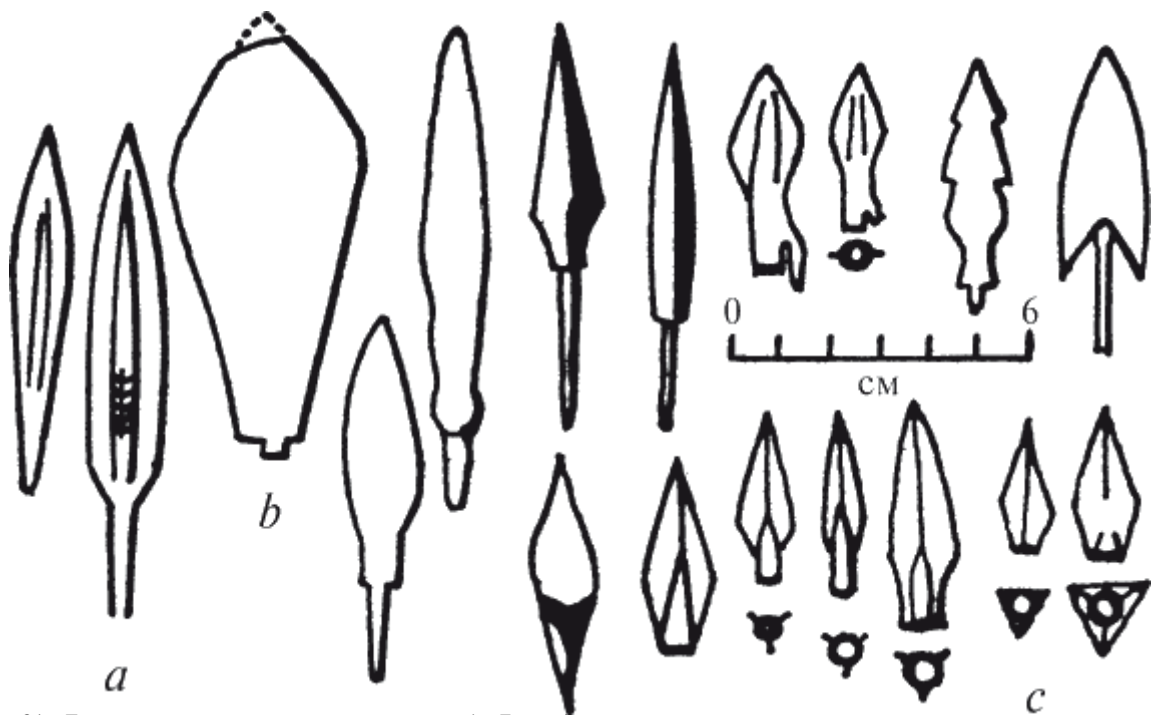

Рис. 31. Головки стрел второго тысячелетия до н. э. (по Барруа)

Сабля того времени напоминала укороченный турецкий ятаган с узким остро закруглявшимся колющимся краем. Рукоятка была либо с выступом, либо с одной стороны искривленной с закругленным лезвием. Такие сабли бронзового века встречаются и в Месопотамии, и по всему Ближнему Востоку от Ханаана до Египта.

Некоторые из этих прекрасных образцов имеют ярко выраженное центральное ребро, богатство отделки заставляет предположить, что они принадлежали правителю или представителю знати.

Красивый образец из гробницы правителя Библоса Ипшемуаби с прекрасно обработанным лезвием, украшенным золотым изображением египетской королевской змеи, мог входить в комплект парадного убора правителя.

Возможно, самые интересные изменения претерпела форма топора. Первые образцы, относящиеся к началу второго тысячелетия, имеют относительно плоские, только слегка скошенные к краю лезвия. Они надевались на расщепленную деревянную рукоятку и закреплялись с помощью ремня. Удивительно, что эта техника не изменилась и оставалась в Египте той же, что была и в каменном веке.

В среднем бронзовом веке появился облегченный топор, он был введен искусными кузнецами. Он представлял собой изделие с плоским или продырявленным лезвием, но по-прежнему удерживался с помощью привязывания к рукоятке. Для этой цели на внутренней стороне лезвия или даже на двух его сторонах делался небольшой выступ или отметка (рис. 28).

Трудно сказать, для какой цели предназначались прямые топоры, для войны или для мира, но, скорее всего, они использовались как инструменты, а не как оружие. Ни в литературе, ни в скульптуре не сохранились свидетельства, что они применялись для военных целей.

Исключением можно считать топор с очень красивым лезвием пирамидальной формы и острым выступом, торчащим с задней стороны. Такие изделия не были распространены в Ханаане и скорее известны по образцам, находимым в гробницах Рас-Шамры и относящимся к периоду с XVIII по XVI век, а также по жертвенным приношениям в период правления Аменхотепа III (1411–1375) в Бет-Шане.

Скорее всего, данный топор был оружием иностранного наемника или трофеем, добытым в ходе одного из походов египетской армии против хеттов в Сирии. Иностранное

происхождение данного типа оружия подтверждается возможным источником первого декоративного топора, который обнаружил Шафер в здании, примыкающем ко дворцу в Рас-Шамре.

Находка представляет собой роскошный экземпляр с бронзовым соединительным отверстием и прекрасно закаленным железным лезвием. Поражает и форма изделия, и особенно его орнамент – изображение передней половины вепря в окружении львиных голов, разбросанных по лезвию вперемежку с раскрывшимися цветами из бронзы, покрытой неотполированным золотом. Шеффер считает, что топор происходит из Митанни, царства в Верхней Месопотамии, где арийская военная аристократия управляла хурритским населением.

Об этом известно из амарнских табличек, в которых говорится о территории, на которой в поздний бронзовый век обрабатывалось железо, здесь же производились роскошные изделия, многие из которых отделялись золотом.

Возможно, топор был египетским подарком митаннийскому правителю в то время, когда Египет и Митанни соперничали за установление своего влияния в Северной Сирии (XVI–XV века). Возможно, такие высокохудожественные изделия из металла, как данный топор из Рас-Шамры, изготовлялись кузнецами, прибывшими с Кавказа или из Восточной Анатолии. На это указывают сходство изделий из Армении, Курдистана и Луристана.

Уровень развития кузнечного дела и искусства обработки металлов прекрасно демонстрирует клад из семидесяти четырех разнообразных инструментов и оружия, обнаруженный в комплексе храма Ваала в Рас-Шамре, относящийся к позднему бронзовому веку. Здесь встречаются плоские головки для топора, долота, возможно предназначенные для обработки строительного камня, тесла или мотыги для обработки углублений.

На некоторых из них видны имена мастеров или знаки собственности главного жреца, поэтому, скорее всего, эти инструменты предназначались для работы непосредственно в храме, считавшейся священной, а следовательно, недоступной обычным смертным. Другие инструменты и оружие, обнаруженные в хранилище, возможно, имели то же самое предназначение, хотя личная отметка главного жреца может указывать и на монополию, поскольку именно он контролировал поступление меди.

К началу второго тысячелетия в Ханаане сильно развилось гончарное искусство. Получил широкое распространение быстровращающийся гончарный круг, соединенный с помощью вертикального столба с низким диском, который мастер вращал ногами. О таком круге с двойными каменными дисками упоминает Иеремия, называя устройство «кружалом, работающим на камнях» (Иер., 18: 3).

Подобное новаторство привело к усовершенствованию формы изделий, хотя большие кувшины для хранения припасов и другие бытовые разновидности по-прежнему изготавливались вручную, только ободок иногда отделялся на круге. В обиходе были гончарные печи, позволявшие не только хорошо обжигать глину, но и плавить песок для получения глазури.

Прекрасные образцы подобных печей конца раннего бронзового века встречаются в Телль-эль-Фаре в Наблусе и Телль-эль-Аджжубе (около 1600 года). Принцип действия печи основывался на том, что раскаленные газы, получаемые в сводчатой топке, направлялись по дымоходу в печь, где равномерно распределялись при помощи системы небольших отверстий на верхний этаж, где находились высушенные на солнце изделия. Равномерный нагрев позволял добиться высокого качества обжига.

Изделия различались по размеру, форме и предназначению; от небольших фляжек с одной ручкой до огромных яйцевидных сосудов с двумя ручками и остроконечным основанием для хранения зерна или масла, в которые могло войти порядка десяти галлонов. Обычно они вкапывались в землю или подпирались подпорками и укреплялись с помощью колышков в стене, через ручки пропускалась веревка.

Небольшой горшок с широким округлым основанием использовали для хранения воды, женщины переносили его на голове, поднимаясь от источника. В аналогичных сосудах

меньшего размера хранили вино.

Прямые горшки-кастрюли обычно украшались простейшим способом – мастер вдавливал пальцы в сырую глину. В открытых неглубоких тарелках подавали фрукты или хлеб, их также использовали во время пиршеств. Таковы были основные формы ханаанитской посуды, которые встречаются в различных поселениях на протяжении всего среднего и позднего бронзового века.

Однако существовало огромное разнообразие более мелких сосудов, предназначенных для мазей и чего-то подобного, иногда даже трудно определить их конкретное применение. В подобных случаях, несмотря на повторение основных типов в различных поселениях, все же можно говорить о преднамеренном разнообразии, которого и следовало ожидать от изделий, изготовленных на разных территориях.

Отметим, что только один предмет практически не менялся, потому что простота его конструкции не допускала индивидуальных дополнений. Это масляная лампа. Она представляет собой неглубокое открытое блюдце, слегка суживающееся в одной точке окружности. Наблюдается тенденция к сужению пространства между туловом сосуда и носика, по этому признаку при обнаружении лампы во время раскопок легко датировать слой.

В третьем тысячелетии среднего бронзового века появилась лампа открытого типа, слегка сужающаяся у ободка. В поздний бронзовый век отмечается отчетливое сужение с явным уменьшением ободка. Более декоративные разновидности керамики отличаются единообразием и относятся к гиксосскому периоду, тогда отмечалась единая имперская политика, приведшая к нивелированию местных особенностей культуры и организации единого порядка, установленного сверху. В то же время создались предпосылки для появления рынка с более утонченными образцами керамических предметов.

Единообразие в разновидностях керамики, предназначенной для утилитарных целей, в дальнейшем связывается с внешним культурным влиянием, проявившемся и в Ханаане, особенно в поздний бронзовый век, для которого характерны более простые эгейские типы керамики. В это время начинается массовый завоз продукции с Кипра, островов и континентальной Греции микенского периода или микенских поселенцев с побережья Сирии и Палестины, которые также имитировали греческие образцы, внося в них местные особенности.

Воспользовавшись керамикой как эталоном, можно провести датировку поселений в Сирии и Палестине, что иначе сделать трудно из-за отсутствия достаточного количества надписей и заметных памятников. Здесь представлены изделия, относящиеся к различным этапам продолжительного периода истории ханаанцев. В равной степени орнаментика изделий помогает представить и саму жизнь этих людей, являясь свидетельством их культурных и политических контактов.

Итак, в конце третьего – начале второго тысячелетия, когда в Сирии и Палестине появляются аморейские поселения и племенные союзы, основанные пришельцами из северных сирийских степей и Северной Месопотамии, отмечается преобладание шарообразных изделий, имеющих явно северомесопотамское происхождение.

Данные изделия сильно отличаются от изящных форм, появление которых связывается с установлением египетского влияния над прибрежными городами в XII и XV веках и в гиксосский период (1730–1580).

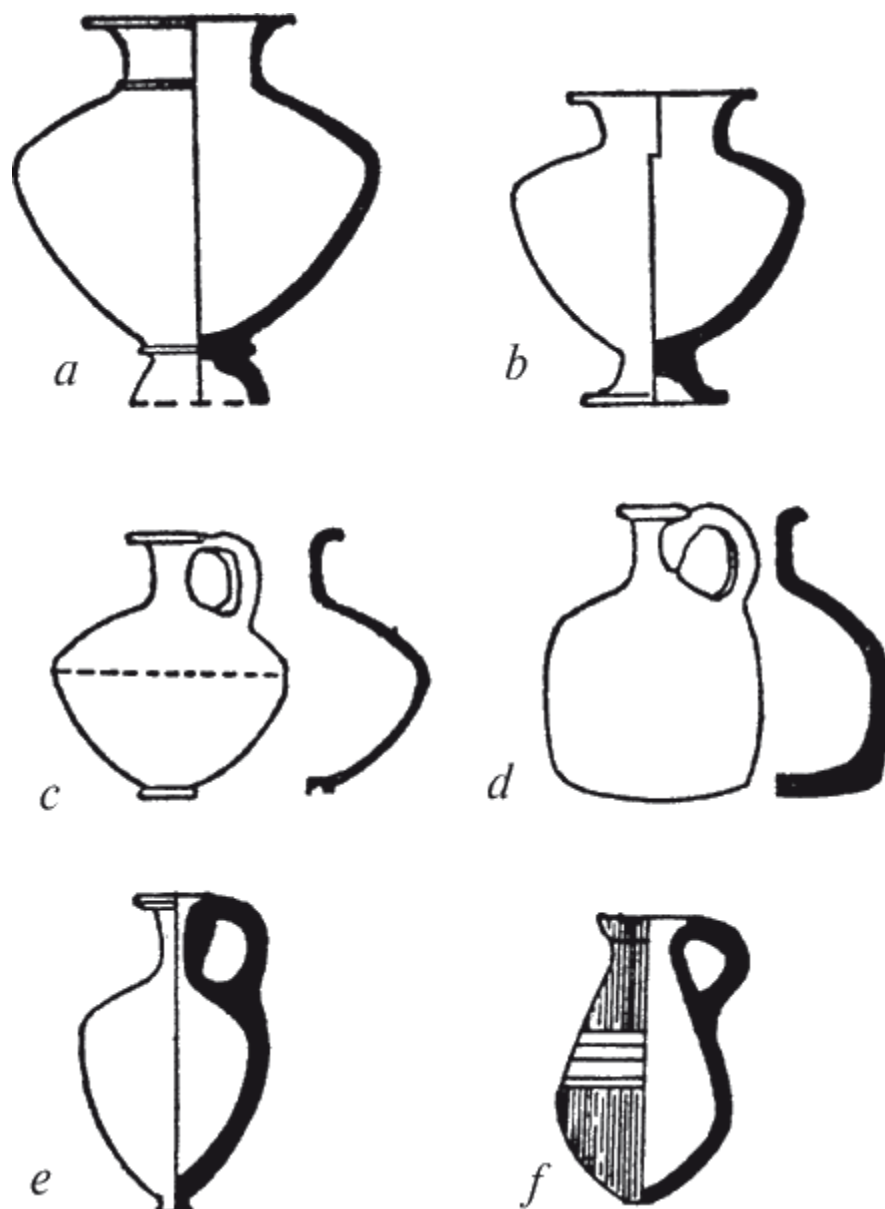

Рис. 32. Разновидности керамики среднего бронзового века (по Барруа)

Прежний период отличается более элегантной и художественной формой сосудов. Основания огромных сосудов для припасов изящно закруглены, они оснащены тонкими ручками в виде петель в отличие от выступающих ручек третьего тысячелетия.

У меньших по размеру сосудов также приятные, грациозно изогнутые стенки, они установлены на более узких основаниях, радующих глаз гармоничностью силуэта. У некоторых сосудов относительно высокое подножие и специально вылепленное выступающее наружу горлышко, отделенное отчетливо выраженным ободком и кольцевидным основанием. На других хорошо видна насечка на горлышке, что заставляет предположить наличие металлического прототипа.

Маленькие грушевидные кувшинчики с одной ручкой появились именно в гиксосский период и не встречались в предшествующее время. Не менее характерны и совсем небольшие ковшики с одинарными ручками, идущими от горлышка к ободку.

Рис. 33. Керамика первой стадии среднего бронзового века 2000–1750 до н. э. (по Барруа)

В большинстве случаев изделия имеют темно-сероватую поверхность, украшенную пунктирным белым узором. Встречался и узор в форме треугольников или клеток, очерченных хорошо различимыми полосками. К данной керамике близки по технике, хотя и не очень широко распространены, антропоморфные вазы, хорошо известные по находке гиксосского периода из Иерихона, названной «иерихонским Джоном». Этот удивительный экземпляр украшен изображением человеческого лица с носиком, бородой, глазками и бровями, отчетливо видимыми на поверхности, уши служат в качестве ручек. Волосы и борода представлены пунктирно с помощью накладок из белого гипса (рис. 35).

К этому времени относятся некоторые сосуды явно гиксосской формы, с горлышком, выполненным в виде голов собак, птиц, газелей или змей. Происхождение подобных сосудов невозможно установить наверняка (рис. 32, 33).

Рис. 34. Керамика второй стадии среднего бронзового века, гиксосский период, 1730–1580 до н. э. (по Барруа)

Вся названная керамика, так же как и гиксосские скарабеи, распространена на пространстве от Рас-Шамры в Северной Сирии до Телль-аль-Аджуба, самого южного поселения в Палестине, и даже южнее, вплоть до дельты Нила. Они четко указывают на появление в Ханаане новых центров производства, отражающих образование культурных и политических связей. Однако анализ изделий не позволяет установить источник происхождения этих центров (рис. 34).

Весьма типичной керамикой, появившейся в конце гиксосского периода, можно считать известную двухцветную керамику. Ряд выступов делит поверхность сосудов на широкие, прямые линии или полосы красного или черного цвета, выделяющиеся на темно-желтом основании (рис. 35, 36).

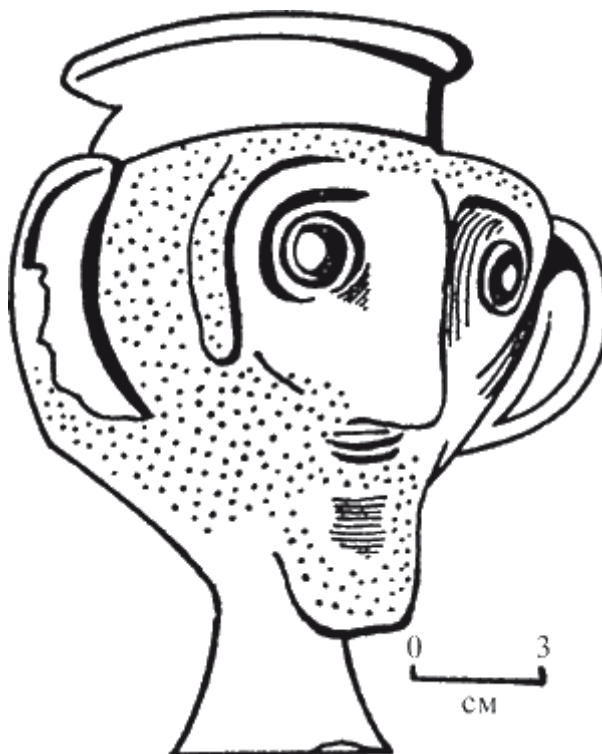

Рис. 35. Антропоморфный сосуд гиксосского периода из Иерихона (по Барруа)

Рис. 36. Териоморфный сосуд гиксосского периода (по Барруа)

На этих панелях, ограниченных квадратами, линиями, рисунками или подобием флага, представлены всевозможные образцы росписи, в основном геометрической формы, например спирали и различные кресты. Но чаще всего это различные изображения животных, рогатого скота, газелей, птиц и рыб (рис. 37).

Эти изделия обнаруживаются на всем пространстве от Телль-эль-Аджуба до Рас-Шамры, а также и на Кипре, и в очень ограниченных объемах в Мерсине, к северу от залива Александретта. Они кажутся такими удивительными и новыми, что приходится думать о внешнем влиянии. Действительно, их распространение в сравнительно узкой зоне,

ограниченной побережьем и прибрежной долиной Палестины, такими местами, как Телль-эд-Аджжул и Гезер, а также Телль-эд-Дувейр и Мегиддо, то есть пунктами, в которые можно было легко попасть из этих районов, указывает, что местом происхождения изделий было поселение, расположенное южнее Палестины.

Возможно, центром производства таких предметов было прибрежное поселение, на что указывают изображения водных птиц и рыб, характерных для болотистого устья Вади-Газзех. Изображения газели и финиковой пальмы также указывают на Телль-эль-Аджжул с явными чертами пустыни или на такие оазисы, как Деир-эль-Белях («монастырь Дат»).

Наличие подобных изделий на Кипре и в Юго-Западной Анатолии доказывает, что в период владычества гиксосов в Египте и Ханаане свободно развивалась торговля. Об этом же факте свидетельствуют скарабеи правителя гиксосов Кхиана, обнаруженные на Крите. Соответственно и кипрские изделия появляются во все более увеличивающемся количестве в Палестине, Сирии и Египте. Вскоре характерно расписанные изделия с Эгейских островов и материковой Греции микенского периода заполняют поселения Ханаана.

Рис. 37. Бихромная расписанная керамика XVI века до н. э., явно из Телль-эль-Аджжула, южнее Газы (по Барруа)

Рис. 38. Керамика из Телль-эль-Аджжула, южнее Газы (по Барруа)

Рис. 39. Бихромная расписанная керамика XVI века до н. э., явно из Тель-эль-Аджжула, южнее Газы (по Барруа)

Рис. 40. Единороги около древа жизни на бихромной керамике XVI века, из Тель-эль-Адж жула, южнее Газы (по Барруа)

Благодаря постоянному расширению торговых связей микенцы становятся частыми гостями в левантинских портах и, наконец, появляются в их постоянных поселениях, таких, как Минет-эль-Бейда, портовый квартал в Угарите, поселение Тель-абу-Хавам в устье Квишона в Палестине, где микенцы жили с XV по XII век.

Вскоре как кипрские, так и микенские подобные изделия распространились с побережья по всей стране. Их находят далеко на западе, скажем в Кветне, расположенном на десять миль северо-восточнее Хомса на верхнем Оронте, и даже в гробнице Мадабы на Моабитской равнине.

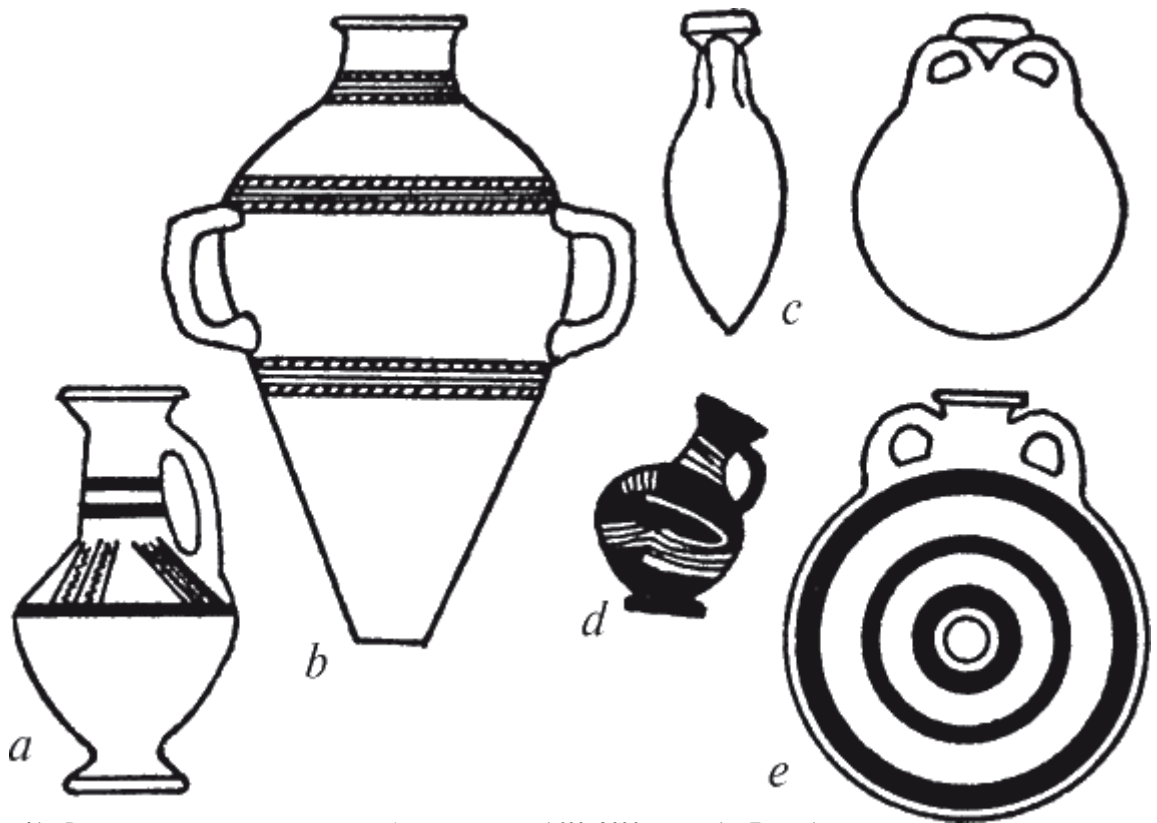

Рис. 41. Разновидности керамики позднего бронзового века, 1600–2000 до н. э. (по Барруа)

Кипрскую керамику невозможно спутать ни с какой другой. Сосуды с удлиненным горлом и одной ручкой на шаровидном корпусе местные ремесленники называли бильбиль. Сосуд имел специальную круглую подставку, слегка сдвинутую в сторону, так что горлышко было немного наклонено к ручке. Узор простой, в виде нескольких мазков красной краски на горлышке или на корпусе. Обычно он состоял из ряда параллельных линий, расположенных горизонтально или вертикально.

Среди других кипрских изделий отметим молочник с единственной дужкой-ручкой. Он имеет полусферическую форму, украшенную бледной темно-желтой полосой с красновато-коричневыми квадратами, соединенными петлеобразными полосками, которые сходятся к основанию сосуда. Типы орнамента время от времени менялись (см. рис. 5).

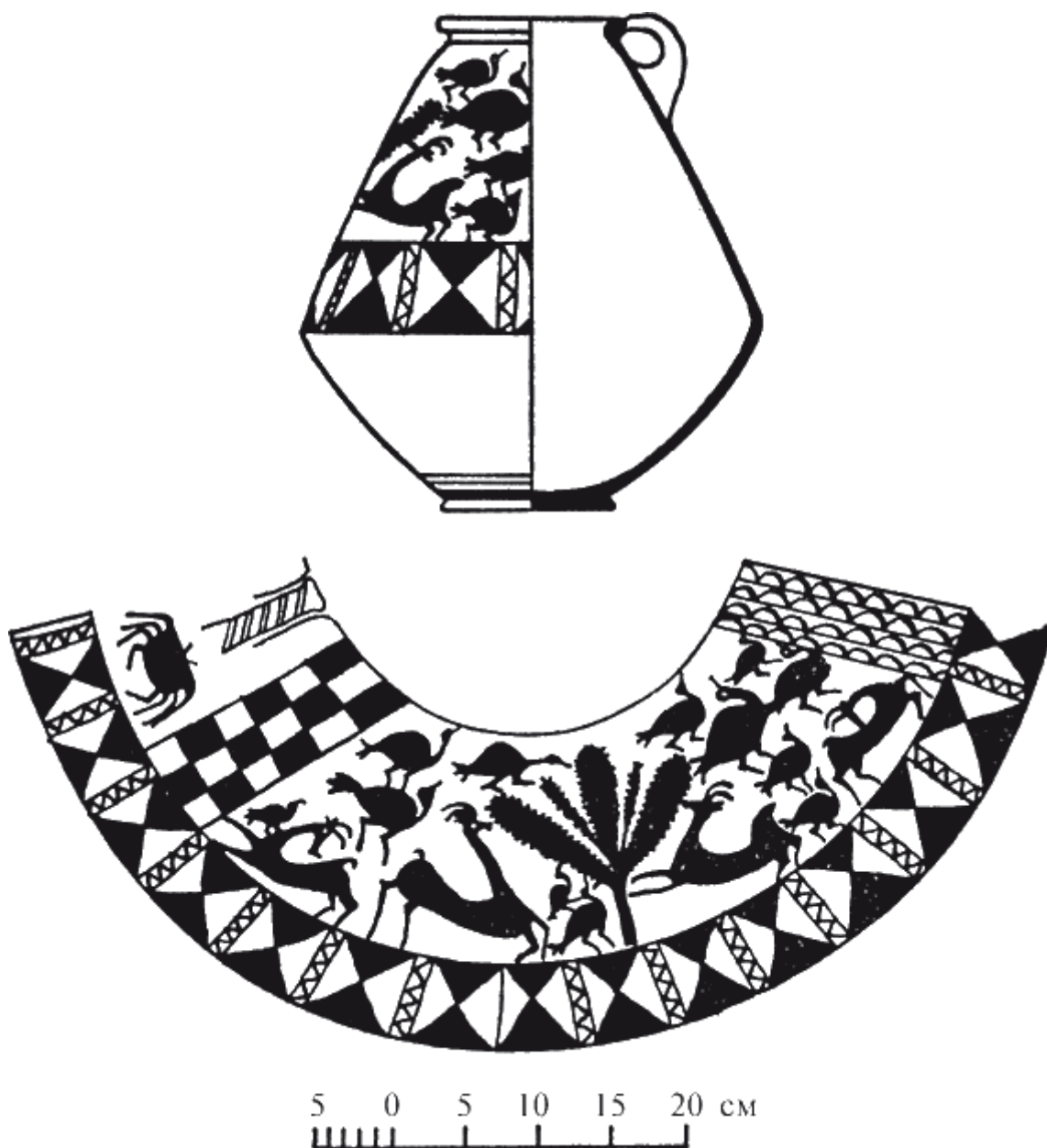

Рис. 42. Расписная керамика «ухудшенного качества» XV века до н. э., из Мегиддо (по Барруа)

Появлялись и местные разновидности, такие, как бихроматическая керамика и большие сосуды яйцевидной формы для хранения припасов.

Для палестинской керамики второго тысячелетия характерна более совершенная форма и свободный орнамент. Даже традиционные для бихромной керамики изображения птиц, рыб, газелей и рогов оленей на панелях с рамочками из геометрического узора теперь представляют собой явную стилизацию.

Рис. 43. Стилизованные мотивы на расписной керамике типа изделий из Телль-эль-Аджжула (по Барруа)

Микенская керамика отличается роскошными образцами великолепного качества и утонченного силуэта. Чаще всего роспись представляет собой широкие и узкие ленты, опоясывающие сосуд. Фигуры, нанесенные коричневой или красной краской, эффектно контрастируют со светлой основой. Они могут покрывать все изделие или его часть.

Если позволяли размеры сосуда, его дополнительно украшали рядами выдавленных волнистых линий. Чаще всего это шарообразные чаши с двойными ручками, резко сходящимися к фальшивому носику, и боковым горлышком, получившие наименование «У-образных ваз».

Рис. 44. Стилизованные мотивы на расписной керамике типа изделий из Телль-эль-Аджжула (по Барруа)

По мере распространения по всему Восточному Средиземномью и благодаря многочисленным местным имитациям форма сосудов ухудшалась, орнаментальные мотивы вытеснялись геометрическим рисунком и стилизованными зооморфными изображениями, характерными для бирюзовых изделий XVI века. Они в изобилии встречаются в прибрежных районах палестинской равнины, особенно к югу от Яффы – районе, занятом филистинцами в начале XII века.

Следовательно, к ним неправомерно применяется термин «филистинская керамика», хотя очевидно, что данные изделия – результат развития более раннего местного типа. Отмеченный аспект лежит вне сферы нашего исследования, поскольку разрушение таких поселений, как Телль-эд-Дувейр, Телль-бейт-Мирсим, Бетель или Гезер, означает окончание ханаанейского периода. Начинается заселение Палестины израильтянами и образование арамейских племенных союзов во внутренней части Сирии. Оно привело к образованию

территориальных национальных государств в Сирии и Палестине.

Глава 4

Ханаанское общество

Письменные источники содержат весьма неполную информацию по данному вопросу. Чтобы составить более полное представление, исследователям приходится опираться на разнородные косвенные свидетельства. Олбрайт считает, что остатки строений последней четверти бронзового века могут прояснить некоторые вопросы. В частности, величина и расположение зданий указывают на количество проживавших в них людей и отчасти систему организации семьи.

В большинстве городских усадеб небольшое количество крупных построек неизменно окружено множеством более мелких жилищ. Данная особенность, в частности расположение домов вокруг просторного центрального двора, указывает на наличие четкой семейной иерархии, характерной, например, для феодального общества. На это же указывает и распределение предметов роскоши в жилых домах и гробницах. Вероятно, выводы могут показаться чересчур категоричными, хотя многие наблюдения археологов подкрепляются документами, в частности политической перепиской между ханаанитскими правителями и египетскими чиновниками, сохранившейся на амарнских табличках.

Еще большей, чем таблички, информативностью обладают находки последнего времени, например аккадские и алфавитные тексты из канцелярии Угарита, подтверждающие информацию, сообщаемую в мифах и местных легендах.

В них рассказывается о превратностях судьбы двух древних правителей Керета и Эла, приключениях их семей и окружения. Оба произведения весьма важны для изучения системы правления и возникавших при этом проблем, существовавших среди ханаанитов.

Самые пространственные варианты датируются первой половиной XIV века, в частности, сведения, содержащиеся в колофоне, позволяют предположить, что в это время был составлен протограф повести, отражавшей события предшествующего периода. При всей туманности исторических намеков повесть описывает реальные исторические события, в частности подъем экономического могущества Угарита, совпадающий по времени с упадком египетского влияния в Азии. Таким образом, мы вправе считать, что в данных текстах отражены древний ханаанский идеал царствования и социальные обычаи, характерные для конца второго тысячелетия.

Все эти данные соотносятся с реальными административными текстами из дворца в Угарите, составленными с XIV по XIII век, когда многие функции, которые ранее лично выполнял правитель, были перераспределены между соответствующими чиновниками.

Сравнение административных текстов из Рас-Шамры с фольклорным материалом, в частности с легендами, помогает проследить историческое развитие системы власти правителя – главного социального института в Ханаане. Древние родовые вожди к концу бронзового века уступили место правителям хорошо организованных административных государств. Данную проблему мы и рассматриваем ниже, уделив главное внимание тем изменениям, которые происходили в прибрежной части Ханаана, то есть на месте современного Израиля.

Среди древних семитов существовало две формы правления – наследственная (харизматическая) и законодательная (институциональная). В первом случае власть правителя основывалась прежде всего на личном авторитете и о ней можно судить по ветхозаветным «судьям» и арабским верховным шейхам.

Авторитет еврейского «судьи», проявлявшийся в виде руководства племенем во время различных кризисных ситуаций, основывался на обладании божественной благодатью (беракой). Считалось, что обладание ею является прерогативой старших представителей определенной семьи. Отсюда и возникает идея наследственной передачи власти, которая имела место и в арабском обществе.

Но так происходило далеко не всегда. Иногда для подтверждения наследственной власти использовалось слово божества (устаами оракула Натана, упомянутого в 2 Цар., 7: 12 или, как в случае с Соломоном, специальное видение или открывшиеся дары (сон Соломона в Гаваоне), подтверждающие, что «мудрость Божия в нем» (3 Цар., 3–15).

Возможно, среди ханаанитов авторитет также зависел от личных способностей и не всегда передавался сыну правителя. Но сила утверждения о том, что семья – единое целое, приводила к необходимости получения благословения со стороны одного члена. Те практические преимущества, которые имела семья правителя, легко позволяли установить наследственную монархию, ставшую возможной благодаря переходу к оседлому образу жизни.

Приведенный ниже отрывок из «Повести о Керете» также отражает то мнение, что королевская власть зависит от личных способностей, к реализации которых и должен стремиться королевский сын. Во время тяжелой болезни короля Керета его сын Усб заявляет, что его отец забыл его благословить:

Хотя твои руки бессильно упали
И ты не позаботился о вдове,
Ты, который отвернулся от рабов твоих,
Лежишь, бессильный, на одре,
Не передав мне власть по закону.
Хотя твои сподвижники могут меня короновать.

Царевич, как мы видим, утверждает, что может стать законным наследником отца и без его воли. Здесь отчетливо прослеживается соединение двух тенденций – демократических племенных традиций, с которыми связано представление о харизматическом лидерстве, и возникшее под влиянием египетской культуры представление об особом статусе правителя и его семьи, считавшимися богами, пребывающими на земле.

В «Повести о Керете» правитель является носителем власти Эла, высшего бога в ханаанском пантеоне, «сыном» и «слугой» которого по определению он является:

Довольно тебе плакать, Керет,
Довольно лить слезы, любезный слуга Эла!
Принеси в жертву быка отцу твоему Элу,
Ты, правитель, подобный отцу всех людей.

В том же самом тексте Керет именуется «сыном Эла, потомком единственного и святого».

В то же самое время появляются легенды, в которых божественное начало распространяется и на семью правителя. Так, старший сын Керета именуется

Тот, кто сосет молоко Ашеры,
Кто сосет груди девственной Анат.

Данная концепция тождественна правительственной идеологии Месопотамии и Египта, отраженной на рельефе из слоновой кости с королевской кровати дворца Угарита.

Занимая, таким образом, особое место по отношению к богу и действительно рассматривавшийся обыденным сознанием как обладатель «божественной благодати, которая защищает правителя», властелин в Ханаане был не только носителем божественной власти, но и посредником между божеством и людьми, дарующим благодать смертным.

В частности, в легенде о Керете мы видим, насколько зависел порядок в обществе и природе от здоровья правителя. Соответственно, когда правитель заболевает, наступает неурожай, когда умирает Акерт, сын правителя, на страну обрушивается засуха. В повести

описано, как во время засухи, наступившей после смерти Акерта, правитель Дн'ель совершает обряд вызывания дождя и для его характеристики используется эпитет «хранитель плодородия». Гесиод, также упоминающий о данном мотиве, считает, что способность влиять на природу, которой наделялись ханаанские правители, представляет собой своеобразную «царскую привилегию».

Находясь в особой близости к божеству, правитель выступал и как посредник, оповещающий о воле богов, известия о которой он получал во время видений и снов, как Соломон в Гаваоне (3 Цар., 3: 15). В рассказе о Давиде, которого «мудрая женщина из Фекои» (2 Цар., 14: 1–20) называет «мудрым как ангел Божий», эти качества проявляются в умении вершить правосудие, которое со временем стало считаться долгом и прерогативой семитского владыки. В легендах о Керете и Акерте правитель выслушивает всех и выносит решение. Восставший сын Керета попрекает своего отца:

Ты неправильно решил дело вдовы,
Не смог защитить гонимого.

Похожим же образом описывается деятельность правителя Дн'ела:

Он вышел и занял место у ворот
Среди собравшихся там знатных,
Он рассмотрел дело вдовы,
Он судил гонителей сирот.

Олицетворяя в обществе деятельность божества, правитель прежде всего должен был служить проводником между своим народом и его Господом. Фактически он являлся «слугой Бога», что отразилось и в официальном наименовании правителей династии Давида. В легенде о Керете рассказывается о том, что после окончания сбора урожая правитель приносит жертву богам, чтобы обеспечить благополучие народа:

Он взял ягненка жертвенного в руку свою,
Каравай своего хлеба посвящения,
Взял птицу – птицу жертвенную,
Налил в серебряную чашу вина,
В золотую чашу – меда,
Поднялся на вышку башни,
Воздел руки свои к небу,
Принес жертву Шору, отцу своему Элу,
Совершил служение Ваалу, сыну Дагона,
Заготовил зерно для города, пшеницу для Бет-Хебера,
Чтобы готовить пищу в течение пяти,
Печь хлеб в течение шестого⁷.

В первой части легенды о Керете рассказывается о том, как перед походом правитель совершает жертвоприношение, чтобы обеспечить себе победу. Описание отражает реально существовавшую практику, поскольку владыка лично возглавлял армию, как в свое время поступали Саул и Давид. Чтобы обеспечить себя всем необходимым, воины должны были периодически совершать набеги, так же поступали и представители иудейских племен, нападавшие на соседей без соизволения своих правителей.

Такая система управления установилась в Древнем Ханаане в начале второго

---

⁷ Перевод И. Винникова. Хрестоматия по истории Древнего Востока. – М., 1963. – С. 284.

тысячелетия, скорее всего, до конца 1800-х годов. Только после появления кавалерии и боевых колесниц профессиональные солдаты начинают делиться на категории с соответствующими званиями и обладанием соответствующими льготами и привилегиями.

Политическая переписка из хеттской столицы Хаттусаса (Богазкель) и Телль-эль-Амарны и административные тексты из Алалаха (Атшана) и Угарита показывают, что в XIV и XIII веках в Ханаане уже существовала развитая система феодальных отношений. Административные тексты из Рас-Шамры, в частности, показывают, что правитель обладал высшей властью как в гражданских, так и в военных делах, хотя и перестал быть единоличным лидером.

Реальная власть находилась в руках группы приближенных к царю феодалов, которым правитель жаловал поместья и наделял необходимыми властными полномочиями. Военными вопросами занимался специально приглашенный профессиональный военачальник, в случаях войны становившийся главнокомандующим. Он носил хурритский титул «эвирдсар».

Аналогично передавались и обязанности главного жреца. Административные тексты из Рас-Шамры позволяют сделать вывод, что к XIV веку не менее чем двенадцать семейств признавали за правителем право первосвященства.

Совершенно особое положение среди городов-государств Ханаана занимал Угарит. Благодаря расположению на пересечении торговых путей между Месопотамией, Анатолией, Египтом и Средиземноморьем и Эгейским морем в нем скопились огромные богатства. Выгодное стратегическое положение на крайнем севере Сирии и искусная дипломатия обеспечивали Угариту ключевую роль в политических контактах между египетской и хеттской державами.

В результате правители Угарита наслаждались особым статусом среди прочих правителей Ханаана, находившихся под властью Египта, что и отразилось в дворцовых постройках и огромных архивах, совершенно исключительных для позднего бронзового века в Ханаане.

Амарнские таблички показывают, что в более южных районах по мере возрождения Египта в XVI и XV веках усиление власти привело к ужесточению контроля за местными правителями и соответствующему ограничению их прав. Неясно, все ли местные князья, претендовавшие на то, чтобы поддерживать власть в стране под эгидой фараона, были наследственными правителями или нет. Большое количество арийских и хурритских имен наводит на мысль, что некоторые правители на самом деле были всего лишь египетскими комендантами.

Но некоторые из них на самом деле являлись и наследственными правителями, как, скажем, Ададнирари из Нухассы (Северная Сирия), который гордился тем, что его дед получил власть из рук самого Тутмоса III. Абди-Кхипа подразумевает, что он был наследником правителя Иерусалима, когда заявляет, что

Ни отец, ни мать не усадили меня в этом дворце,
Но могущественная рука Царя царей поставила меня.

Передача власти представителям определенных семей давала чиновникам несомненную выгоду. Но несмотря на наследственный статус, заявление Абди Кхипы указывает, что преемственность среди ханаанских правителей подтверждалась соответствующим распоряжением фараона. При отказе подчиняться египетской политике родственников правителя могли, как Азиру из Центральной Сирии, отправить в Египет в качестве заложника. Деятельность местных правителей прежде всего зависела от силы и решительности центрального египетского правительства и лишь затем от ограниченной власти местных египетских чиновников.

В связи с тем, что при Аменхотепе III и его сыне Эхнатоне пренебрегали провинциями, местные правители получили большую свободу. Поскольку они были выбраны Египтом

благодаря своей энергии и личному влиянию, большей частью они сами вели подчиненных в междоусобные конфликты.

По египетским изменениям феодальной системы и распространению принципов ее действия на администрацию Саула, Давида и Соломона можно сделать вывод, что с ней были знакомы и в Палестине. Как показал Альбрехт Альт, власть над этим регионом находилась в руках могущественных правителей Ашдода, Экрона, Гатха, Аскалона и Газы, получивших свои владения в гиксосский период (1730–1580).

Для того чтобы показать ее устройство и получить полную картину развития системы управления в Ханаане во время позднего бронзового века, мы будем основываться на всех полностью сохранившихся текстах. Тем не менее, мы не можем утверждать, что везде она была развита в той степени, какую демонстрируют тексты из Рас-Шамры. В документах содержится перечень объектов в Угарите, причем названия мест упоминаются чаще, чем имена представителей соответствующих родов, поскольку речь идет о выполнении воинских повинностей, снабжении оружием или обязательных поставках людей на общественные работы.

Документы из дворцовых архивов ясно показывают, что правитель государства обладал абсолютной властью во всех областях. Ему принадлежали привилегии назначения и передачи земли, он мог облагать землю налогами и отказываться от права разграничения доли, вносимой во дворец деньгами, сельскохозяйственными продуктами или трудом рабов и животными. Он также контролировал и заморскую торговлю, поощряя частную инициативу уступками – можно было не выполнять государственные обязанности, но обязательно делиться прибылью. Этот экономический абсолютизм был принят Соломоном в Израиле, что привело к разрушительным последствиям.

Как и Саул в Израиле, ханаанитский правитель мог изменить статус своих подчиненных. Аммистамру, правитель Угарита, превратил Ададшени и его семью в феодалов-рыцарей (*mḡnm*). Правитель Алалаха Нигмепа заявлял, что он освободил Квабию, чтобы он и будущие дети его стали воинами, как сыновья наследственных воинов из города-государства Алалаха.

В текстах из Рас-Шамры упоминаются профессиональные возничие, известные по египетским надписям XVIII династии как *mḡnm*. Они занимали высшую ступень в военной иерархии и, соответственно, облагались денежным налогом.

Профессиональный статус остальных групп, упоминаемых в этих же документах, например *bdl mḡnm*, *mḡ'um*, *mḡ'u skn*, *mḡ'u 'ebn* и *mḡrghlm*, установить сложнее. Возможно, приведенные названия являются дериватами от *mḡnm* и обозначают меньшие ступени в феодальной военной иерархии. Последняя ступень, возможно, обозначает не воинов, а оружейников.

Отсутствие письменно зафиксированных законов не позволяет точно установить, насколько легко старая племенная этика вписывалась в законодательную систему Ханаана периода бронзового века.

По всем вопросам, кроме сохранившихся от племенных времен обычных установлений, регламентирующих права женщин в отношении собственности, правители выступали как судьи и знатоки законов. Однородность решений указывает на то, что они могли руководствоваться кодифицированными законами.

К счастью, проведенная нами реконструкция системы правовых норм в Ханаане опирается на обширные письменные тексты, такие, как легенды о Керете и Акерте. Оба персонажа являлись литературными героями, но в их образах, несомненно, отразились черты, привычки и наклонности реальных правителей. Более того, хотя в мифологических текстах их протагонисты являются богами, они настолько антропоморфны, что можно говорить о точном отражении существовавших в Ханаане социальных отношений.

Конечно, в их образах отразилось и героическое прошлое начала второго тысячелетия. Но и способ преподнесения этих идеалов и ограничения, существовавшие в израильском и арабском обществе, однозначно указывают на то, что и в семитском обществе существовали

законы, регламентирующие власть правителя, соблюдавшиеся даже в период феодального абсолютизма позднего бронзового века.

Рождение ребенка считалось благоприятным событием и отмечалось празднеством (bsrt). Как и все переходные этапы, оно считалось временем активизации враждебных сил. Отсюда возникают охранительные обряды, защищающие мать и ребенка, и ритуал изоляции женщины после рождения ребенка (Лев., 12).

Соответственно появились и сюжеты о наказаниях женщин за нарушение этих норм. В текстах из Рас-Шамры рассказывается о ниспровержении Ваала чудовищами, матери которых для их рождения удалились в пустыню, где «валялись, корчась от боли».

В другом тексте, где описывается рождение Утренней и Вечерней звезды, матери богов также ушли для их рождения в пустыню:

На целых семь лет,
На восемь сезонов, которые прошли.

И перед брачной ночью, и при рождении ребенка приглашали женщин-знахарок, которые должны были петь и произносить заклинания, аналогично профессиональным плакальщицам, которых пророк Иеремия (9: 16) именуется словом «какамотх» («мудрые женщины»). Как пишет А. Ван Геннеп, заклинания, защищающие от происков враждебных сил, являются неременной принадлежностью всех «обрядов перехода»⁸.

Особенно хорошо описаны свадебные обычаи. В легенде о Керете описан военный поход, предпринятый чтобы сломить сопротивление отца невесты. О традиции женитьбы «посредством силы» свидетельствуют и обычаи, бытующие во многих арабских странах, а также арабская идиома «хатф эль бин» («захват невесты»).

Возможно, упоминание о переговорах, приведших к мирному завершению похода Керета, отражает установление обычая уплачивать выкуп за невесту. Об этом обычае (mhr, mlg, а также евр. trh) мы можем судить по мифологическому тексту, где описывается женитьба бога Луны на царевне Никкаль:

Сияющий бог Луны посылает
Весть Хрхбу, царю шумеров:
«Если отдашь Никкаль, заплачу выкуп:
Чтобы великолепнейшая вошла в мой дом,
Я отдам ее отцу
Тысячу кусков серебра и еще десять тысяч золота,
Я пошлю драгоценные камни из ляпис-лазури,
Я орошу ее виноградник,
Где созреют плоды моей любви».

Слова бога получают соответствующий отклик:

И тогда ответил Хрхб, царь шумеров:
«О величайший среди богов,
По воле Ваала
Возьми в жены красивейшую из дев, дочь Тумана,
Я посвятил ее твоему отцу Ваалу...»

После того как выплачивался выкуп за невесту, ее передавали жениху в присутствии всей семьи:

---

⁸ Ван Геннеп А. Обряды перехода. – М., 2003. – С. 20.

Бог Луны заплатил выкуп за Никкаль,
Ее отец определил количество бревен,
Ее мать отдала хозяйственную утварь,
Ее сестры все упаковали,
Ее братья все перенесли.

Мы считаем, что описанный выше ритуал свадьбы дочери «царя шумеров» сильно напоминает современные обычаи, бытующие у арабских крестьян, которые, как правило, отмечают свадьбы после сбора урожая. И сами свадебные церемонии, в которые вовлекается все сообщество, начинаются на закате. В свадебных песнопениях жених отождествляется с луной: «Наш жених – это свет луны». Таким образом, текст мифа может использоваться как заговор во время настоящей женитьбы, только в текст вставляется соответствующее имя невесты.

По документам из канцелярии Угарита очевидно, что выкуп, уплаченный отцу невесты, затем отдавался ей в качестве приданого. Вместе с другой личной собственностью оно становилось совместным имуществом супругов, неотчуждаемым в случае смерти мужа или при разводе. Если жена умирала до рождения ребенка, то муж должен был вернуть выкуп ее родителям, в остальных случаях имущество считалось собственностью ребенка.

Еще одной «переходной зоной» считалась смерть. Древний человек считал, что она не означает конец жизни, а представляет собой переход в другой мир, где человек продолжал жить невидимо для других людей. Основная идея похоронного обряда – обеспечить продолжение существования умершего. Во время погребения стремились умиловить покойника, обеспечить ему безбедную загробную жизнь в образе предка-охранителя и в то же время защитить живых от возможного вреда и новой смерти.

Похоронный обряд включал комплекс разнообразных действий: очищение усопшего, подготовку его к похоронам и поминовение. Поэтому в могилу клали те вещи, которые были необходимы покойному в будущей загробной жизни: домашнюю утварь, лук, стрелы, запас пищи и одежды. Перед дальним путем покойного обмывали и одевали в новую одежду и обувь.

Чтобы покойный не причинял зла близким, его старались задобрить, расположить к себе. С другой стороны, живым надо было также очиститься после контакта с мертвым. Так, после смерти своего сына, рожденного от Вирсавии, Давид «встал с земли, умылся и умастил себя и переменял свой наряд, вошел в дом Господень и молился» (2 Цар., 12: 20).

Подобным же образом в легенде о Керете правитель после смерти всех членов своей семьи подвергается ритуальной очистительной изоляции и заканчивает ее после божественного откровения. Он выходит, совершает омовение и после молитвы возвращается к исполнению своих обычных обязанностей.

В мифе о Ваале говорится о том, что точное соблюдение погребальных и оплакивательных обрядов должно было обеспечить благополучие всего сообщества в нелегкий период:

Когда пал на землю Ваал,
Умер Ваал могущественный,
Умер правитель всей Земли.
Тогда Бог всемилостивый и милосердный
Сошел со своего трона,
Встал у его подножия,
А потом сел на землю.
В знак печали обнажил голову,
Посыпал ее прахом от ног его,
Разорвал надвое одежды свои,

Зарыдал так, что застонали горы,
И земля содрогнулась от скорби.
Разодрал он лицо свое,
Расцарапал он руки свои,
Провел борозды по груди своей,
Как вспаханную землю, разодрал спину свою.
Возвысив голос, воскликнул:
«Ваал мертв! Что станет с сыном Дагона?
Что будет с множеством детей его?»

На основании текстов, в которых говорится о Ваале, а также благодаря скульптуре, установленной на саркофаге Ахирама, царя Библоса, и по аморейским надписям VIII века из Сирии нам известно, что завершали погребальный ритуал, оставляя угощение и устраивая обрядовый пир в честь умерших. В сводчатых гробницах Рас-Шамры в поздний бронзовый век были найдены следы подобных приношений. Описание погребального обряда, оплакивания и завершающего пира можно найти в текстах из Рас-Шамры в честь умершего Ваала.

Несмотря на встречающиеся в гробницах запасы еды, мебели и хозяйственной утвари, очевидно, что ханаанцы, как и древние евреи, считали смерть дурным событием. Так правитель Акерт отвечает богине Анат, которая соблазняет его обещанием вечной жизни:

Не обманывай, о девственница,
Героя лживыми словами
О том, что получит он жизнь вечную.
Какова участь смертного?
Седина покрывает голову его,
Сила покинет тело его,
И умрет он, как все мужчины умирают,
И я так же умру.

В том же самом тексте определяются обязанности сыновей (дочерей) правителя, и прежде всего старшего сына как преемника власти. Он обязан поклоняться богам своего сообщества, от которых зависит сплоченность его народа, он должен совершить все установленные погребальные обряды и возлияния в память о своем умершем отце, чтобы стать после него главой сообщества. Фактически он

Тот, кто должен поставить стелу своего предка-бога
В святилище, где покоятся его предки,
Кто должен совершить возлияния на землю,
В пыль выплеснуть вино.

Правитель олицетворял единство сообщества. Во время его отсутствия или после смерти сын мог занять его место в святилище во время общей трапезы (ханаанитское и еврейское *selamim*), поскольку сообщество воспринимало каждого члена в соотношении с другим, и все они были едины перед богом

Поедая свой кусок в храме Ваала,
Его долю в храме Эля.

Помимо культовых, правитель имел и определенные общественные обязанности. Ханаанский правитель, как и современный арабский шейх, был обязан придерживаться законов гостеприимства. Поэтому его сын

Должен принять всех, кто пришел к нему,
Прогнать тех, кто оскорбляет гостей его.

В то же время на поминальном пиру сын не должен был предаваться безудержному веселью:

Не напиваться сверх меры,
Не сидеть слишком долго за трапезой.

В малочисленном Ханаане щедрость правителя, который следовал древним ритуалам, способствовала не только защите чести своего отца, но и прославлению всего племени:

Чинить крышу дома его, когда она запачкивалась.
И стирать его одежду, когда она становилась грязной.

Последняя обязанность отражает представление о том, что грязная одежда может стать пристанищем для враждебных человеку сил, следовательно, только сын должен был очистить ее для безопасности отца.

Признавая за правителем право вершить правосудие и проявлять милосердие к беззащитным и обездоленным, быть примером гостеприимства, мы не можем отрицать того, что у ханаанцев была четкая система социальных обычаев. Все вышесказанное подтверждается привилегиями, которыми пользовались женщины, упоминаемыми в официальных текстах из дворца Рас-Шамры. В восточном обществе женщины традиционно воспринимались как самая непривилегированная его часть. Следует подчеркнуть, что в этой реконструкции социальных отношений Древнего Ханаана мы имеем дело с обычаями, соблюдавшимися на протяжении длительного времени, поэтому они и преобладали над этическими нормами.

Как показал профессор Альт, многие ханаанские законы сохранились в текстах еврейских законодательных памятников, таких, как книга Исход (20: 22–23: 33) и Второзаконие (12–26). Но все эти источники несут на себе печать отрицательного отношения, которое израильтяне проявляли к «презренным ханаанцам». Только обнаружение независимых источников, восходящих непосредственно к ханаанцам, может снять все оставшиеся вопросы.

Глава 5

Ханаанская религия

До самого последнего времени основными источниками сведений о верованиях ханаанцев были Ветхий Завет, финикийские надписи дохристианских времен, труды Лукиана из Самосатты (около 150 года н. э.), Филона из Библоса (около 160 года н. э.), а также сочинения отца церкви писателя Иоанна Дамаскина (VI век н. э.). Понятно, что они давали достаточно неполную картину.

Ветхозаветные описания искажены догматическим подходом, совершенно естественным для представителей монотеистической религии, для которых верования ханаанцев заслуживали порицания уже потому, что относились к язычеству. Финикийские надписи в основном относятся к последней половине первого тысячелетия до нашей эры. Лукиан описывает только культ богини в Иерополисе (современный Мамбидж), а относительно полное описание верований «дотроянских времен» в городах ханаанского побережья, данное Филоном, содержит эпикурейскую трактовку ранних источников.

Археологические находки, сделанные в начале XX века, несколько дополнили сведения, содержащиеся в Библии, но, к сожалению, они носили преимущественно

иллюстративный характер. Это были надписи на каменных стелах (masseboth), вырубленных в скалах нишах, где размещались изображения богини Ашеры (см. главу 3), и различные по планировке храмы. Иногда обнаруживались более или менее стилизованные фигурки Ваала и богини плодородия и даже, например в Бет-Шане, рельефные изображения ханаанских богов на покрытых письменами стелах.

Однако все эти данные с трудом поддавались интерпретации и мало что добавляли в наши знания о системе ханаанских верований. Понятно, что любая датировка достаточно приблизительна, а описание, особенно такое, что содержится в Ветхом Завете, достаточно тенденциозно и вряд ли поможет создать объективную картину.

Ситуация изменилась после открытия в Луксоре и Саккаре текстов Проклятий, а также сенсационного обнаружения записей мифов, легенд и описаний ритуалов в текстах из Рас-Шамры. Кроме того, важные сведения дают разнообразные деловые документы. В упомянутых текстах, датируемых XIX веком до н. э., перечисляются главы местных поселений в Палестине и Южной Сирии, перешедшие от кочевого к оседлому образу жизни. Они носят теофорные имена, то есть состоящие из имени или титула Бога и предиката, обозначающего положение, род деятельности или физические особенности носителя имени. Поэтому при изучении религии обитателей Ханаана имена становятся исчерпывающим источником информации.

В ранних текстах из Луксора Бог обычно именуется родственным титулом «Ammi» (дядя со стороны отца), «Nalu» (дядя со стороны матери), «Abu» (отец) или «Ahu» (брат), что указывает на влияние родоплеменных традиций, где социальные отношения строились на основе семейной иерархии. Они отражали разнообразные комбинации племенных объединений, когда слабые племена принимали богов более сильных племен.

В этих текстах не перечислен ни один из тех ханаанских богов, которые позже становятся известными по культу плодородия, и ни один из выделенных богов не наделен функцией покровителя плодородия.

Верования той части Ханаана, которую составляли аморейцы, отражали и систему племенных предпочтений. Бог – покровитель племени прежде всего считался охранителем социальных ценностей, точно так же происходило и в иудаизме, где социальная основа религии установилась еще тогда, когда иудеи находились на племенной стадии развития. Важно отметить, что данная особенность была представлена в верованиях ханнанцев еще до появления там иудеев, хотя мы и не можем это установить с абсолютной точностью.

В текстах из Саккары, появившихся примерно через пятьдесят лет после луксорских, отражена совершенно иная ситуация. В отличие от ранних текстов, в которых упоминается о наличии нескольких вождей у одного племени, они показывают, что каждое сообщество имело только одного предводителя. Это почти наверняка свидетельствует о политической консолидации и четком движении ханнанцев к оседлому укладу.

Впервые в теофорных именах появляются наименования Хадада, ханаанского бога плодородия, который часто упоминается в текстах из Рас-Шамры как аналог верховного божества Ваала.

Из аморитских текстов конца XIX века, найденных в Месопотамии, и из текстов Рас-Шамры известно, что первоначально Хадад был богом зимних бурь и дождей, что согласуется и с предикатами в теофорных именах, упоминаемых в текстах Проклятий. Только после полного перехода к оседлому образу жизни он стал ассоциироваться с той растительностью, которую стимулировал.

Сведения о ханнанских верованиях, содержащиеся в текстах из Рас-Шамры, намного обширнее сочинений ранних авторов. Здесь свидетельств более чем достаточно. В записях легенд, персонажами которых являются люди, естественно, отражена и их религия. Большая часть теофорных имен, упомянутых в административных текстах, совпадает с текстами проклятий. В прошениях и других ритуальных текстах описаны многие боги, которым поклонялись и делались приношения. Наконец, в текстах мифов показаны принципы культа плодородия.

Главным божеством ханаанитского пантеона был Эль (Господь), олицетворявший высшую силу, действующую во всех делах людей и божеств. Его именовали «отец людей» ('ab 'adm) и «милостивый, милосердный» (ltpn 'el dp'ed), что, возможно, указывает на его высший моральный авторитет. Его также именуют «быком» (tr), что, вероятно, указывает на его силу. Если это так, то именно он представлен на стеле из Рас-Шамры в виде человекообразной фигуры с бычьими рогами. Он изображен сидящим, хотя обычно его принято изображать в позе стоящего воина, готового к нападению.

Эль «Бык» также именуется «создателем всех вещей» (bny bnwt). Он является родоначальником царской власти, и в мифах говорится о его дворце, стоящем где-то далеко «у слияния вод верха и низа» (mbk nhrm), то есть там, где соединяются два мира древней ближневосточной космологии. В образе Эля воплощено ханаанейское представление о высшем всемогущем Боге, властном над любой злой силой.

Наиболее активным божеством ханаанейского пантеона является Ваал. Он выступает как воин, противостоящий силам хаоса и беспорядка. Ваал всегда побеждает, сохраняя стабильность в мире, он вечно молод и энергичен, его обычно характеризуют как «могущественного» ('al 'eun) или «самого могущественного из всех героев» ('al 'eun qrdn) или именуют правителем (zbl), то есть Баал-зебул, отождествляя с ветхозаветным Экроном.

Его дополнительное имя Хадад этимологически соотносится с раскатами грома во время зимнего дождя, которые считаются проявлениями его силы. В этом случае его считают и богом растительности, которая появляется после дождя. Данная функция сближает его с месопотамским Таммузом, египетским Осирисом и более поздним сирийским Адонисом (рис. 22, 23).

Как уже говорилось, Ваала изображали в образе юного воина, облаченного в короткую тунуку, вооруженного боевым топором и молнией, его шлем украшен рогами быка, возможно символизирующими его оплодотворяющую функцию.

Наименование «Ваал» могло употребляться и как титул, обычно означающий носителя власти, поскольку ханаанцы считали, что верховная власть имеет божественное происхождение, чему соответствует его трактовка как главного божества в их культуре плодородия.

Следы данного употребления видны в теофорном имени Баал-Сапфон. Сапфон на еврейском иногда обозначает «Север», который греческие географы связывали с горой Касиос (современное название – Джебел-эль-Акра). Эта вершина возвышается над северным горизонтом Рас-Шамры. Она считалась местом обитания Ваала и «божественного собрания», своего рода ханаанского Олимпа, но культ Ваала был распространен по всему Ханаану.

В мифологических текстах Ваал именуется «сыном Дагона». Этому богу был посвящен храм в Рас-Шамре, расположенный рядом с храмом Ваала. Кроме того, Дагон известен благодаря теофорным именам, упоминаниям в списке подношений и двум вотивным надписям. Скорее всего, он был покровителем культурных растений, в основном зерна, на что указывает значение его имени. Эта связь с зерном и объясняет титулование Ваала как «сына Дагона».

Упоминание теофорного имени Дагантакала на амарнских табличках и название места Бет-Дагон, расположенного где-то в десяти милях восточнее Яффы, а также следы его культа в Ашдоде в филистимский период (1 Цар., 5: 1–2) указывают на то, что ему поклонялись в районах, где выращивали зерно, то есть по всей прибрежной равнине Палестины.

Дары регулярно приносились и Решефу. Он лишь однажды упоминается в мифологических текстах из Рас-Шамры, точнее, в одном фрагментарном тексте, а также в заклинаниях как астральное божество, привратник богини Солнца.

Он является одним из ханаанских божеств, чей культ проникает в Нижний Египет во время XVIII и XIX династий, он изображается на египетской скульптуре как бог-воин, подобный Ваалу, но с рогами газели на шлеме. Эта особенность может указывать на связь с пустыней, всегда воспринимаемой как источник зла в оседлом мире Древнего Востока, поскольку Решеф, как и Нергал в Месопотамии, был богом-разрушителем, который

уничтожил массы людей во время военных действий или эпидемии чумы.

Мы полагаем, что рога газели на шлеме бога Мекаля (Уничтожителя) из Бет-Шана позволяют отождествить его с Решефом, которого особенно почитали в этом районе постоянного распространения малярии. В дальнейшем следы его культа видны в палестинской топонимике, таких названиях, как Арзуф, Распунна из ассирийских «Анналов» VIII века, расположенная на побережье к северу от Яффы (рис. 8).

В дальнейшем наблюдается сближение Решефа с Аполлоном, который убивает стрелами чуму. В греческие и римские времена Распунну действительно именовали Аполлонией. Как и «стреловержец» Аполлон, в одном отрывке из Рас-Шамры Решеф назван «повелителем стрел».

Еще одним могущественным и почитаемым божеством был Хорон, неизвестный в текстах прошений, но упомянутый в легенде о Керете, где его именем герой проклинает сына. Тексты проклятий из Луксора указывают, что он был известен аморитам. На это указывает личное имя Хорон-аби («Хорон – мой отец»), а также наименование места Бетх-Хорон (усыпальница Хорона в Палестине).

В текстах прошений также упоминается богиня плодородия Анат или Ашера, функции которой прослеживаются по мифам о культе плодородия. О поклонении этой богине часто упоминается в Ветхом Завете, возможно, она является богиней, известной с начала третьего тысячелетия как «Госпожа из Библоса». Возможно, эта богиня изображена на египетской статуе обнаженной женщины, сидящей на льве, относящейся к XVIII или XIX династии, где она именуется Кодшу, что, возможно, означает «священная проститутка». Этот лев обычно ассоциируется с Астартой или Анат.

Все три богини являются покровительницами плодородия, но внешний их облик различается. На стеле из Бет-Шана изображение Анат сопровождается иероглифической надписью «Антит, королева Неба и госпожа всех богов». На рельефных глиняных дощечках обе богини представлены в виде обнаженных женских фигур с гиперболизированными грудями и половыми органами.

Обычно их часто находят на раскопках в Ханаане. Анат обычно изображается с головой египетской богини-коровы Хатхор. Скорее всего, такие статуэтки были амулетами, способствующими деторождению. Культ этих богинь проник и в Нижний Египет, где во время правления Рамзеса II к Анат относились с особенным почтением как богине-воительнице, в этой роли она упоминается и в рас-шамранских текстах.

Богиня Астарта, часто упоминаемая в Ветхом Завете и финикийских надписях, начиная с первого тысячелетия редко встречается в рас-шамранских текстах, что, без сомнения, отражает особенности местных верований. На печати из Бетхела, датированной 1300 годом, она представлена вместе с Ваалом, и ее имя написано египетскими иероглифами. Нет никакого сомнения в том, что на большинстве глиняных табличек, найденных в Палестине и Сирии, в изображениях обнаженной богини представлена именно Астарта (рис. 45).

Рис. 45. Отпечаток цилиндрической печати из Бетеля около 1300 года до н. э., иероглифическая надпись свидетельствует, что на

В месопотамских верованиях ей соответствует Иштар, богиня, отождествляемая с Венерой (Утренней звездой). Под именем Атхар она действует в мифах о плодородии как олицетворение женского начала, противоположного власти Ваала.

Ваала, возможно, также отождествляли с богом захода солнца (Шахара) и завершения дня (Шалем), чье рождение описано в одном из рас-шамранских текстов, а Шалем, кроме того, упоминается в просительных текстах из Рас-Шамры. В отличие от него Шахар упоминается в одном из теофорных имен в текстах Проклятий из Саккары. По-видимому, Шалему поклонялись в Палестине, его имя сохранилось и в названии города Иерусалима (оно может происходить от формулы «wara wa Salem», то есть «Шалем основал»).

Поклонение Луне (уега), его супруге Никкаль (месопотамской Нингал) и богине Солнца (Шепеш) отмечается в Рас-Шамре как в мифологических текстах, так и в просительных листах. Возможно, базальтовая фигура сидящего бога, расположенная рядом со стелой, на которой изображены руки, поднятые к полумесяцу и диску, раскопанная близ храма позднего бронзового века из Гезера, является изображением бога Луны.

Теофорные имена позднего бронзового века из Ханаана и текстов прошений из Рас-Шамры содержат имена многих богов, как семитских, так и несемитских. Особенно много их в документах из Рас-Шамры, где жили представители множества народностей. Но все же можно сказать, что главным среди их верований был культ богов плодородия, в котором центральное место занимала пара Ваал и Анат, а Эл считался повелителем богов и людей.

Богам регулярно совершались жертвоприношения из овец и скота различных размеров и возраста. Иногда жертвы приносились какому-либо конкретному божеству, но чаще церемония посвящалась сразу всем богам. Ритуал был традиционным: кровь жертвенного животного собирали, внутренние органы и жир сжигались на жертвеннике, а мясо использовалось в качестве угощения на общем пиру. Общее угощение способствовало объединению участников не только во время пира, но и в вере в единого для всех бога.

Ханааниты обходились и без данного ритуала, ограничиваясь клятвами и обетами. В то же время у нас нет сведений о принесении в жертву людей, как, например, в случае с дочерью Иоафата или среди финикийцев в железном веке. На протяжении истории Израиля мы встречаемся с обеими разновидностями жертвоприношения.

Как и израильтяне, ханаанцы считали, что жизнь полностью определяется сверхъестественными силами. Отсюда происходит постоянная нужда в предсказании будущего. О вере в оракула свидетельствует и содержание текста из Рас-Шамры, в котором говорится о прорицателе, принимавшем участие в церемонии во время праздника новой луны. Известно также, что древние правители Керет и Дне'л перед началом важных дел совершали молитву в святилище, точно так же поступал и Соломон в Гаваоне: «И пошел царь в Гаваон, чтобы принести там жертву, ибо там был главный жертвенник. Тысячу всесожжений вознес Соломон на том жертвеннике» (3 Цар., 3: 4).

Как и жители Месопотамии, ханаанцы считали, что дела людей определяются положением звезд, а следовательно, надо принимать и определенные меры предосторожности. Об этом говорится в следующем тексте (приведем наш приблизительный пробный перевод): «Во время шести дней новой луны месяца Хира солнце поднимается, а его привратник Решеф предупреждает посвященных об опасности».

Для гаданий в Месопотамии, как и на всем классическом Востоке, использовалась печень некоторых священных животных. В Ханаане находили глиняные фигурки-печати, возможно предназначенные для обучения начинающих предсказателей. Однако в ханаанских документах не упоминается о снисхождении божественной силы на людей и появлении таких боговдохновенных личностей, как еврейские пророки.

В то же время в сообщении о приключениях неудачливого египетского посланника Венамона в Библосе около 1100 года рассказано, как местный правитель стал помогать ему

после того, как один из его придворных, впав в состояние экстаза, произнес слово в его защиту. Эта сцена очень похожа на известный ветхозаветный рассказ о Сауле и пророках (1 Цар., 10).

Анализ рас-шамранских текстов показывает, что в Ханаане существовал сложный многоуровневый культ. В административных текстах начиная с XIV века перечисляются двенадцать семей священников, упоминаются их сторонники (qdsn) и «женщины» ('enst). Согласно свидетельству из Ветхого Завета это, возможно, были храмовые проститутки. Похожую функцию могли выполнять и храмовые певцы (srn), если учесть, что в ханаанской среде практиковалось псалмопение. Об этом свидетельствуют несколько отрывков из амарнских документов, в которых видны черты ритмизации, характерные для религиозной лирики.

При храмах работали люди разных профессий, среди которых были создатели облачений (yshm), каменотесы (pslm), горшечники (ysrn), прачки (kbsn) и мясники (mksn). Их упоминание в документах вместе со священниками может указывать на то, что они тоже были храмовыми служителями. В тех же самых списках названы nqdm, то есть те, кто ухаживал за скотом, отобранным для жертвоприношений или принадлежащим храму (сравним nqed в списке придворных Меша, правителя Моаба (2 Цар., 3: 4), а также Nskksp (серебреники) и mktm (торговцы). Они могли принимать, оценивать и переплавлять поступающие в храм ценности, хранить их в сокровищнице и даже чеканить монету (как те, кто печатал серебряные монеты в храмах Иерусалима во времена Иосифа (2 Цар., 12: 7–10).

В Месопотамии существовала аналогичная прислуга при храмах, и, следовательно в ханаанских городах-государствах не следует искать чего-то другого. Административные и ритуальные тексты из Рас-Шамры подтверждают наши предположения о развитой церковной иерархии.

Главным источником по данному вопросу для нас являются мифы, в которых описываются ритуалы, посвященные Ваалу. Хотя на протяжении длительного времени тексты подверглись значительной литературной обработке, сами обряды составляют достаточно регулярный цикл, охватывающий весь сельскохозяйственный год. Нам кажется, что их объединение вокруг образа Ваала было вызвано стремлением повысить их эффективность и способствовать возвышению данного божества. Действительно, входящие в обряды слова молитв перемежаются с обращениями к божеству, усиливавшими эффективность самого ритуала.

Но в настоящем исследовании нам придется ограничиться только переводом и объяснением самых значительных отрывков из мифов о Ваале, чтобы подтвердить культ плодородия и процитировать только отдельные ритуальные тексты, чтобы указать на разнообразие верований в Ханаане.

Главным мотивом всех мифов о Ваале был рассказ о его победе над Хаосом, которого ханаанцы отождествляли с водной стихией (ym, nhr), то есть с морем или рекой. Образ повелителя вод, в котором Ваал выступает во всех мифах, согласуется с его главной функцией бога плодородия и покровителя растений. Именно к нему обращались с просьбой о даровании живительной влаги во время сезонного увядания растительности или перед угрозой засухи (mt означает и смерть). В конце сельскохозяйственного года он торжественно приходил во главе потоков воды, оплодотворяющих землю.

Основные этапы его борьбы отмечались праздниками в течение всего земледельческого года, но главные церемонии, о которых говорится в еврейских псалмах, посвященные Ваалу как повелителю вод, совершались на осенних празднествах в честь наступления нового года.

Эти празднества отмечали ежегодный перелом, происходящий в природе, когда на смену засухе приходили животворные дожди, от регулярного наступления которых зависел и порядок в обществе, и само существование людей. Жители поддерживали свою веру, празднуя победу Ваала над морем и рекой как победу Порядка над природным Хаосом. В то же время они давали выход своей энергии, изображая перипетии борьбы Ваала и его заключительную победу.

К сожалению, нам неизвестно, какие именно действия связывались с этим мифом, но вполне можно предположить, что это был сюжетно выстроенный ритуал. На это указывает свойственная людям того времени вера в силу слова и неразграниченность описанного в мифе и их конкретных действий.

Как и в греческой трагедии, воспроизведение мифа являлось средством достижения катарсиса. В напряженной борьбе враги Ваала повержены, животворящие силы природы выпущены на свободу, и людей переполняло чувство удовлетворения сделанным.

Чувства древних ханаанцев лучше всего переданы в отрывках из текста самого мифа. В трех фрагментах, написанных алфавитной клинописью, описано, как море и река пытаются повелевать богами. Они требуют, чтобы и Ваал подчинился их воле, и боги униженно соглашаются. Однако сам Ваал не соглашается, начинает борьбу и выходит из нее победителем, как и Мардук во время похожих празднеств в Вавилоне по поводу Нового года.

Наконец борьба между Ваалом и бурными водами переходит в открытый конфликт, и, чтобы защитить мир, Ваал берет «искусное и всепоражающее оружие» (ktr whss), сделанное божественным мастером.

Тогда заговорил мудрейший и искусный:

«Разве я не говорил тебе, о правитель Ваал,
Разве я не повторял, тебе, поднимающемуся до облаков?
Пусть трепещет твой враг, о Ваал,
Пусть трепещет враг, побежденный мной,
Пусть будет повержен твой противник,
Он уйдет в загробный мир
И будет вечно пребывать там».

Мудрейший выковал двуручный меч
И нарек его именем:

«Твое имя – Повелитель,
Вод провельитель, повелевающий морями,
Свергни море с его трона
И даже реку с ее места.
Рази без пощады в руке Ваала,
Рази в его руке как орел,
Отруби голову царю моря,
Рассеки грудь реке».

Подняв меч, он разит как орел,
Он рубит голову царя моря,
Рассекает грудь матери-реки.
Море сильное, оно не подчиняется,
Его сила не убывает,
Его ловкость не уменьшается.
Мудрейший выковал двойной меч
И нарек его именем:

«Твое имя – Ниспровергатель,
Свергни, свергни море,
Свергни море с его трона,
И даже реку с места сдвинь.
Стань молнией в руке Ваала,
Рази как орел в его пальцах,

Ударь по голове правителя моря,
Между глаз порази мать-реку,
Чтобы море бессильно упало к ногам твоим».

Меч разит как молния в руках Ваала,
Разит как орел в его пальцах,
Он ударяет по голове властелина моря.
Между глаз реки-правительницы,
Море бессильно падает на землю,
Его сила уходит,
Его слабость пришла,
Ваал тащит его и бросает,
Он уничтожает мать реку.
Ликуя, Астарта кричит:

«Уничтожь его, о могущественный Ваал,
Уничтожь его, тот, кто поднялся до небес,
Владыка морей держал нас пленниками,
И даже мать-реку заточил!»

Затем Ваал отпускает его,
Ваал могущественный бросает его.
И [царь] моря умирает.
Да здоровствует наш господин Ваал!

Вышеприведенный текст реконструирован на основе восьми табличек и по крайней мере вдвое превосходящих их по объему отрывков. Несмотря на это, некоторые исследователи оспаривают порядок расположения материала, и то, что в данном мифе описан праздник, посвященный деяниям Ваала и его сестры – «девственной Анат», которая ни в чем не отказывает себе во время массового убийства, и предназначение ритуала не вполне понятно.

Кульминация сюжета наступает в тот момент, когда богиня Анат вместе с Элем, старейшиной пантеона богов, благословляет строительство «дома» (дворца и храма) для Ваала в ознаменование его победы.

«Дом» запланирован и строится божественным строителем. Теперь Ваал имеет дом, как и подобает правителю, он достигает вершины могущества, и все ждут, что теперь

Ваал пришлет обильные дожди,
Вместе со снегом придет много влаги,
И раздастся его голос из-за облаков,
И разразится он молнией (ср. Иов, 37: 3–6).

Упоминание жизненной силы дождей, выпадающих поздней осенью и зимой, подтверждает наше предположение, что миф относится к осеннему празднованию нового года.

Когда дом был построен и оборудован всем необходимым, Ваал устроил для всех, кто ему помогал, щедрый пир, который напоминает огромные жертвоприношения в честь Соломона в храме Иерусалима. Строительство дома завершалось обрядом установки столба, поддерживающего крышу. Обряд происходит как состязание между Ваалом и божественным мастером. Сам столб символизирует незыблемость благоприятного будущего. Эта же символика просматривается в ритуале вызывания дождя, построенном как имитационная магия, что снова указывает на связь мифа с осенним празднованием нового года:

И пусть облака разверзнутся дождем,
Когда Мудрейший распахнет окно.
Окно открывается, и слышится удар грома, возвещающий
дождь им.

В то время когда боги пировали в доме Ваала-охранителя, этот грозный бог совершает объезд всей страны, утверждая свое господство в «восьмидесяти и восьми городах и еще в девяти и девяноста».

В мифе изображены сотрясающиеся горы и земля, колеблющаяся от звуков его голоса. Услышав раскаты грома, враги спасаются в самых дальних уголках лесов и гор. Ваал надеется, что он может победить своего жестокого врага Мота – воплощение разрушительной силы засухи и бесплодия. В следующем отрывке говорится о том, как Ваал поддерживает рост растений. Описание отражает напряженное ожидание земледельца, вынужденного постоянно находиться под угрозой неурожая:

Вернувшись домой, Ваал с просил:
«Сможет ли еще кто нинибудь,
Смертный или бессмертный,
Властвовать на земле?
Я действительно пошлю вестника богу Моту,
Вестника от героя, любимца Эля,
Чтобы он добрался до Мота в его могиле,
Чтобы он замкнул его гробницу.
Только я и никто другой буду править миром,
Повелевать богами и людьми
Во всех концах земли».

Затем Ваал направляет в подземное царство двух вестников «вина и поля» с дерзким посланием Моту:

И затем повернулся лицом
К горе trgzz,
К горе tmg,
К двум горам, что поднимаются над землей.
Обхватил гору руками,
Поднял гору в своих ладонях
И опустился в нижний мир
К тем, кто отправился в подземный мир.
И тогда вновь повернулся
К своему разрушенному городу.
Разрушенному трону, где он сидел,
Оставшегося ему от нашествия
Всей мерзости нижнего мира...

Из-за плохого состояния текста невозможно точно воспроизвести действия бога. Он проследовал в подземный мир, где, перевоплотившись в быка, оплодотворил корову. Возможно, здесь отражен какой-то ритуал, в котором молодой бычок символизировал Ваала и как бы подтверждал его силу в то время, когда стояла летняя жара. Текст завершается объявлением о смерти Ваала и описанием его оплакивания Элем.

Богиня Анат, сестра Ваала, искала его в горах и долинах. Вероятно, здесь представлен зимний обряд культа плодородия, аналогичный египетскому мифу о поисках Изидой

мертвого Осириса, месопотамскому сюжету об Иштар и Таммузе, греческих сюжетах о Деметре и Персефоне, Афродите и Адонисе. Возможно с этим сюжетом связан и ветхозаветный рассказ об оплакивании «девственницами Израилевыми» дочери Иеффая (Суд., 11: 40).

Найдя тело Ваала, Анат хоронит его с помощью богини Солнца, сопровождая ритуал подношениями и плачами, в которых звучит скорбь по умершему богу. Представление о погребальных обычаях ханаанцев, отразившихся в упомянутом ритуале, посвященном умершему богу, дает эпизод из Второзакония (Втор., 26: 14), где израильские крестьяне, выплачивая свою десятину, говорят, что они платят умершему богу.

После того как бог утренней звезды Атхар не смог заменить Ваала на его троне, богиня Анат отправляется в Нижний мир к Моту, чтобы добиться возвращения Ваала:

Она схватила Мота, сына Эля,
Ножом убила его,
Лопатой измельчила его,
Сожгла его на огне,
Останки размолола жерновами,
Разбросала их по полю,
Там его съели дикие звери,
Крошки доели птицы,
Последние останки выбелило солнце.

Перед нами яркое символическое описание процесса сбора урожая. После обязательных подношений богам собранное зерно переставало считаться священным, и его начинали использовать обычным образом (сравним с обычаем поднесения Господу первых плодов, описанным в ветхозаветной книге Левит (Лев., 2: 14).

Можно заметить, как немотивированно Анат просит у Мота вернуть Ваала, после того как в тексте уже встретилось описание его смерти и погребения. Существует мнение, что, несмотря на то что миф развивался как эпическая по форме и стилю поэма, первоначально его не рассматривали как художественное произведение, ставя во главу практическое назначение текста. Впрочем, строгой логической точности не следует ожидать. В дальнейшем описании воскресение Ваала связано с картиной ежегодного оживления природы:

По воле Эля единого, могущественного, милосердного,
По воле Создателя всего сущего
Из небес лилось масло,
Реки наполнились медом⁹
Эля милостивого, милосердного во славу.
Он устраивается на скамеечке для ног,
Открывает рот и смеется,
Он возвышает голос и кричит:
«Я сяду и возрадуюсь,
И душа вернется в грудь мою,
Поскольку Ваал могучий жив,
Поскольку есть на земле Владыка!».

Ежегодно воскресающий Ваал противостоит своему смертельному врагу Моту в решающей битве, «происходящей на седьмом году». Это может быть просто эпической

---

⁹ Молочные реки, кисельные берега. (Примеч. ред.)

формулой для обозначения неопределенного времени. С другой стороны, это отражает особенность местного земледельческого культа, в котором просматриваются черты цикличности.

Известно, что в Древнем Израиле седьмой год имел особое значение, поскольку с такой периодичностью пахотные земли оставляли под парами (Исх., 23: 10; Лев., 25: 3–7). В результате в большинстве земледельческих культур Ближнего Востока считалось, что каждые семь лет обязательно должна случаться засуха или неурожай. Если в течение шести лет все было благополучно, то на седьмой год обязательно ожидали засуху, во время которой не засевали и земли, стоявшие под парами, чтобы не допустить их истощения в следующий период.

Ханаанцы объясняли причину засухи тем, что каждые семь лет боги сходились в решающей схватке, описанной в мифе о Ваале:

Они стояли, испепеляя друг друга взглядами,
Два равно могучих исполина,
Они схватились, как дикие быки;
Два равно могучих исполина,
Они кусали друг друга, как змеи,
Два равно могучих исполина,
Они били друг друга, как жеребцы,
Мот внизу, Ваал над ним.

Ханаанцы зависели от природы точно так же, как и другие земледельческие народы Ближнего Востока. Они систематически устраивали празднества в честь Ваала и веселились на шумных пирах, получая эмоциональную разрядку от напряженного ожидания.

Вспомним, что именно из греческих земледельческих праздников берет свое начало драма. В Ханаане миф не получил столь высокого развития, но в ритуалах культа плодородия вполне различимы зачатки драмы. В процитированном выше мифе о Ваале есть уничижительная характеристика бога утренней звезды Атхара, содержащая явные элементы иронии: его голова не доходила до полога его трона, его ноги свешивались со стула, так что они не касались подножия.

В другом, меньшем по объему тексте, где в миф внесены элементы мимического действия, говорится, как пожилой Эль стремится быть молодым и ублажает двух женщин, чьи мужья хвастаются своей силой и не догадываются об истинном положении вещей.

Данный текст – одна из самых больших загадок среди рас-шамранских текстов. Хотя в нем ярко отразилась повседневная жизнь простых ханаанцев, яркий язык, ругань персонажей, шуточный тон как будто пришли из греческой комедии. Конечно, в ханаанских празднествах участвовали и ритуальные проститутки обоего пола (*qedesim* и *qedesoth*), вызывавшие столь сильную не нависть еврейских реформаторов.

По текстам вышеприведенных мифов может создаться впечатление, что ханаанцы отличались веротерпимостью, не отвергая древние языческие ритуалы, и в то же время верили и в одного главного бога, Провидение. Действительно, их боги походили на греческих богов, они обладают всеми человеческими чувствами, вздорны, завистливы, мстительны, похотливы и даже, как и Эль, ленивы.

Даже если принять в расчет, что этот нарочитый антропоморфизм скорее изобретен профессиональным поэтом-исполнителем, все же нет сомнений в том, что он органично соответствует самому духу культа плодородия и стал его органической частью. Множество поколений ханаанцев стремилось прокормиться на скудной земле, выжить в условиях постоянной угрозы засухи и добиться регулярных урожаев, не зависящих от сезонных и ежегодных капризов природы. Их страстные надежды и вера во власть Порядка, побеждающего Хаос, их вера в владычество Ваала, побеждающего в конфликте с неуправляемыми водами, выражались в ежегодном осеннем праздновании наступающего

нового года.

Поселившиеся в Ханаане евреи восприняли земледельческий календарь и связанные с ним мифы, со временем приспособив их к вере своих предков, своим священникам и пророкам. На это указывает и множество рассказов о могуществе и чудесах Бога, сохранившихся в книгах Пророков и Псалтыри. Именно под влиянием ханаанских верований в воскресающего бога – победителя Хаоса и Смерти в иудаизме начала развиваться идея единого Бога и представление о неизменности существующего порядка как основе веры, которая должна была удерживать от сомнений и отступничества от веры в единого Бога.

Анализ повести о Керете и Акерте показывает, что справедливость и проявление милосердия к обездоленным считались важнейшими обязанностями ханаанского правителя, хотя можно и прийти к выводу, что они диктовались местными этическими нормами, а не зависели от личных качеств конкретного человека.

Весенний вавилонский праздник по случаю наступления нового года включал ритуал обрядового покаяния правителя перед главным жрецом, перекликался с еврейским праздником Дня искупления грехов, когда правитель должен был исповедоваться и каяться перед первосвященником.

В двух текстах из Рас-Шамры, к сожалению коротких и фрагментарных, описываются ритуалы, в которых участвует правитель в месяц Тришры, когда наступает осенний новый год. Вначале он совершает ритуальное омовение, затем совершает жертвоприношение главнейшим богам, умоляя защитить его народ от смуты и стихийных бедствий. Возможно, к этому же ритуалу относится фрагмент текста, в котором идет речь о «спасении души».

В другом тексте, напротив, говорится об искупительной жертве, которую приносит правитель и народ, чтобы получить прощение и обрести защиту своих богов. Вероятно, церемония совершалась после поражения, понесенного от какого-то захватчика. Понятие о бедствии как воздаянии за совершенные грехи или Божьим наказании нельзя считать чисто ханаанской особенностью. В одном из тель-эль-амарнских текстов говорится о том, как «грешник из грешников» правитель Рибадди из Библоса просит богов о прощении:

«Признаюсь перед Богом моим, господином и повелителем Библоса, что я грешен и каюсь в совершении грехов моих. Да не будут боги Библоса суровы к моему народу и не накажут его за грехи мои».

Возможно, между текстами из Рас-Шамры и исповедью Рибадди лежит серьезный промежуток времени. Во всяком случае, оба отрывка отражают распространенную в Ассирии и Древнем Израиле концепцию, по которой бедствия, обрушившиеся на страну, в некоторой степени объяснялись грехами ее правителя, в которых он должен был покаяться и понести соответствующее наказание. Данное представление, несомненно более позднее, чем культ плодородия, напоминает положения иудаизма, отраженные в 78-м псалме:

«Доколе, Господи, будешь гневаться непрестанно... Не помяни нам грехов наших предков, скоро да предварят нас щедроты твои, ибо весьма мы истощены».

Необходимо также помнить, что, несмотря на большой объем рас-шамранских текстов, они всего лишь являются частью обширной ханаанской литературы, в результате дальнейших исследований, несомненно, обнаружатся новые тексты, которых в настоящее время совсем немного. Этот более умеренный и духовный тип религии едва ли оставил такие же заметные следы в текстах и совсем не выражен в материальных останках.

Культ плодородия с его мифами и магическими ритуалами ярко и выразительно отражен в литературе. Сохранились каменные и металлические изображения Ваала как могущественного воина с копьём-молнией и обнаженных богинь Ашеры, Анат и Астарты с ярко выраженными сексуальными особенностями.

Все вышесказанное подтверждает наш вывод о том, что в системе ханаанских верований главное место занимал традиционный для всех земледельческих культур культ плодородия, в котором соединилась общая цикличность празднеств, связанных с ежегодным трудом земледельца, и повторяющиеся каждые несколько лет засухи и неурожаи. Чтобы обрести хоть какую-то защиту от враждебной и безжалостной природы, люди приносили

жертвы, пытаясь умиловить богов и само Провидение.

Глава 6 Письменность и литература

Расположение между Месопотамией и Египтом привело к тому, что по мере расширения интересов этих империй к Ханаану жителям пришлось познакомиться с языками рядом живущих народов. Действительно, на египетском языке написана уже упоминавшаяся нами повесть времен Среднего царства о похождениях Синухета, происходивших в Ханаане.

Более легким, чем семитский, для ханаанцев оказался аккадский язык. Знакомая по легендам, надписям на цилиндрических печатях, использовавшихся в Ханаане и даже ставшая предметом подражания, аккадская письменность наконец стала средством для ведения дипломатической переписки между всеми государствами Ближнего Востока и Западной Азии. На ней велась и переписка между правителями Мари и ханаанскими властителями в XVIII и XVII веках, отраженная на табличках из Эль-Амарны.

После обучения местных писцов правилам ведения подобной корреспонденции аккадская письменность и существовавшая на ней литература, а также лексика и даже идиомы получили широкое распространение в Ханаане. Так, например, отметки красной краской в тексте на эль-амарнских табличках показывают, что южномесопотамский миф об Адапе почти наверняка использовался как образец для обучения писцов. Возможно, подобное же предназначение было и у версии эпоса о Гильгамеше того же самого периода, недавно найденной около Мегиддо.

Рис. 46. Каменный фрагмент с псевдоероглифической надписью из Библоса (по Дирингеру)

Некоторые черты угаритского мифа о борьбе Ваала и бушующих вод позволяют предположить, несмотря на местное ханаанское происхождение и развитие этого мифа, месопотамские вставки из известного мифа о битве Мардука с Тиамат (богиней подземных

вод) и ее союзниками-чудовищами. В то же время вавилонский миф, связанный с весенними празднествами в честь наступления нового года, остался неизвестен или практически не испытал влияния ханаанского мифа. Очевидно, что по крайней мере к середине второго тысячелетия ханаанцы уже были знакомы с литературой их соседей и они пользовались преимуществом их письменности как средства общения.

Однако аккадская клинопись, как и египетские иероглифы и их иератическая стилизация с сложными силлабическими знаками, еще и усложненными идеограммами и детерминативами, возможно, оставалась достоянием немногих специалистов. Они могли обслуживать большие храмовые комплексы или месопотамские города-государства, а также египетскую бюрократию, но были плохо приспособлены для ведения деловой и торговой переписки ханаанских купцов. Смекалка и практичность, присущие ханаанцам, привели к поиску более эффективной системы записи, который завершился созданием алфавита.

Рис. 47. Ранние ханаанские надписи:

1 – глиняный черепок из Гезера; 2 – сихемская каменная дощечка; 3 – кинжал из Лашиша; 4 – надписи из Тель-эль-Хеси; 5 – горшок из Тель-эль-Аджжула; 6 – черепок из Бет-Шана; 7, 8, 10 и 11 – надписи из Лашиша; 9 – камень с выгравированными надписями позднего времени, явно напоминающий лашишские надписи из иерусалимского храма. По времени предметы под цифрами 1–3 относятся к XVIII или XVII векам до н. э., 4–6 – к XIV веку до н. э., 7, 8, 10, 11 – к XIII веку (по Дириингеру)

Первым опытом подобного рода является отрывок, написанный в первой половине второго тысячелетия более простым способом, возможно под влиянием египетского иератического письма, к которому добавлены геометрические знаки и изображения различных предметов, а также местные знаки собственности.

О начавшемся процессе свидетельствуют и десять надписей начала второго тысячелетия из Библоса и порядка десяти небольших фрагментов из Палестины, из которых самой интересной и загадочной является надпись из четырех знаков на кинжале XVIII или XVII века из Тель-эль-Дувейры.

Использование 114 различных знаков на библосских надписях показывает, что тогда еще не сложилась единая система алфавита. Процесс превращения некоторых знаков в то, что соотносится с поздним семитским алфавитом, происходил достаточно постепенно. Пока что ученые не пришли к однозначному ответу, когда это произошло, хотя находки Дюнана, несомненно, отражают одну из стадий в эволюции алфавита, когда алфавитным письмом уже записывали отдельные слова, отмечаемые детерминативами.

Таким образом, мы не можем точно сказать, какой именно алфавит был в ходу к концу позднего бронзового века. Благодаря весьма активному процессу словообразования в

местном семитском диалекте на данной стадии использовалось только три открытых гласных (а, і, u) и остальные полузакрытые (рис. 48).

Они явно не соответствовали силлабическому принципу, на котором строились месопотамское и египетское письмо. В результате появился алфавит, содержащий согласные, клинопись и другое линейное письмо. Последнее лучше всего представлено в текстах из Рас-Шамры, но оно также использовалось и в Палестине, о чем свидетельствует надпись на клинке кинжала из Джаббула, расположенного к северу от Бет-Шана, а также небольшой фрагмент на табличке из Бетшемеша и глиняная табличка из раскопок в Таанахе, о которой доктор П. Лапш рассказал автору данной книги.

Последний тип, нередко называемый древнееврейским письмом, известен по находкам, относящимся к различным периодам позднего бронзового века, начиная с районов рудных месторождений, расположенных на юге Синая до Библоса. На самом первом документе есть четыре знака, соответствующие основным гласным а, і или u, с придыханием или без него, еще двадцать семь знаков для обозначения согласных. Со временем число знаков уменьшилось и составило всего двадцать два без гласных (рис. 49).

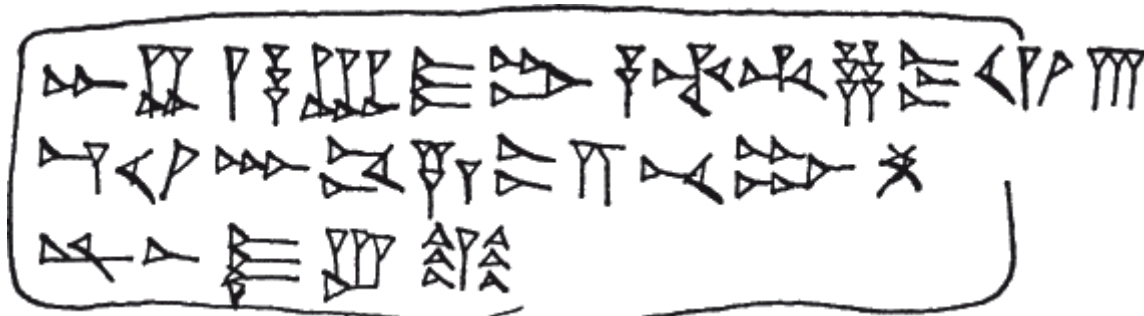

Рис. 48. Глинописная алфавитная табличка из Рас-Шамры (древнейший алфавит). XIV век до н. э.

Знаки имели легкое начертание и хорошо читались на папирусе. Сохранились краткие надписи, сделанные ими. Достаточно странно, что со времен бронзового века сохранились только короткие надписи, такие, как надпись на саркофаге Ахирама, правителя Библоса, относящаяся к XIII веку. Первым пространным текстом, записанным этим алфавитом, является историческая надпись моавитского правителя Меша, относящаяся ко второй половине IX века.

Что касается разговорного языка, то алфавит, состоявший из согласных, был полностью приспособлен к практическим целям, для которых он, собственно говоря, и был разработан. Он был гораздо более, чем клинопись, приспособлен для быстрой записи на папирусе, коже, дереве или керамике, которые оказались гораздо менее громоздкими, чем толстые таблички из специально приготовленной глины, поэтому линейное письмо стало доминировать в повседневном обиходе.

знаковое письмо	значение знака	ханаанское письмо XII века до н. э.	ханаанское письмо 1000 года до н. э.	южноарабское письмо железного века	современное письмо на иврите	обозначаемый звук
	голова быка					כ
	дом					ב
?						ג
	рыба					ד
	молящийся человек					ה
?						ו
?						ז
	?		"			ח
	забор					ט
	двойная петля		"			י
?						י
?						י
	ладонь					כ
	палка для подгоняния быка					ל
	вода					מ
	змея					נ
?						ס
	глаз					ע
?			"			ע
	бумеранг (металлическая палка)					פ
?						פ
	цветок		"			צ
	?					ק
	человеческая голова					ר
	лук					ש
	?		"			ש
	знак креста					ת

Рис. 49. Развитие линейного алфавита (по Олбрайт)

На нем велись торговые книги ханаанских купцов-правителей, оно же использовалось и для ведения погодных записей в царствах Израиля и Иудеи. На нем Барух, друг пророка Иеремии, записал первую из пророческих книг. Со временем на его основе развилось то письмо, которым были записаны все книги Ветхого Завета.

Из Ханаана алфавитное письмо было перенесено за море. Возможно, это сделали финикийские торговцы или жившие в Ханаане микенские поселенцы, адаптировавшие его к греческому языку и передавшие в материковую часть страны как средство для ведения переписки с городами Востока.

Ханаанский линейный алфавит стал основой и раннего итальянского письма. Так ханаанцы, сами того не ожидая, дали миру тот ключ, который смог освободить человечество

от трудностей при дистанционном общении и обмене информацией.

Известно большое количество исторических, торговых и литературных текстов из Ханаана, относящихся к позднему бронзовому веку. О широком использовании линейного письма свидетельствует и венамонский папирус, в котором говорится об импорте папирусных свитков из Египта в Библос и содержатся отчеты об их перевозке, предназначенные для правителя Библоса.

К сожалению, во влажном климате западной окраины Сирии и Палестины такой материал, как папирус, сохранялся недолго, поэтому для нас ханаанская письменность более известна по клинописным текстам из Рас-Шамры, дошедшим до нас через века благодаря прочности глины, на которой они были записаны.

Приведенные в предыдущей главе цитаты из мифов о Ваале и повести о Керете и Акерте дают достаточное представление о характере и объеме дошедших до нас фрагментов ханаанской литературы. Вместе с тем ограниченность объема настоящего исследования не позволяет достаточно подробно рассмотреть этот интереснейший пласт культуры Древнего Ханаана. Мы вынуждены ограничиться лишь кратким обзором литературы, созданной в Древнем Ханаане, в связи с главными особенностями культуры этого региона.

Миф о Валаале занимает восемь табличек, заполненных с двух сторон знаками в две колонки. Хотя в нескольких местах они серьезно повреждены, что затрудняет прочтение текста, все же на них сохранилось около 470 строф по шесть или восемь рифмованных двустушии в каждом, так что можно провести успешную реконструкцию.

Наличие столь пространных текстов, имеющих ссылки на эпизоды, представленные в отсутствующих фрагментах, позволяет не только подтвердить существование в Ханаане эпических произведений, но и определить стилевые особенности этого эпоса. Одной из характерных особенностей, представленной в мифе о Ваале и повести о Керете и Акерте, является постоянное повторение глагольных конструкций. Выявление подобных особенностей облегчает реконструкцию небольших фрагментов и их объединение в цельные отрывки.

Тексты повестей о Керете и Акерте также представлены фрагментами, в которых выделено порядка 250 и 210 двустушии соответственно, или полностью законченных, или легко реконструируемых благодаря системе эпических повторов. Таковы основные, хотя и не единственные, литературные тексты.

В документах из Рас-Шамры проза представлена только в виде писем, военных распоряжений и текстов договоров. Основная часть ханаанских текстов имеет стихотворную форму, причем в них используются правила, которые во многом знакомы нам по классической еврейской поэзии, прежде всего по псалмам.

Повествование разворачивается сплошным потоком, как и в греческом эпосе, периодически оно разбивается чередованием прямой речи и описательных фрагментов, комментирующих слова и поступки героев. Четкого членения на строфы нет, но на стремление к строфической организации указывают глагольные повторы и чередование союзов.

Иногда применяется деление текста на части пробелами или выделением группы параллельных строф, что придает регулярную организацию текстам. Чтобы графически подчеркнуть параллелизм конструкций, применяется трехколоночное расположение текста. Оно повышает драматическое воздействие, а использование простого настоящего или простого прошедшего времени усиливает динамичность текста.

К сожалению, объем книги не позволяет детально проанализировать и проиллюстрировать богатую палитру выразительных средств, использованных ханаанскими поэтами, чтобы продемонстрировать свое умение усиливать драматическое впечатление. Когда речь идет о еврейской литературе, подобная оценка оказывается необычайно важной.

Можно только надеяться, что благодаря уже приведенным цитатам и последующим ссылкам читатель составит полное впечатление о значительном объеме и характере живых и драматичных литературных текстов из Рас-Шамры.

Три большие таблички с текстом повести о Керете начинаются с описания восстановления дома правителя, из которого был изгнан наследник. В нем описано оплакивание правителя и образование новой семьи. После описания серьезной болезни правителя происходит его выздоровление, вызвавшее яростное недовольство его сына, претендовавшего на престол аналогично библейскому Авессалому.

Хотя нам и неизвестно, какая именно часть повести оказалась утрачена, все равно текст представляет особенный интерес для изучения жизни ханаанского общества, и в частности взаимоотношений внутри семьи правителя.

В этой связи процитируем первую табличку:

Дом царя погиб,
Дом, в котором было семь братьев,
Семь сыновей одной матери.
Отчий дом Керета разрушен,
Жены, с которой вступил в брак, он не находит,
Жена, бывшая ему угодной, исчезла.
Свою законную жену он нашел,
Свою законную супругу.
Он женился, и она забеременела,
И сына ему она принесла.
Три года они были здоровы,
Четыре года [все] здравствовали,
В пять Решеф призвал их к себе,
В шесть их день омрачился,
И в семь, о-о, они легли один за другим.
Керет не увидел своих приверженцев,
Он увидел, как разгромили его сторонников,
И свое жилище полностью разрушенным,
И, увы! Вся [его] семья погибла,
И все его наследники умерли.
Он вошел в свою комнату, он плачет,
Причитает и слезы льет,
Его слезы текут ручьем,
Как деньги падают на землю,
Как золотые сикли на кровать.
Выплакавшись, он засыпает,
И во сне к нему приходит Эль,
Отец всех людей,
И, приблизившись, обращается к Керету:
«Довольно тебе плакать, Керет,
Довольно слезы лить, любезный слуга Эля».

Затем Эль говорит Керету, что ему надо сделать, чтобы покончить со своими несчастьями. Он должен завоевать новую невесту. Керет точно следует указаниям Эля:

Он умылся и выкрасился хной,
Он умыл свою руку, свою ладонь,
Свои пальцы, вплоть до плеча;
Он вступил под навес загона для скота,
Он взял в руки ягненка для приношения,
Ягненка из-за ограждения,
Целый хлеб для своего [ритуального] уединения.

Он взял птицу, птицу жертвенную,
Он вылил вино в чашу из серебра,
Мед в чашу из золота,
Потом он поднялся на крепостной вал,
Поднялся на вершину башни,
Он поднял свои руки к небу.
Он принес в жертву быка
Элю, своему отцу,
Он выразил свое подчинение Ваалу,
Принося ему жертву,
Сыну Дагона, своей едой.
Керет спустился вниз с крыши,
Он приготовил зерно из хранилища,
Зерно из амбара,
Чтобы печь хлеба пять месяцев,
Готовить пищу в течение шестого месяца.
Собрал войско из лучших бойцов
Войско его многочисленным было:
Триста мириад пехотинцев,
Тысячи щитоносцев и мириады рыболовов,
Марширующие тысячами, измученные,
Тысячи тысяч, подобные пыльной буре.
По двое в колонне маршировали,
По трое маршировали они,
У одного он дом запер,
Лишенного возможности двигаться на одре несли,
Они были подобны саранче,
Как кузнечики заполнили пустыню,
Они шли день, шли другой [день],
Когда солнце взошло на третий [день],
Они достигли гробницы Астарты Тирской,
И там у [гробницы] богини Сидона,
Там Керет великодушный принес клятву:
«В присутствии Астарты из Тира
И Элат, богини Сидона,
Если Хураю в свой дом я приму,
Если введу девицу в двор свой,
Я два веса ее серебром дам,
А третий вес золотом!»
Они шли день, второй день,
Третий, четвертый день.
Он достиг Удума Великого,
Удума царственного,
Он наступал на город,
Устраивал засады у селений,
Нападал на полях на заготавливающих топливо,
На гумнах на веющих зерно,
На черпающих воду из источников,
На воду в кувшинах носивших,
Он выжидал и день, и другой,
Третий, четвертый день,
Пятый, шестой день,

Потом при заходе солнца на седьмой день
Король Пибел не смог заснуть
Из-за мычания своих быков,
Из-за стука своих топоров,
Из-за рева своих волов,
Из-за воя голодных собак...

Окруженный в своем городе, отец невесты посылает к Керету двух гонцов:

Возьми серебро и золото,
Золота сколько хочешь,
И возьми трех лошадей,
Колесницу и возничих, хорошо оснащенных.
Не осаждай Удум Великий,
Удум царственный.
Удум – дар Эля,
Подарок Отца всех людей,
Покинь, о властелин, мой дом,
Уйди, правитель, из моего двора.

Керет отвергает его предложение и выдвигает свои требования:

Зачем мне серебро и золото?
Она ценнее, чем золото.
Зачем мне скот и рабы?
Колесница с тремя ярмами, хорошо пригнанными,
Нет, дай мне то, чего нет в доме моем,
Дай мне девицу Хураю,
Прекрасную, первородную твою,
Чья прелесть равна прелести Анат,
Чья красота сравнима с красотой Астарты,
Чьи глаза голубее небесной лазури,
Чьи глаза как чаши из сердолика,
Я возрадуюсь, увидев ее.
В видении мне ее Эль отдал,
Владыка всех людей обещал.

Легенда о Акерте, сыне царя Денела, сохранилась полнее, чем повествование о Керете. Сопоставление двух текстов показывает, что ханаанский эпос был достаточно традиционным, напоминая по форме и стилю другие памятники архаического эпоса. Рассказ о рождении и смерти царевича Акерта, сына короля Денела, напоминает по стилю «Илиаду» и «Одиссею». Наряду с людьми в действии участвуют боги, прежде всего богиня Анат. Возможно, текст создан на основе местной легенды, которая, в свою очередь, основывается на деяниях исторических персонажей. Впоследствии на ее основе возник более краткий ритуальный текст, который использовали во время торжественных обрядов по вызыванию дождя во время засухи или голода, в которых правитель участвовал вместе со жрецами. Общность функции привела к появлению сходства повести с мифологическими текстами.

Опишем детально (насколько это возможно) этот текст, чтобы указать на задачи, которые стоят перед исследователем, восстанавливающим литературу Ханаана.

В табличке, которую принято считать началом (на ней оставлено незаполненными пятнадцать или двадцать строк сверху), описано, как в течение семи дней бездетный правитель Денел молился в храме Ваала, чтобы Ваал умолил Эля пожалеть его и даровать

ему сына.

Тогда на седьмой день
Ваал сжалился над ним,
Бог плодородия снизошел к мольбе,
Ответил на стенания героя,
Что у него нет сына, как у его брата,
Нет продолжателя, как у его сородичей:
Возможно, у него будет сын, как у его брата,
Продолжатель рода, как у его сородичей.
«Смирненно принеси богам пищу,
Смирненно поднеси напитки божественным,
Тогда благословит тебя Эль, быкоподобный мой отец,
Возблагодари Творца всего сущего,
И пошлет он сына в твой дом,
Даст опору крыше твоего дворца,
Того, кто поставит стелу своего предка-бога
В святилище, где покоятся его предки,
Кто совершит возлияния на их землю,
Оросит пыльную землю вином,
Того, кто соберет своих подданных,
Кто защитит их от врагов,
Кто поддержит руку твою, когда ты пьешь,
Кто позаботится о тебе, когда ты напьешься,
Кто может вкусить свою пищу в храме Ваала,
Свою долю в храме Эля,
Кто починит кровлю его прохудившуюся,
Кто стирает одежду его, когда она запачкается».

Получив благословение Эля, Денел отправляется домой, и вскоре у него рождается ребенок, о котором ему сказал Ваал. Затем следует прославление Эля, в котором практически дословно воспроизводится предыдущий отрывок. Очевидно, что данное описание отражает реальный перечень обязанностей сына по отношению к своему отцу и предкам, аналогичное еврейскому закону, изложенному в форме десяти заповедей.

Чтобы оградить новорожденного царевича от посягательства злых сил, Денел приводит «мудрых женщин», то есть повивальных бабок, которые принимают младенцев, или заклинательниц, которые оплакивают умерших. Они должны были произносить заклинания, отгоняющие злых духов от ложа царицы. Заботясь о будущем ребенке, Денел считал месяцы до рождения своего сына.

Итак, первые два столбца первой таблички прекрасно и полностью сохранились. Но последние несколько строк второй колонки, а также третья и четвертая колонки отсутствуют. Здесь, очевидно, описано рождение и юность царевича Акерта, причем в описании повторяется перечисление его обязанностей как сына и наследника.

Текст снова возобновляется в пятой колонке, где описан Денел, разбиравший тяжбы у ворот своего города. Когда появляется божественный мастер, мудрейший и искуснейший, он гостеприимно принимает Бога. За это Бог дарит царевичу Акерту свой лук и стрелы, с условием, что тот посвятит Богу первые плоды своей охоты.

В шестой колонке рассказывается, как богиня Анат позавидовала царевичу и захотела получить этот лук. Но царевич не пожелал расстаться с ним ни за золото, ни за серебро, ни за обещание вечной жизни. Оскорбившись, богиня вмешалась в его судьбу, и в первой колонке второй таблички говорится о том, что Анат получила разрешение Эля убить Акерта по ложному обвинению в том, что он совершил над ней насилие.

Затем Анат соблазняет Акерта обещанием поохотиться в определенном месте. На обороте табличке после нескольких несохранившихся строк говорится о том, как убийца Ютп ждет царевича, чтобы сбросить в пропасть, где его растерзают хищные птицы. Может быть, их также послала Анат, но мы не можем это узнать из-за поврежденного текста.

На основании первых шести фрагментарных строчек третьей таблички можно узнать, что лук упал в воду и разбился. Тем временем сестра Акерта, Мейда, видит окровавленных грифов и предсказывает беду. На Древнем Востоке кровь являлась символом проклятия (Ср. Быт., 4: 9–12). Чтобы отвести его от своей земли, Денел, священный правитель, раздирает на себе одежду и произносит заклинание:

В течение семи лет Ваал находится в заточении,
Тот, кто гонит облака,
А все без росы, без дождей,
Без поднятия вод глубинных,
Без громоподобного голоса Ваала,
От Денела податель плодородия отвернулся,
Даже воин, защитник, слуга Хрнма покинул.

Посадив свою дочь на осла, совершает объезд полей, обнимая и целуя те стебельки, которые может найти на выжженной земле, осуществляя обряд подражательной магии:

Денел проходит по своей сожженной земле;
Он видит растение на выжженной земле,
Он видит росток на кустарнике,
Он обнимает росток и целует его.
«А, вот и мое растение,
Как я хотел бы, чтобы этот цветок вырос на сухой земле,
Чтобы трава смогла вырасти под кустарником,
Чтобы земля героя Акерта снова стала прежней,
Чтобы амбары вновь наполнились зерном».
Он объехал свою проклятую землю;
Он увидел колос на проклятой земле,
Один колосок, растущий на проклятой земле.
Он обнял колосок и поцеловал его:
«Выслушай меня, о малый колосок!
Вырастай высоким и принеси много колосьев,
Пусть все колосья растут сильными,
Таковыми, как руки героя Акерта,
И тогда мы соберем их и наполним амбар.

И тут наступает кульминация трагедии. Два посланника объявляют о смерти Акерта. Текст почти не прерывается до третьей колонки, где Денел просит Ваала сломать крылья грифов, чтобы заставить их спуститься вниз, чтобы убитый горем отец мог собрать останки Акерта и похоронить его. Наконец к нему спускается грубая старая мать грифов (sm1):

Ваал сломал ее крылья,
Да, Ваал сломал у нее крыло,
И она упала к его ногам,
Он раскрыл ее пасть и заглянул внутрь.
Увидел мясо, увидел кости.
Потом он вынул Акерта,

Плача он вынул его из орла и похоронил его, Он захоронил его в мире тьмы.

После этого Денел проклинает те местности, что находились близ места убийства. Эпизод напоминает об иудейском обычае наложения проклятий на жителей поселений, находившихся близ мест убийства, когда совершивший его оставался неизвестным (Втор., 21: 1–9).

Король проклинает Источник Воды:

«Будь проклят, Источник Воды,
Потому что на тебе лежит вина в убийстве Акерта, героя,
Ты не дал ему убежища!

Да будет так во веки веков,
Для нас и для каждого будущего поколения!»

Так он сказал и ударом жезла подтвердил сказанное.

Он подошел к дереву Мирт, которое излучает благоухание при горении.

Он возвысил голос и закричал:

«Будь проклято, о дерево Мирт, которое испускает свое благоухание, когда горит,

Потому что на тебе лежит вина в убийстве Акерта, героя!
И пусть твои корни никогда больше не вырастут большими.
И пусть люди обрывают твою крону.

Да будет так во веки веков,
Для нас и для каждого будущего поколения!»

[Так сказал он] и ударом жезла подтвердил сказанное.

Он прошествовал в город Бегущих вод Абилум,
Город правителя Луны – бога.

Он возвысил голос и закричал:

«Проклинаю тебя, о город Абилум,
Потому что на тебе лежит вина в гибели Акерта, героя,
И пусть Ваал ослепит тебя,

Да будет так во веки веков,
Теперь и для каждого будущего поколения!»

[Так сказал он] и ударом жезла подтвердил сказанное,

Текст продолжается и прерывается на четвертой колонке, где описан ритуал оплакивания царевича во дворце:

Денел вернулся домой.

Разжег огонь во дворце,

Созвал плакальщиц, чтобы они пришли в его дворец,

Привел плакальщиц на свой двор

И воинов, которые пострадали в битве,

Они оплакивают Акерта, героя,

Они льют слезы за потомка Денела, подателя плодородия.

И дни, и ночи,

И месяцы, и годы, семь лет они льют слезы,

Они оплакивают Акерта, героя,

Они льют слезы за потомка Денела, подателя плодородия.

После оплакивания наступает время кровной мести, которую осуществляет сестра Акерта, Дева:

И тут заговорила Дева, которая несла воду на плече...
«Благослови меня своим благословением так, чтобы я могла
идти,
Благослови меня твоим благословением так, что я могла идти
с твоим благословением,
Тогда я смогу покарать того, кто убил моего брата,
И я смогу покончить с тем, кто уничтожил потомка моей
матери».

Освежившись после оплакивания, мужественная Дева надевает одежду воина и ищет обидчика в его лагере, где ее ошибочно принимают за Анат, которая собиралась убить Акерта. Текст заканчивается эпизодом, где Дева дает явно отравленное вино Утрну. На этом текст обрывается, так как конец таблички сломан. Возможно, здесь размещался заголовок, который отсылает к определенному абзацу, который следовало прочесть следующим. Бесспорно, в нем описана месть Девы.

История, возможно, продолжается на одной из трех весьма фрагментарно сохранившихся табличек, где, скорее всего, говорится о возрождении дома Денела после смерти Акерта. Но все это домыслы. Кустодий в конце третьей колонки текста об Акерте содержит заголовок следующей части, что точно свидетельствует о продолжении текста, но сам текст не сохранился.

Хотя в текстах из Рас-Шамры отсутствуют записи гимнов, в Ханаане существовала обширная гимнография. На это указывает широкий репертуар молитвенных текстов. Правда, почти ничего не дошло до нас полностью. Почти единственным исключением можно считать небольшой фрагмент, написанный аккадской клинописью, который можно отнести к гимнам прославления.

Однако в переписке из Эль-Амарны встречаются некоторые абзацы, которые по своей поэтической манере и литературной форме напоминают отрывки, которые мы уже приводили в своем анализе ханаанской поэзии. В этих отрывках представлен такой традиционный для гимнографии прием, как нарастающие гиперболы. Данный троп практически не встречается в обычной деловой переписке. Отличается от традиционного и их язык. Его лексический запас намного богаче, чем в письмах местных жителей друг другу.

Так, например, Намиаваза, правитель земли Уби со столицей, размещенной в Дамаске, обращается к фараону, используя традиционную формулу уничтожения, основанную на нарастающих метафорах:

... твой слуга
Прах у ног твоих,
Земля, по которой ты ступаешь,
Трон, на котором ты восседаешь,
И скамеечка для твоих ног.

Рухмания, правитель Саруны (Северная Палестина), пишет:

Твой верный раб,
Прах от ног твоих,
Глина, по которой ты ходишь,
Скамеечка для твоих ног.

Аммунира из Бейрута использует последний оборот.

В приведенных отрывках можно отметить поэтический параллелизм и фигуры, напоминающие градацию, характерную для хвалебных гимнов. Сравнение со скамьей для ног использовано в Псалме 110 из псалтыри. Далее Намиаваза использует градацию, также

представленную в Ветхом Завете (псалом 89: 36):

Мой властелин – это солнце на небесах,
И как люди ждут восхода солнца на небеса,
Так и слуги ждут, как извергнет слова
Изо рта их господин.

Таги пишет на языке, заставляющем вспомнить Книгу пророка Амоса (9: 12):

Я обратил на тебя очи мои,
И когда мы поднимемся вверх на небеса
Или спустимся вниз в подземный мир,
Твоя голова покоится в моих руках...

И снова:

Я посмотрел туда и посмотрел сюда,
Но нигде не увидел света;
И я посмотрел на правителя, моего господина,
И увидел я свет солнца.
И повернул я глаза к нему,
Чтобы служить правителю, моему господину,
И даже если кирпич упадет со строящихся лесов,
Я не отойду от ног правителя, моего господина.

Данный оборот повторяется в письмах от палестинских вождей племен адду-дани и иахтири.

Подобные обороты совершенно точно указывают на то, что в ханаанском культе было известно пение псалмов. Данный вывод подтверждает и анализ литературных текстов из Рас-Шамры. На многих из них есть пометы и разделительные знаки, используемые при антифонном пении. В административной переписке храмов обнаружены списки певцов, которые составляли важную часть тех, кто обслуживал церемонии.

Приведенные выше фрагменты мифа о Ваале и другие тексты могут создать обманчивое впечатление, что ханаанская литература не отличалась ни многообразием, ни большим количеством памятников. Однако следует помнить, что до нас дошли не все литературные сокровища Ханаана, а только те тексты, которые на глиняных клинописных табличках. Записи на папирусе бесследно исчезли, не выдержав времени. Если бы они сохранились, то, несомненно, позволили бы говорить о большем разнообразии литературных произведений.

Мифы и легенды Рас-Шамры и сохранившиеся фрагменты псалмов на амарнских табличках, скорее всего, являлись образцами, которые специально фиксировали на глиняных табличках и хранили во дворце или в храме. Другие документы, как, например, погодные записи событий, отчеты, переписка или утраченная работа Сахуниатона, выполнялись на непрочном и недолговечном папирусе.

О высоком художественном уровне ханаанской литературы свидетельствует то, что она стала главным первоисточником для литературы евреев. Ее создали дикие пришельцы из пограничных полупустынь вместе с предшественниками, уже осевшими на землях Палестины. Вместе с новым для них развитым земледельческим укладом они восприняли от ханаанских крестьян и соответствующий ему комплекс ежегодных празднеств, жертвоприношений и связанных с ним текстов.

Зависимость древних земледельцев от природы запечатлена в мифах о поединке Ваала с владыкой бурных вод и ритуалах, связанных с праздником в честь наступления нового года

и начала зимних дождей. Еврейские книжники приняли концепцию Бога – защитника мира от сил Хаоса и практически без изменений инкорпорировали ее в собственную веру, создав образ единого Бога, приведшего их из Египта, наиболее полно отраженный в Псалтыри, Книгах пророков и Апокалипсисе.

В то же самое время, отмечая влияние ханаанской литературы на Израиль, мы должны подчеркнуть, что образ Господа-Вседержителя оказался единственным случаем, когда в иудаизме отчетливо проявилось ханаанское влияние.

Ханаанская концепция умирающего и воскресающего бога, которая выражается в мифе о поединке Ваала и Мота, не повлияла на еврейскую философию. Эта часть ханаанской мифологии послужила всего лишь основой, став объектом обличения для ветхозаветных поэтов, авторов псалмов и пророков. Более тысячи лет спустя Дж. Мильтон совершенно аналогично использовал языческую мифологию в своих поэмах «Потерянный рай» и «Возвращенный рай».

Глава 7

Ханаанское искусство

Зародившееся на перекрестке этнических, культурных и политических влияний ханаанское искусство представляло собой смесь разнонациональных традиций, отчего исследователи предпочитали говорить об их ассимиляциях и интерпретациях. Однако отсюда вовсе не следует делать вывод о том, что ханаанцы не обладали должным мастерством и развитым художественным вкусом.

Уже с начала второго тысячелетия до н. э. жившие в городских центрах ханаанцы получали представление о египетских памятниках и предметах искусства. В правительственных гробницах, относящихся к XIX и XVIII столетиям, расположенных в Библосе, археологи обнаружили не только предметы египетского происхождения, принадлежавшие местным властителям, но и изделия местных мастеров. Так, на бронзовой кривой сабле, широко распространенной везде от Месопотамии до Египта, иероглифами выгравировано имя ее владельца, правителя Ипшему-аби. На другой похожей сабле выгравированы неуклюжие иероглифы, причем имя владельца написано в обратной последовательности.

На золотых изделиях и нагрудных украшениях в виде листа из тех же самых гробниц можно увидеть египетские мотивы, измененные местными ремесленниками. В качестве примера можно привести нагрудную пектораль с изображением сокола с распростертыми крыльями. Это египетский сюжет, сокол считался символом Гора, земным воплощением которого являлся фараон.

Но, отступив от египетского первоисточника, где птица в каждом когте сжимает печать фараона, ремесленник поступил по-своему, убрал печати и окружил изображение птицы декоративными завитками. Данный предмет является одной из лучших копий с иностранного образца, в которой четко видно стремление мастера к оригинальности.

В тех же гробницах встречаются и изделия из металла, которые, вероятно, указывают на другой источник. Серебряные сосуды с длинными носиками и высокими ручками в виде петель напоминают современные заварочные чайники, их остроконечные гофрированные корпуса явно указывают на критское происхождение.

Декоративный нож с серебряным лезвием, украшенный насечкой из золота, с ручкой, покрытой золотой фольгой и чернением. Возможно, перед нами работа анатолийских ремесленников по металлу, об этом же свидетельствует и насечка из золота и серебра по меди на фигурках двух, возможно, хурритских божеств из Анатолии, относящихся к XIX–XVII векам, из Рас-Шамры. Грубые бронзовые фигурки, украшенные похожим способом, были найдены в хранилище храма богини – охранительницы Библоса, восстановленном в 2000 году до н. э.

Другая часть предметов из Библоса того же времени включает цилиндрические печати,

когда-то использовавшиеся для запечатывания крышек на кувшинах с сельскохозяйственной продукцией. Уже цилиндрическая форма печатей позволяет предположить месопотамское влияние, не говоря уже о мотивах орнамента. На них изображен стоящий на быке бог Хадад в длинной одежде с молнией в руке, обнаженная богиня Иштар, фигуры мужчин с бычьими головами и линейная штриховка, характерная для Верхней Месопотамии и позже проявившаяся в искусстве Митанни.

На смешивание египетского и месопотамского влияний указывают головные уборы и прически, изображенные на печатях вместе с традиционной коброй. Но тщательность воспроизведения причесок может указывать на то, что мастер использовал именно месопотамский прототип.

Похожая смесь культурных влияний Египта и Месопотамии проявляется в рельефе из Рас-Шамры с изображением бога, которого большинство исследователей без каких-либо оснований считает Элом. Здесь стиль прически и увенчанный рогами головной убор, а также и покрой верхней одежды бородатого бога явно месопотамского происхождения, но поклоняющиеся ему носят египетские головные повязки с изображением кобры. Смесь стилей указывает на местную работу, но никаких особенных черт отметить нельзя. Позы бога и поклоняющихся ему людей условны и невыразительны.

Гораздо больше динамики видно в скульптуре бородатого Ваала, который стоит на постаменте, украшенном двумя рядами волн, угрожающе подняв скипетр и взмахнув копьем-молнией. На нем остроконечный шлем с рогами быка, короткая юбка воина и пояс с кинжалом в изогнутых ножнах. Кинжал и край юбки указывает на фигуру хурритского бога погоды Тешубы, аналогичную его изображению на воротах Богазкея.

Два ряда волн, на которых стоит бог, символизируют верхние (облака) и нижние воды из месопотамской мифологии. С ними соотносится постоянный эпитет, которым сопровождается описание Ваала в рас-шамранской мифологии, – «тот, кто стоит на облаках».

Поза, в которой изображен бог, позволяет считать скульптуру прототипом бронзовых фигурок Ваала XIV–XIII веков, которые находили в Минет-эль-Бейде и Телль-эд-Дувейре. Профессор Шеффер считает, что данный рельеф относится к 2000 году до н. э. и отражает начальный этап распространения хурритского влияния в Северной Сирии (рис. 22, 23).

Рис. 50. Скульптура бога Осириса (?) с растительным головным убором, в одежде из бисера из Рас-Шамры (по Шефферу)

Не менее любопытным примером взаимодействия разнокультурных традиций является стела из Рас-Шамры, где изображен бог в странном головном уборе. С одной стороны его очертания напоминают украшение из перьев, но четкость формы позволяет видеть в нем и лист растения, что говорит о соединении анатолийского и египетского влияния. Бог одет в традиционную для египтянина короткую юбку, поза отличается динамизмом, причем точно передано движение ноги. На поясе у него висит прямой кинжал. В одной руке – короткое копье с плоским наконечником, направленным в землю, в другой руке у него короткая булава с крючкообразным завершением также египетского происхождения.

Черты лица проработаны достаточно грубо, намечены лишь борода, большие глаза и курносый нос. Благодаря вытянутости по вертикали голова скорее напоминает бычью или лошадиную, чем человеческую. На анатолийское происхождение указывает не только прямой кинжал, но и башмаки с приподнятыми носами, которые и до настоящего времени распространены среди жителей горных районов Северо-Восточного Средиземноморья.

Однако короткая булава с крюкообразным завершением является символом египетского Осириса, а головной убор с листом может выражать связь Осириса с тамариском, который, в свою очередь, в мифах об Осирисе ассоциируется с Библосом. Там несколько раз повторяется, что тело мертвого Осириса обмыли и затем обернули тамариском. Отсюда происходит прозвище Осириса «Тот, который из Тамариска».

Художественный уровень скульптуры весьма средний, и мы можем только привести ее как пример разнообразных культурных влияний на ханаанское искусство (рис. 50).

Анатолийское влияние, возможно, проявляется и двух бронзовых фигурках из Рас-Шамры, одна из которых представляет сидящую богиню, а другая – стоящего в свободной позе бога. Последняя фигурка выполнена из меди, имеет высоту 24 сантиметра, вылеплена в полный рост и затем согнута, чтобы придать ей сидячее положение. Благодаря длинному одеянию оказываются незаметными непропорционально длинные ноги и короткий бюст.

Передняя часть фигуры вылеплена, задняя – плоская. Интересно, что голова увенчана остроконечным тюрбаном и представляет собой точное воспроизведение брахицефалического типа, характерного для Предкавказья, с выдающимися скулами и типично выдающимся приподнятым орлиным носом. Щеки почти полные, губы крупные, хорошо смоделированные, правильный овальный подбородок с ямочками. Глазницы огромные, возможно, из них вынуты вкладки из драгоценных камней. Ряд отверстий указывает, что и брови были сделаны из драгоценного металла. Углубления сзади головы и вокруг той части, где начинается спина, позволяют утверждать, что фигура была обшита золотом по свинцовой основе.

Прекрасное впечатление производит лицо, его спокойное, лишенное каких-либо эмоций, бесстрастное выражение прекрасно передает королевское достоинство. Арменоидные черты позволяют предположить, что перед нами хурритское божество, может быть, Кхипа.

Нет никакого сомнения в том, что ключом к его точной идентификации являлся предмет, который он держал когда-то в своей левой руке. Вероятно, статуэтка сделана хурритским мастером, а совершенство исполнения работы по металлу указывает на то, что источник следует искать среди ремесленников Анатолии.

С того же самого уровня происходит вертикальная фигурка бога примерно 20 сантиметров высотой, только лицо выпуклое, остальная часть плоская, изготовлена из меди. Из всей фигуры только лицо представляет художественную ценность, оно явно принадлежит богине. Лицо широкое, скулы брахицефалические. Оправленные легкими и невыразительными камнями глаза представляются соответственно бледными и суженными, менее естественными, чем те, что были у богини, поскольку установлены почти в квадратные глазницы. Нос не сильно выдается вперед, почти прямой. Брови широкие и приподнятые, подбородок полный и закругленный, рот маленький, с чуть опущенными уголками. Возможно, выражение лица должно было выглядеть суровым, но мастер так и не смог этого добиться, отчего все лицо приобрело вопросительно-настороженное выражение.

Рис. 51. Хеттская скульптура на плохо отделанном камне из Язиликая, с изображением бронзовых фигур в одежде из бисера и

головных уборах с листовным орнаментом. Одна из них изображена на предыдущем рисунке (по Акургалу)

Особое значение имеет прическа. Она конической формы. Волосы закреплены повязкой, собраны в вертикальный пучок четкой конической формы, немного наклоненный вперед. Эта прическа точно соответствует прическе статуи бога XIII века из Язилика в Малой Азии (рис. 51).

Характерные черты Ваала с копьем-молнией в руке представлены на бронзовой статуэтке с наложением покрытия из золота и серебра. Головы изображений из Минет-эль-Бейды отличаются высоким, коническим шлемом, но они без традиционных бычьих рогов. Правильные черты напоминают о сидящей богине и позволяют говорить, что перед нами снова арменоидный тип. Черты настолько правдоподобны, что позволяют предположить, что статуэтка выполнена с модели, которая специально позировала мастеру. Сходные особенности достаточно часто встречаются у жителей современной Латакии. Между тем арменоидные черты в изображении бога того времени могли появиться благодаря проникновению в Ханаан анатолийских мастеров по обработке металла в начале второго тысячелетия.

Рис. 52. Антропоморфный сосуд микенского типа. Глазурованный фаянс из Минет-эль-Бейды, XIV век (по Шефферу)

Аналогичные черты видим на миниатюрной голове скульптуры из слоновой кости,

которую некоторые исследователи приняли за изображение одного из правителей Угарита позднего бронзового века. Однако перед нами скорее стилизация черт правителя, представленного в образе Ваала.

Принимая предположение М. Дунанда, профессор Шеффер предположил, что голова женская, на что указывают стилизованные локоны, выбивающиеся из-под головной повязки. По выразительности с ней можно сравнить только изображение на декоративной фаянсовой вазе из микенского поселения в Минет-эль-Бейде, к сожалению поврежденной. Столь же натуралистические черты на бронзовой гире в форме человеческой головы выглядят карикатурно. Возможно, на ней запечатлен сам купец из той же ханаанской общины, где была сделана бронзовая отливка.

Рис. 53. Бронзовая гиря (180 граммов) в форме человеческой головы, предположительно портрет купца. Возможно, микенская работа из Рас-Шамры, XVI или XV век до н. э. (реконструкция Шеффера)

Точная передача черт лица на этих бронзовых фигурах, возможно, объясняется тем фактом, что они вначале были смоделированы в пластичной восковой модели, по которой затем была сделана разъемная глиняная форма, в которой и отливался металл. Арменоидные черты придают этим фигуркам несколько величественный вид. Скорее всего, своим появлением они обязаны длительному сотрудничеству анатолийских мастеров с местными литейщиками (рис. 53).

Обязательно следует отметить, что медные фигурки Ваала и сидящей богини явно не относятся к местной работе, то же самое можно сказать о величественной каменной голове из храма VII уровня (XVII век до н. э.) в Атшане. Прекрасно выполненный портрет передает яркий образ сильного и величественного правителя. Перед нами прекрасный образец сирийской скульптуры бронзового века, хотя, по всей вероятности, это работа иностранного мастера. Обнаруживший скульптуру британский археолог сэр Л. Вулли считает, что ее автор

относится к шумерской школе искусств (Северная Месопотамия), недавно ставшей объектом археологических раскопок. Не важно, откуда происходит данный образец, но он уникален и едва ли относится к образцам ханаанского искусства.

Очевидно, что ханаанцы отдавали предпочтение работам по слоновой кости, прежде всего это относится к прибрежным городам. Отличительными особенностями можно считать низкий рельеф или насечки на плоских пластинках для нанесения внешнего слоя; возможно, это был побочный продукт для отделки мебели, материалом для которой служил прекрасный кедр из Ливана и Амануса.

Самыми ранними образцами ханаанской резьбы по кости являются разнообразные предметы конца позднего бронзового века из дворца в Угарите. Особенно примечателен декоративный рог, вырезанный из цельного слоновьего бивня. Правда, он сильно пострадал во время пожара, уничтожившего дворец. На его внутренней стороне между двумя крылатыми сфинксами изображена обнаженная стоящая богиня. Под чертой, на которой расположились фигуры, имеются следы панели со львами, возможно сидящими с переплетенными хвостами, аналогично изображенному в нижней части саркофага правителя Ахирама из Библоса. Очевидна четкая симметрия в расположении фигур.

Особенно примечательна фигура богини. При непропорционально большой голове и необычной позе – на цыпочках, ее тело отличается прекрасным сложением. Натуралистично переданное лицо дышит покоем и сознанием своего превосходства, что и соответствовало представлению о богине.

Самыми интересными среди этих изделий из слоновой кости можно считать восемь панелей размером 24 на 10 сантиметров и высотой 10 сантиметров. Когда-то они помещались в деревянной раме, сверху и снизу украшенной фризами из слоновой кости. Внизу располагались изображения сражающихся и охотящихся зверей. Нижний ряд был, кроме того, украшен резной полоской из слоновой кости с изображениями священного дерева, всевидящего глаза и других апотропейных (предохранительных) мотивов.

Примыкавшие друг к другу части составляли нижнюю панель кровати правителя. Профессор Шеффер видит в них аналогию с изделиями из Египта, относящимися к амарнскому периоду. Панели можно считать скорее документальным, чем художественным памятником, поскольку на них представлены яркие и достаточно интересные по композиции сцены из жизни правителя. Те, что располагались внутри ложа, отличаются большей интимностью.

На них изображена богиня, которую сосут двое мальчиков или молодых людей. Фигура облачена в длинное платье, видны две пары крыльев. Египетская высокая прическа с рогами увенчана диском со стилизованными изображениями молнии и звезд. Без сомнения, перед нами изображение Анат, отважной сестры Ваала, бога молнии и зимних дождей. Мотив отроков, сосущих богиню, общий для идеологии государства в Древних Месопотамии, Египте и Ханаане, где он соотносится с легендой о правителе Керете. Фигуры близнецов могли появиться для симметрии, на самом же деле они передают не две личности, а одну.

Фигура богини не отличается грациозностью, ее ноги, показанные сбоку, явно полноваты. Ноги сосущих фигур, также показанные сбоку, имеют при этом пять пальцев!

Однако лицо богини удачно выполнено в профиль, чтобы придать ему выражение, передающее ее высокое достоинство. На другой панели изображена княжна, возможно невеста правителя, приносящая жертвоприношение богине.

На следующей панели мы видим правительственную чету, женщина обвила левую руку вокруг шеи правителя, а правой рукой подносит ему благовония. Сохранившиеся кусочки панели позволяют предположить, что, в свою очередь, правитель обнимает правительницу за шею, мягко положив левую руку ей на грудь. Четко обрисованный округлый живот женщины деликатно намекает на ее беременность. Здесь мы снова встречаемся с некоторым несоответствием – показаны все пять пальцев на ноге правителя, изображенной сбоку, но лицо его лишено какого-либо выражения.

На последней панели внутренней стороны изображен охотник, приносящий дичь

правителю. В связи с изображением сцен глубоко личного характера из жизни царственной четы мы можем заметить, что перед нами два стилизованных изображения символа плодородия в виде древа жизни. Этот мотив доминирует на ложе правителя. Использование слоновой кости в панелях и других предметах искусства в тот период, возможно, определялось тем, что она играла особую магическую роль как стимулятор потенции. Вероятно, этим объясняется использование мотива Древа жизни, изображений матери-богини, благожелательного гнома Беша и обнаженных женщин, которые часто встречаются на ханаанских изделиях из слоновой кости бронзового века.

На пластинах, находившихся на внешней стороне ложа, изображены сцены из общественной жизни правителя. Самое заметное из них – изображение правителя, вцепившегося в волосы семитского противника и выкалывающего ему глаз короткой саблей с насечками. Его величество так упоен своим триумфом, что кажется застывшим и флегматичным. Но его коленопреклоненный враг, с руками, поднятыми в знак покорности, полон жизни. В профиль хорошо представлены черты обеих персонажей, они отличаются пропорциональностью, только глаза немного увеличены. Возможно, так в то время изображали семитов в Ханаане.

Подражая месопотамским и египетским образцам, ханаанские резчики по слоновой кости внесли в свои изделия немало нового, например фигура крылатого и бородатого джина из Мегиддо, аналога египетского Беса, уродливого гнома, покровителя беременных женщин, детей и спящих людей, а также сцена триумфа правителя, где трон короля поддерживают выполненные в месопотамской манере крылатые сфинксы. Находящейся в руке правителя лотос, символизирующий жизнь, – традиционный египетский мотив, но все остальные черты явно ханаанские.

Особенно хорошо прорисованы тела действующих лиц, да и сама сцена прекрасно скомпонована, даже свободное пространство заполнено изображениями птиц и растений с тремя стволами. Правитель возвращается с войны в колеснице, за ним следуют связанные пленники Жена правителя в окружении женщин, играющих на музыкальных инструментах, приветствует мужа.

Не исключено, что на пластине изображены две разные сцены – возвращение правителя с войны и его развлечения с правительницей и музыкантами уже в мирное время. На пластинке, скорее представляющей дощечку с резьбой, чем рельеф, трехствольное растение использовано для разделения отдельных сцен.

Традиция наложения слоновой кости, имитирующей желтый цвет на низком рельефе, была продолжена в железном веке, что видно на изображениях из дворца Ахаба в Самарии (IX век) и по вещам из дворца ассирийских правителей в Нимруде (Калху). Очевидно, что последние несут черты микенских мотивов, отличавшие ханаанскую работу по слоновой кости периода позднего бронзового века.

Действительно, лучше всего ханаанскому художнику удавались изображения животных, как, скажем, на расческе из слоновой кости конца бронзового века из Мегиддо, где помещено изображение собаки, хватающей ибиса. Мастер великолепно передал движение и добился весьма удачного сочетания естественности и стилизации, определяемой характером материала, с которым он работал, и формой изделия. Выполненная в традициях Мегиддо охотничья сцена указывает на источник, побудивший к созданию данного изображения, напоминая об ибисе на чеканном золотом сосуде из Рас-Шамры. Еще более похож на данное изображение ибис на отделанной золотом рукоятке кинжала из Цафер-Папуры (Крит).

Действительно, охотничьи сцены на микенских рельефах из слоновой кости и изображение кормящей коровы из Кносса позволяют предположить источник предметов из Ханаана. Движение собаки, схватившей ибиса, представляется интересной авторской версией.

На основании тщательного изучения этих предметов доктор Р. Д. Барнет выявил египетские, анатолийские и микенские мотивы в ханаанских изделиях из слоновой кости.

Первая группа предметов со сценами, выгравированными на пластинках из слоновой кости, происходит из Палестины – Мегиддо (XIII–XII века) и Телль-эль-Фара в Вади-Газзах (XIII век).

Вторая группа – рельеф с изображением льва и горшочек для притираний с вырезанным на нем сидящим сфинксом – предположительно отнесена им к Северной Сирии, поскольку стилистика предметов напоминает скульптуры от входа в хеттскую столицу Богазкей. Различия между этими группами Барнетт объяснил разделением сфер политического влияния между Египтом в Палестине и на сирийском побережье и хеттским во внутренней Сирии.

Отмеченные нами микенские мотивы позволяют говорить о работе, выполненной в мастерских. Они могут отражать третью, или микенскую, школу, расположенную в одном из микенских поселений в Ханаане и относящуюся к позднему бронзовому веку, такую, как находилась в Минет-эль-Бейде или Телль-абу-Хаваме.

С другой стороны, эти изделия могут быть и работой ханаанских ремесленников, испытавших влияние критских или микенских прототипов. Ханаанские изделия явно проигрывают в сравнении с утонченными образцами, привезенными с запада, из Микен.

При выполнении изделий большого размера, например базальтовых львов, ханаанские ремесленники не были так искусны. Их обнаружили в святилище Гезера и у входа во дворец в Алалахе (Атшана), где они стояли на страже аналогично стражам-шпионам в Верхней Месопотамии, возможно появившимся при хурритях и сохранившимся вплоть до ассирийских времен.

Туловище львов вырезано низким рельефом на квадратной базальтовой плите. Отметим реалистичную передачу движений хвоста: у одного льва он вытянут, а у другого задран вверх, конец каждого хвоста закруглен. Эта общая черта указывает на общий источник их происхождения.

Голова круглая, но экземпляр из Гезера с гривой выглядит более реалистичным, чем тот, что представлен в Алалахе. Более натуралистичны и лапы гезерского льва, тогда как у алалахского они грубо стилизованы. К сожалению, из-за разрушительного воздействия внешней среды голова льва из Гезера не позволяет говорить о степени реалистической точности изображения.

Поза другого льва на отдельно стоящем ортостате из Гезера с приподнятой передней частью корпуса (в Алалахе львы изображены в крадущейся позе) точно соотнесена с живостью и внутренней силой в голове и плечах.

Однако его задняя часть выглядит непропорциональной, в отдельных случаях мастера явно не смогли справиться с твердым, неподатливым базальтом. Алалахские ремесленники явно смогли преодолеть влияние грубого хурритского прототипа, традиции которого сохранились в грубо отделанных стелах из арамейского дворца IX века в Телль-Халафе.

Гораздо более высоким уровнем отличается рельеф, на котором изображена схватка между львом и собакой из храма Мекаль в Бет-Шане. В его верхней части изображены лев и безудержно стремящаяся в бой, рычащая собака. Их тела сплелись в схватке, пасти оскалены, мышцы напряжены. В нижней части собака прижата задней частью льва, в которую она вонзила свои зубы. Разъяренный лев, что видно по оскаленной пасти, бьет себя хвостом по ногам.

Особенно хороши изображения голов всех животных, напоминающие поздние ассирийские скульптуры. Здесь скульптору удалось преодолеть сложности работы с базальтом и освободиться от тяжелой, безжизненной традиции, которую диктует материал.

Можно предположить местное происхождение скульптуры на том основании, что к северу от Бет-Шана расположены огромные залежи базальта. Об этом же свидетельствует и содержание мотива, как предположил Л. Н. Винсент, связанного с защитой от чумы, крайне актуальной в таком пользующемся дурной славой малярийном районе, как Бет-Шан, где было много болот и сочной растительности. Если это действительно так, скульптуру можно считать прекрасным образцом ханаанитского искусства. По технике исполнения можно

говорить о влиянии Северной Месопотамии. Вероятно, она попала в Бет-Шан после одной из египетских экспедиций в Митанни в XVI или XVII веке или была изготовлена искусным митаннским мастером, увезенным египтянами в Ханаан. И все же до конца это так и не ясно, и, если бетшанский лев действительно был изготовлен в Ханаане, то отсутствие аналогов в Верхней Месопотамии того времени, на что указывает Дюссо, позволяет отнести его к произведениям ханаанского искусства.

Прекрасным образцом ханаанской скульптуры можно считать саркофаг правителя из Библоса, в котором обнаружено два алебастровых сосуда времен Рамзеса II, керамика из Кипра и микенские изделия из слоновой кости, относящиеся к XIII веку. Одновременно можно говорить о характерном для Ханаана сочетании иностранных и местных мотивов.

На ней изображен бородатый правитель, сидящий на троне с высокой спинкой. В правой руке он держит кубок, в левой – поникший цветок лотоса, как знак смерти, принятый в египетском искусстве.

Ножками трона, как и принято в Мегиддо, являются два сфинкса. Ноги правителя опираются на подставку. Перед ним стоит стол с едой, почти такой же, как и тот, что вырезан на столбе из слоновой кости из дворца в Рас-Шамре. Его обслуживают слуга и служанка.

Каждая из конечных панелей заполнена четырьмя обнаженными по пояс женскими фигурами, в юбках со странными оборками, что обычно указывает на танцовщиц, участвующих в обряде оплакивания. Первые две или раздирают груди, или бьют по ним, две другие бьют себя по голове, посыпают ее пылью или выдирают в знак горя волосы.

Композиция сцены тщательно продумана, позы всех фигур согласованы, точно переданы детали – еда на столе, одежда. Они выполнены настолько тонко, насколько позволяла грубая фактура песчаника. Вместе с тем черты всех фигур условны и безжизненны, несмотря даже на непреложные правила изображения плакальщиц на концах панелей, которые прекрасно передают тему скорби. Хотя скульптуру на остроконечной крышке нельзя назвать особенно примечательной, все равно она представляет особый интерес. Две фигуры удачно показаны в полный рост, одна держит нераспустившийся цветок лотоса, лотос, что в руках у другой, уже поник. Скорее всего, первая фигура принадлежит наследнику, а вторая представляет умершего правителя.

Неясно, насколько изображение соответствует тому, как выглядел умерший в жизни, после его воскресения, которое и должен был представить погребальный пир. Вместе с тем на пиру мог быть представлен его преемник в соответствии с принципом: «Король умер! Да здравствует король!»

Темы смерти правителя и оказания ему почестей во время поминального пира представлены живо и освобождены от натуралистических подробностей, что представляло определенные трудности. Несколько условный характер резьбы передает торжественную монументальность происходящего.

Если в художественном отношении изделия ханаанцев не отличались особой оригинальностью, все равно они были знакомы с предметами искусства из иностранных провинций и испытывали их влияние. Правители ценили такие изделия, как прекрасные боевые топоры с острыми пирамидальными лезвиями из бронзы и навершием в форме, например, львиной головы, как у экземпляра из Рас-Шамры (поздний бронзовый век). Иногда он сделан с выступающим острием, как прекрасный образец также из Рас-Шамры среднего бронзового века (1900–1750) или топор из хранилища даров в Бет-Шане (XIV век).

Широкое скошенное лезвие с длинным поддерживающим выступом под навершием создает эффект большого пальца с вытянутыми остальными. Топор не только удобен, но и красив благодаря изысканному изгибу лезвия. Прямое стальное лезвие прикреплено к бронзовому навершию так, чтобы создалось впечатление, будто львы держат металл в пасти.

Прекрасные плавные линии топора из Бет-Шана позволяют предположить, что мастер изготовил его по образцу кавказского происхождения. Обух, выполненный в виде припавшего к земле кабана, как уже говорилось, возможно, пришедший откуда-то с Кавказа,

был заимствован ханаанцами из Митанни в Верхней Месопотамии. Об этом свидетельствуют прекрасно сохранившиеся образцы подобных изделий, обнаруженные в Луристане на Иранском плоскогорье.

С конца XV века и вплоть до 1360 года, когда при правителе Суппилулиумме в Сирии началось вторжение хеттов, Сирия и Палестина входили в сферу интересов Египта и были зоной постоянных контактов Египта и Митанни. В этот период, когда власть Египта представляли губернаторы, районные чиновники и размещенные в укреплениях гарнизоны, ханаанские правители и их дети подвергались особенно сильному египетскому влиянию, даже часто обучались в Египте.

В частности, местная богиня плодородия обычно изображалась с прической египетской богини Хатор, что мы можем увидеть на золотых рельефах подвесок из Рас-Шамры и Телль-эль-Аджжула и на отштукатуренных глиняных пластинках. На скульптурах местных богов Ваала и Решефа из Рас-Шамры и Бет-Шана появились египетские символы божественности.

В Минет-эль-Бейде, приморском районе Рас-Шамры, подобным же способом имитировали египетские прототипы. Так, например, на складе здешнего торговца косметикой можно было найти алебастровые сосуды для благовоний с египетским орнаментом, но изготовленные из местного материала. То же влияние отмечаем и в статуэтке бронзового сокола с коброй, птицы Гора. Бронзовая фигурка позолочена, за исключением украшения на голове птицы. Яркое выраженное личностное начало на рельефе из слоновой кости с ложа правителя Угарита совершенно точно свидетельствует о творческой свободе, характерной для царствования Эхнатона. Хотя работа может показаться достаточно неординарной.

Начиная с XV века вплоть до конца бронзового века микенская керамика часто встречается в ханаанских городах, где существуют постоянные микенские поселения – в Рас-Шамре, Минет-эль-Бейде и Телль-абу-Ханаме. Работы мастеров из поселений эгейских колонистов, возможно беженцев с Крита, а может быть, и с Кипра, оказывали сильное воздействие на местное искусство, как мы уже показали в нашем обзоре работ по слоновой кости. Обычно, как это было и с керамикой, местные мастера упрощали эгейские прототипы.

Рис. 54. Сцена охоты, изображенная на расческе из слоновой кости из Мегиддо (по Хардену)

Прекрасными образцами микенского искусства можно считать работы местных

микенских ремесленников, такие, как узкие грациозные вазы, разрисованные узором с осьминогом, и глазурованная ваза с вылепленным и раскрашенным в различные цвета женским лицом (рис. 57).

Выразительность прекрасного лица с аккуратно уложенными завитками волос, даже несмотря на имеющиеся повреждения, напоминает рельефы из кносского дворца. Та же самая традиция видна в изображении богини плодородия, представленной на рельефе на крышке из слоновой кости для коробки с благовониями из Рас-Шамры. Обнаженный бюст, юбка с оборками, завитки и очень выразительная фигура богини, сидящей между двумя единорогами, каждому из которых она предлагает растение.

Особенно удачно выполнены животные. Хотя они присущи микенскому искусству, можно говорить о мотивах, известных только в ханаанской керамике, судя по печатям с двумя единорогами под фруктовыми деревьями. Эта тема возвращает нас к шумеро-аккадскому искусству, представленному на гробницах в Уре начиная с III династии. Возможно, ханааниты ввели эту тему в микенское искусство, но сама богиня явно работы микенского мастера.

К тому же времени относятся созданные явно под тем же влиянием золотые патера и чаша, прекрасно выполненные изделия из Рас-Шамры. Они выделяются даже среди разнообразных и роскошных изделий, обнаруженных в этой космополитической метрополии Ханаана позднего бронзового века.

Три концентрические доски из гранатов, разделенные типично микенскими спиралями, являются примером взаимодействия двух традиций. Рисунок в виде ряда гранатов напоминает бронзовый сосуд, найденный в тайном хранилище в Рас-Шамре, что в целом указывает на соединение микенской и ханаанской традиций.

На наружной панели изображены фигуры двух воинов, одетых в короткие юбки, убивающих льва, львы, атакующие быков и оленей, а также египетский сфинкс и месопотамский крылатый бык перед хорошо известным в Ханаане изображением священного дерева или стилизованной пальмы. Все эти образцы указывают по крайней мере на два других источника.

На золотой рукоятке кинжала из Зафер-Папуры, описанного А. Шеффером, блестяще показан лев, нападающий на архара, и летящий над ним ибис. Фигура льва, тянущего козла к земле, повернута к зрителю, в то время как ибис изображен в профиль. Эмоциональный настрой всей композиции показывает, как традиционные месопотамские мотивы борющихся животных менялись в руках анатолийских хурритов.

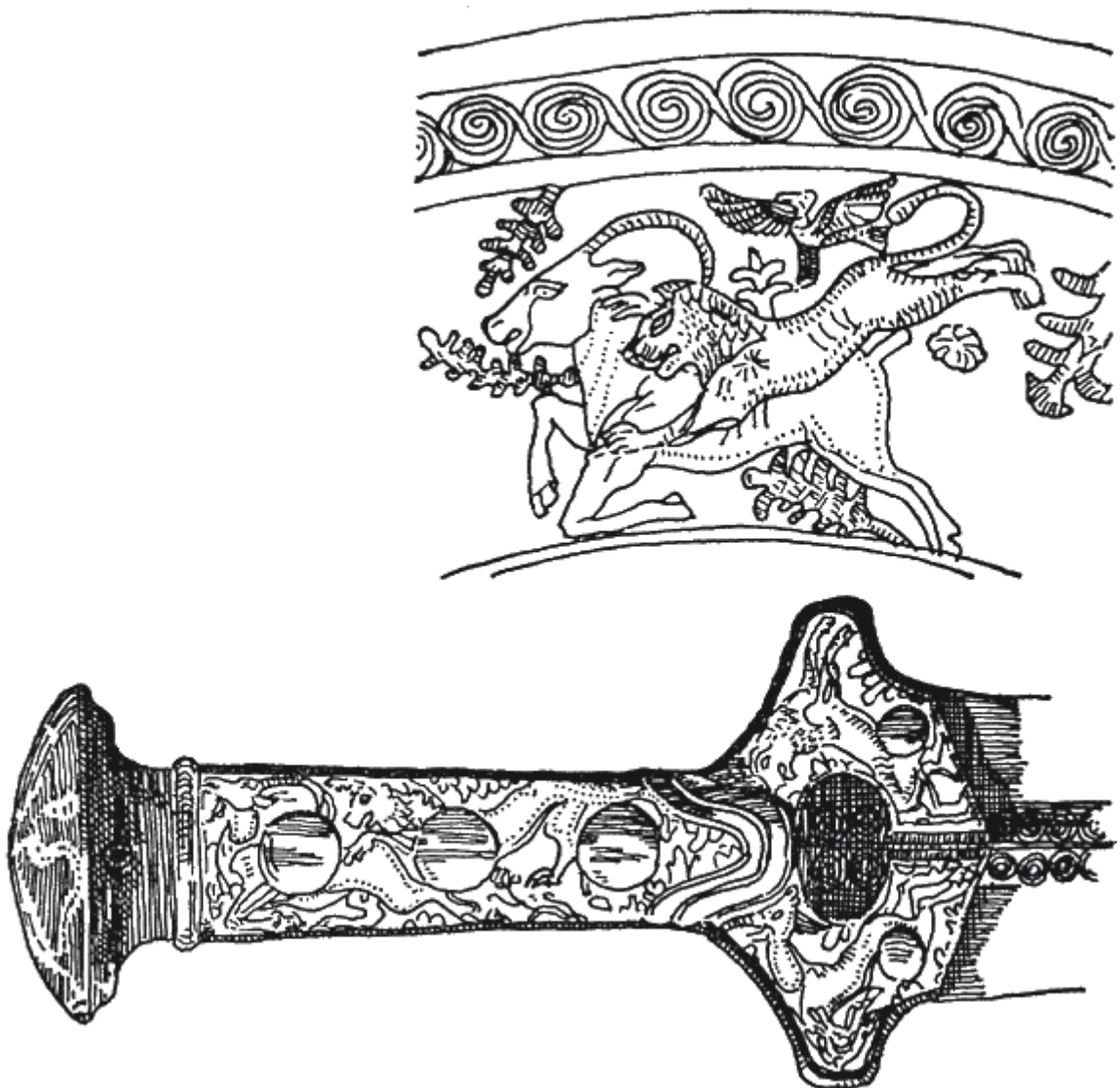

Рис. 55. Лев и ибис во время охоты, изображение на золотом сосуде из Рас-Шамры и на рукоятке меча из Зафер-Пагуры, Крит (по Шефферу и Эвансу)

На второй панели, где симметрично расположены два льва, смотрящие в разные стороны, и два быка, собирающиеся напасть друг на друга, сюжеты разделены стилизованным изображением дерева, что указывает на доминирующее влияние запада в живом и натуралистическом изображении животных, в то время как стилизованная пальма указывает на ханаанское влияние в изображении растений (рис. 55).

Средняя панель, располагавшаяся вокруг центральной розетки, облегчена путем устройства пяти капсид вместо четырех, две пары каждой достигают стилизованного дерева, которое напоминает изображение «повелительницы зверей» на рельефе из слоновой кости.

Патера производит лучшее эстетическое впечатление, здесь использована одна тема, связанная с охотой. Изображен лучник в легкой колеснице, его собака преследует антилопу, быка, корову и ее теленка, в то время как другой бык нападает на колесницу сзади. Когда он пытается задержать колесницу, собака пролетает над его головой.

Движение фигур передано изображением замкнутого круга на широкой внутренней панели, похоже, что и сам художник (ремесленник) остался удовлетворенным своим замыслом. В центре располагаются четыре единорога. И снова местное влияние заметно в чертах лучника и изображении легких четырехспицевых колес у колесницы.

В то же время можно говорить о том, что характер передачи особенностей движения животных явно микенского происхождения, им, например, соответствуют движения львов в галопе на покрытом золотом кинжале, обнаруженном в гробнице IV из цитадели Микен.

Не так-то просто определить, была ли данная работа ханаанского мастера вдохновлена микенским искусством и в какой степени оно повлияло на ее стиль или наоборот. Неразделимое слияние двух стилей и смешение мотивов, встречающихся на чаше, позволяет предположить, что если ее изготовил не ханаанский ремесленник, то, по крайней мере, провинциальный микенец. Об этом свидетельствует и сравнение с изображениями сцен охоты на чашах из толосной гробницы, расположенной в Вафео в Лаконии.

Множество авторов писали о том, что нельзя четко определить особенности ханаанского искусства. Подобная точка зрения сложилась в то время, когда наука располагала ограниченным кругом источников, связанных с поселениями, расположенными на финикийском побережье, относящимися к тому времени, когда там доминировали эллинистические формы.

Раскопки более ранних поселений, датируемых началом второго тысячелетия, расположенных как на побережье, так и на внутренних территориях Сирии и Палестины, заставляют нас уточнить прежние выводы. Даже если мы должны признать, что ханаанцы во многом зависели от иностранного влияния, они охотно воспринимали новые формы и стили, которые узнавали во время контактов с Египтом, Месопотамией, Критом, Микенами или Анатолией.

Если они даже и копировали привозные образцы, то делали это с высоким мастерством. Вместе с тем в их работах отражались и местные особенности, хотя и нельзя сказать, что они оставались полностью оригинальными. Лучшие изделия относятся к изготовленным из слоновой кости рельефам или круглой скульптуре, в которой передавались критские и микенские традиции изображения животных, относящиеся к первому тысячелетию. В то время эти изделия и стали появляться в Ассирии. Но в свете всего сказанного заметим, что национальное ханаанское искусство пластики имеет и свои ограничения.

Обширные доказательства высокого художественного уровня достижений ханаанцев предоставляет литература. Регулярная ритмика и постоянная рубрикация мифологических текстов и их связь с культом, которая достигает высшей точки в мифе о рождении Утренней и Вечерней звезды позволяет предположить, что развивалась и музыка. В административных текстах упоминаются певцы, возможно относившиеся к числу людей, обслуживающих храмы. Здесь снова их географическое положение позволяет предположить, что ханаанцы находились под влиянием своих соседей.

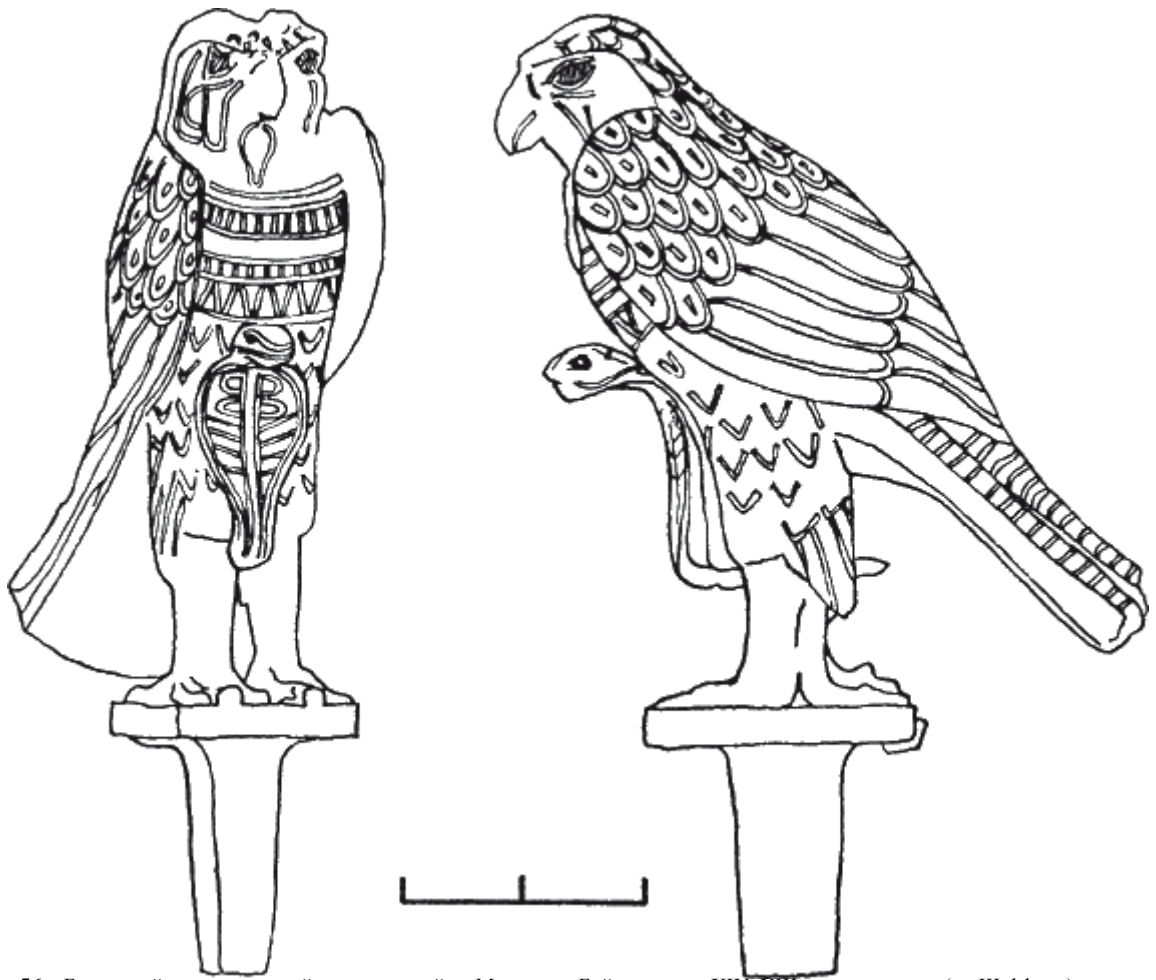

Рис. 56. Бронзовый сокол с золотой инкрустацией из Минет-эль-Бейды, между XIV–XIII веками до н. э. (по Шефферу)

В надписи на пенале из слоновой кости, найденном в Мегиддо, упоминаются певица Керкер, Куркур или Кулькуль, певец Птах, который в то время явно относился к храму в Ашкалоне. Известно, что и у правителя Библоса во времена Венамона (1100 год) также находилась египетская певица Танет-Нот, но она упоминается только как исполнительница светских текстов.

Такие певцы, как Керкер, исполнявшие тексты типа гимна Эхнатона Солнцу, известного по еврейской адаптации, представленной в псалме 104, могли способствовать знакомству с ним ханаанцев. Короткая красочная любовная лирика, представленная в «Песне песней» Соломона, похоже, сохранила следы египетского влияния, принесенные в Ханаан благодаря репертуару таких певцов, как Та-нет-Нот.

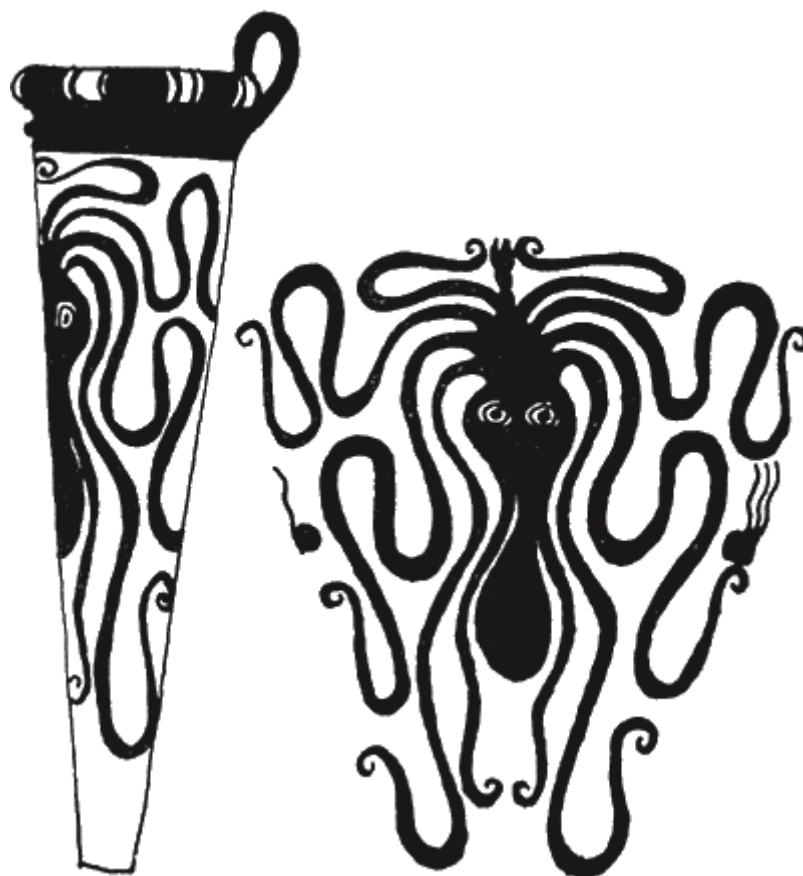

Рис. 57. Микенский сосуд (ритон) с изображением осьминога из Рас-Шамры между XIV–XIII веками до н. э. (по Шефферу)

Несколько хвалебных гимнов, представленных в аккадской силлабической клинописи, указывают на прямое влияние месопотамских псалмов. Однако, как показали приведенные нами цитаты из амарнских табличек, существует и местная ханаанская традиция исполнения псалмов, память о которых сохранилась в еврейской Псалтыри.

Помимо явного влияния ханаанской культуры в форме, мотивах и образах, «местные» исполнители Хеман и Этхан упомянуты как авторы соответственно 88-го и 89-го псалмов. Они являются такими же легендарными фигурами, как сочинившие героическую песнь о Соломоне Еман, Халкол и Дарда, упомянутые в Ветхом Завете (3 Цар., 4: 31). Таким образом, практически не приходится сомневаться в том, что «местное» и означает «ханаанское».

Правда, в ветхозаветной традиции скорее имелись в виду прозаические, а не поэтические произведения, хотя в древней семитской традиции мудрость и поэтическое мастерство в равной степени являлись проявлениями духа и часто соединялись, особенно в таких серьезных жанрах, как храмовое пение. Мы согласны с У. Олбрайт, которая предположила, что наименование этих людей «сыновьями Махола» следует считать указанием на их принадлежность не к определенному роду, а к группе хористов или «гильдии певцов», существовавшей при храме.

Кроме музыки, о происхождении которой и разнообразии мы смогли только мельком упомянуть, литература, как было замечено выше, остается высшим художественным достижением ханаанцев. В обеих формах отразилось страстное желание евреев насытить драматизмом главные события их веры и истории.